

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

**TOM
vol. 5 № 3 / 2025**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 5 № 3
2025

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 5 № 3
2025

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 5 № 3 2025

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – А. Н. Великих, Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 5 N° 3 2025

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal psychology and security psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – A. N. Velikikh, G. N. Golyadkin, L. M. Bukina.
Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В. – доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон).

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Енгальчев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

- Engalychev V.F.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)
- Zmanovskaya E. V.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)
- Iлакavichus M. R.** – Doctor of Pedagogy (Russia, St. Petersburg)
- Karayani A. G.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)
- Kirillova T. V.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)
- Kleimenov M. P.** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)
- Kostromina S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
- Lelchitsky I. D.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)
- Lyaskovska K.** – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)
- Pudovochkin Yu. E.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)
- Rybnikov V. Yu.** – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Sitnikov V. L.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Strelnikova Yu. Yu.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Teslenko A. N.** – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)
- Utyuganov A. A.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Research – Head of Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)
- Fedotov S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)
- Khusainova S. V.** – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)
- Shestakov D. A.** – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)
- Javorchikova J.** – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	368
Современная девиантология: теории и концепции	
Зуева Е. Г. Переживание вины постпенитенциарной личностью с позиции оценки риска рецидива преступления.....	372
Методология изучения девиантного поведения	
Муслумов Р. Р. Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания несовершеннолетних: разработка конструкта.....	386
Психологические исследования девиантного поведения	
Александрова О. В. Внушение как гипотеза недостоверных показаний в Statement Validity Assessment.....	403
Горбатов С. В., Арбузова Е. Н., Тураносова В. В. Особенности переживания вины и стыда у лиц с саморазрушающим поведением.....	414
Духновский С. В., Цимбал А. С. Шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности»: разработка, психометрическая характеристика и возможности использования.....	433
Есаулов М. Н., Омерова Н. Л., Паршутин И. А. Закономерности и механизмы проявления прокрастинации в студенческом возрасте.....	446
Марьин М. И., Терегулова О. А. Основные направления деятельности руководителя в органах внутренних дел по разрешению конфликтов в коллективе.....	465
Хусаинова С. В. Подростки группы риска: эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей.....	477
Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения	
Мантуров О. С., Нелюбин Р. В. Девиантогенное воздействие медиа-продукции на обучающихся.....	488
Кузьмин Р. Г. Формы защиты учителей от агрессии со стороны учащихся.....	503
Криминологические исследования девиантного поведения	
Рахманова Е. Н. Традиционные и современные криминологические теории и криминологическая безопасность в XX веке.....	519

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A. 368

Modern deviantology: theories and concepts

Zueva E. G. The experience of guilt by post-penitentiary personality from the perspective of assessing the risk of recidivism..... 372

Methodology for studying deviant behavior

Muslumov R. R. Legal coping strategies in the structure of legal self-awareness of minors: developing a construct..... 386

Psychological research of deviant behavior

Aleksandrova O. V. Suggestion as hypothesis of unreliable testimony in Statement Validity Assessment..... 403

Gorbatov S. V., Arbuzova E. N., Turanosova V. V. Features of experiencing guilt and shame in individuals with self-destructive behavior..... 414

Dukhnovsky S. V., Tsimbal A. S. The “Information-Psychological Vulnerability of the Individual” Scale: development, psychometric characteristics and potential applications..... 433

Esaulov M. N., Omerova N. L., Parshutin I. A. Patterns and mechanisms of procrastination in student age..... 446

Maryin M. I., Teregulova O. A. Main activities of heads of internal affairs departments in resolving conflicts in their staff..... 465

Khusainova S. V. Adolescents at risk: an empirical study of individual psychological characteristics..... 477

Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior

Manturov O. S., Nelyubin R. V. The deviant influence of media products on students..... 488

Kuzmin R. G. Forms of protecting teachers from students’ aggression..... 503

Criminological research of deviant behavior

Rakhmanova E. N. Traditional and contemporary criminological theories and criminological security in the 20th century..... 519

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной номер «Российского девиантологического журнала».

В рубрике «Современная девиантология: теории и концепции» представлена статья «Переживание вины постпенитенциарной личностью с позиции оценки риска рецидива преступления», в которой рассматривается проблема переживания моральных эмоций вины, а так же ее составляющих – совести и стыда – с позиции оценки риска рецидива преступления. Именно эмоции вины, совести и стыда могут представлять собой важнейший ресурс процесса ресоциализации в связи с их возможностью оказания влияния на ценностно-смысловой выбор постпенитенциарной личности. Рассмотрены существующие модели оценки риска рецидивов, позволяющие оценить, насколько вероятен риск совершения повторных правонарушений, и разработать программу ресоциализации постпенитенциарной личности. Анализируются особенности переживания вины, совести и стыда в представленных инструментах. Приводятся результаты зарубежного

опыта, в которых установлена взаимосвязь вины, совести и стыда с совершаемыми преступлениями. Делается вывод о том, что в системе уголовных наказаний и пробации Российской Федерации возникает необходимость оценки риска рецидивов. При этом учет переживаний вины и ее составляющих – совести и стыда – позволит осуществить глубокую оценку постпенитенциарной личности и более эффективно выстроить программу ресоциализации.

Рубрика «Методология изучения девиантного поведения» включает исследование «Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания несовершеннолетних: разработка конструкта», актуальность которого обусловлена цифровизацией общественных отношений, снижающей уровень правового самосознания и повышающей уровень риска криминализации несовершеннолетних. Пропорционально взрывному росту криминальных посягательств на данную категорию населения возрастает научный интерес к стратегиям совладающего реагирования личности на стресс, вызванный ее взаимодействием с социумом в юридически значимых ситуациях. Теоретическим результатом исследования является разработка конструкта правовых копинг-стратегий, базирующегося на интеграции когнитивно-поведенческого подхода, концепции копинг-поведения и теории правового самосознания, что позволило выделить три основных типа правовых копинг-стратегий (отстраняющийся, отстаивающий, приспособительный) и их реализацию в осознаваемой и неосознаваемой форме. Автор обосновывает методические и практические перспективы дальнейшей разработки конструкта и методики в областях правового просвещения, консультирования и профилактики правовой дезадаптации несовершеннолетних и молодежи.

Статья «Внушение как гипотеза недостоверных показаний в Statement Validity Assessment» открывает рубрику «Психологические исследования девиантного поведения». Statement Validity Assessment (SVA) как инструмент оценки достоверности показаний в наши дни является методической основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний, прежде всего, в немецкоязычных странах, где данный подход развивается в течение многих десятилетий, продолжая почти столетнюю традицию психологии показаний в Германии, вобрав в себя и реализовав на практике многие идеи, которые зародились еще на заре становления

юридической психологии в конце XIX в. Одной из таких идей является внушение как причина недостоверности показаний. В статье рассматривается значение феномена внушения при оценке достоверности показаний в исторической перспективе.

Следующая статья посвящена особенностям переживания вины и стыда у лиц с саморазрушающим поведением. В работе раскрывается роль стыда и вины в регуляции поведения лиц, демонстрирующих склонность к самоповреждению, приводятся результаты сравнительного эмпирического исследования молодых женщин. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что молодые женщины, склонные к самоповреждающему поведению, чаще испытывают интенсивные эмоции стыда и вины, выбирают неадаптивные способы эмоциональной регуляции, им свойственна аутоагрессия. В группах респондентов, склонных к самоповреждению, переживание стыда и вины тесно связано с неадаптивными способами эмоционального регулирования, дисфункциональными чертами личности и направленностью агрессии на себя.

Разработке, психометрической характеристике и возможностям использования шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» посвящена статья, в которой с привлечением эмпирического материала раскрывается проблема измерения информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел в континууме «устойчивость – уязвимость». Авторы утверждают, что в информационном пространстве служебной деятельности снижение информационно-психологической устойчивости приводит к повышению уязвимости и виктимности, что негативно влияет на качество оперативно-служебной деятельности. Ранняя психодиагностика позволяет принять своевременные меры для повышения устойчивости и профилактики информационно-психологической уязвимости и виктимности. Для этого предлагается использовать авторскую шкалу «Информационно-психологическая уязвимость личности». Основное назначение шкалы – оценка подверженности влиянию информационного воздействия (прямого и / или косвенного) в континууме «устойчивость – виктимность». Шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» требует минимального времени для проведения и обработки и может применяться в различных ситуациях как с практическими, так и с исследовательскими целями; отвечает основным психометрическим требованиям, предъявляемым к разработке профессиональных психологических тестов. Разработанную шкалу можно использовать для профилактики информационно-психологической уязвимости и виктимности в рамках морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел.

В статье «Закономерности и механизмы проявления прокрастинации в студенческом возрасте» обсуждаются вопросы возникновения академической прокрастинации, распространенность которой в студенческой выборке зависит от курса обучения. Основой формирования прокрастинации у первокурсников выступает отсутствие внешнего контроля за посещением занятий и своевременным предоставлением выполненных работ по сравнению со школьным периодом обучения. Прокрастинация не является следствием низкой академической успеваемости, так как свойственна студентам с хорошими способностями к обучению и самокритикой. Для решения данной проблемы специалисты предлагают рассматривать академическую прокрастинацию с позиции как личностных качеств студента, так и условий его обучения, способствующих психическому здоровью и профессиональному развитию. В рамках проведенного исследования показано, что тревожность выступает главным фактором возникновения академической прокрастинации. Доказано, что выявленные причины прокрастинации у студентов обусловлены мало осознаваемыми механизмами психологической защиты личности, такими как регресс, интеллектуализация и подавление. Обнаружено, что личные объяснения причин прокрастинации не соответствуют результатам объективных тестовых измерений.

Авторский коллектив статьи «Основные направления деятельности руководителя в органах внутренних дел по разрешению конфликтов в коллективе» сделал акцент на изучении и обобщении основных подходов к понятию «конфликт в коллективе», рассмотрел причины и дал общую характеристику межличностных конфликтов в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, исследовав функции и классификации таких конфликтов. Определено, что деятельность руководителей подразделений органов внутренних дел требует не только высокого уровня профессиональной компетентности, но и готовности оказать помощь в решении разного рода межличностных и внутриличностных проблем. Работа руководителей по предотвращению и разрешению межличностных конфликтов имеет высокий уровень значимости и востребованности в связи с тем, что от профилактики и своевременной коррекции зависит успешность и результативность деятельности коллектива. Исследование стратегий поведения в конфликте позволило заключить, что в ситуации конфликта участники исследования ориентированы на использование конструктивных стратегий компромисса и сотрудничества. В ходе исследования агрессивности межличностных отношений определено, что для большинства участников исследования характерен средний и низкий уровень данного показателя, что позволяет предположить о недостаточном уровне проявления агрессии в открытом виде и проявления неблагоприятных конфликтных тенденций.

Завершает рубрику исследование «Подростки группы риска: эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей», автор которого отмечает, что в последние десятилетия наблюдается тревожная тенденция – увеличение числа подростков, входящих в группу риска девиантного поведения. Необходимость совершенствования психолого-педагогической работы с ними возлагается на специалистов сферы образования и правоохранительные органы. Решением задачи выступает расширение научных представлений об индивидуально-психологических особенностях подростков, склонных к девиантному поведению. Цель исследования стало изучение индивидуально-психологических особенностей подростков группы риска через призму соматических характеристик их психического состояния. Выводы исследования обращены к организации превентивно-профилактической работы с подростками, отнесенными к группе риска. Намечены дальнейшие направления теоретических и прикладных исследований индивидуально-психологических особенностей данной категории несовершеннолетних

В рубрике «**Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения**» представлено исследование девиантогенного воздействия медиапродукции на обучающихся. Массовое увлечение современной молодежи медиапродукцией нередко таит в себе деструктивные эффекты. Авторами были выявлены негативные психологические установки, пропагандируемые девиантогенной медиапродукцией, проведено эмпирическое исследование, направленное на установление связи между увлеченностью молодежи определенной медиапродукцией и формированием негативных личностных черт, оказывающих влияние как на формирование личности, так и на профессионализацию. В ходе исследования доказано, что современная медиапродукция действительно оказывает большое влияние на процессы социализации и профессионализации молодежи. Девиантогенное воздействие медиапродукции находит подтверждение в сформированности у молодежи негативных личностных черт. Степень данного воздействия проявляет себя в формировании у молодого человека устойчивой медиазависимости – медиааддикции. Проведенное исследование позволило установить конкретные проявления медиааддикции: отрицание влияния медиапродукции на психику ее потребителя, отрицание проблем во взаимоотношениях с людьми, которые могут быть следствием медиазависимости. В ходе исследования также был установлен факт несомненного негативно-го влияния девиантогенной продукции на профессионализацию обучающихся: чем больше

негативных черт личности демонстрировали респонденты в ходе психологического тестирования, тем отчетливее фиксировались у них скепсис в отношении будущей профессиональной деятельности, утрата интереса к ней, непонимание ее социальной значимости.

Статья «Формы защиты учителей от агрессии со стороны учащихся» посвящена изучению проблемы агрессии учащихся, направленной на учителей. Взаимозависимый контекст отношений акторов образовательного процесса осложняется негативным влиянием общества, создавая для учителя риски виктимизации. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение форм и практик защиты учителей, направленных на предотвращение и работу с последствиями агрессии учащихся в отношении учителей. Проведенный анализ форм защиты, направленных как на работу с последствиями агрессивного поведения учащихся в отношении учителей, так и на его профилактику, показал, что они могут быть реализованы средствами правовой защиты, скрининговых и мониторинговых исследований, инфраструктурными решениями и организационно-менеджеральными практиками за счет организации программ обучения учителей, административно-коллегиальной поддержки, работы с учащимися и их родителями, с помощью средств массовой информации и социальных медиа, а также благодаря влиянию сообщества. В ходе анализа обоснована необходимость внедрения комплексного системного подхода, направленного на защиту учителей от агрессии со стороны учащихся.

Статья «Традиционные и современные криминологические теории и криминологическая безопасность в XX веке» включена в рубрику «**Криминологические исследования девиантного поведения**», в ней рассматриваются не утратившие своей актуальности классические, а также современные криминологические теории и их влияние на решение проблем противодействия преступности и обеспечение безопасности в обществе. Но если классические криминологические теории в основном акцентировали внимание на объяснении причин преступного поведения, то современные теории, например, теории развития и жизненного цикла, пространственного распределения преступности и др., опираются на междисциплинарные исследования с учетом современных социальных контекстов и связанных с ними проблем безопасности. За многие десятилетия изучение преступности и ее причин серьезно эволюционировало, выйдя за рамки уголовного права и изучения факторов, способствующих преступному поведению. Результаты исследования показывают, что синергетический подход, объединяющий идеи традиционных и современных криминологических теорий, имеет большое значение для разработки эффективных мер безопасности в быстро меняющемся мире. Междисциплинарное взаимодействие с иными науками становится краеугольным камнем современной криминологии, что является необходимым условием создания эффективных программ обеспечения безопасности в обществе и государстве.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики
агрессии и деструктивного поведения учащихся,
Директор Центра социализации, семьи
и профилактики асоциального поведения
Московского педагогического государственного университета
А. А. Реан**

УДК 159.9.99

Переживание вины постпенитенциарной личностью с позиции оценки риска рецидива преступления

Евгения Геннадьевна Зуева

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zueva.eg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7944-8796

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема переживания моральных эмоций вины, а также ее составляющих – совести и стыда – с позиции оценки риска рецидива преступления. Именно эмоции вины, совести и стыда могут представлять собой важнейший ресурс процесса ресоциализации в связи с их возможностью оказания влияния на ценностно-смысловой выбор постпенитенциарной личности. **Методы.** В статье применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников. **Результаты.** Рассмотрены существующие модели оценки риска рецидивов, позволяющие оценить, насколько вероятен риск совершения повторных правонарушений, и разработать программу ресоциализации постпенитенциарной личности. Отмечается, что в последние десятилетия наибольшую популярность приобрела модель RNR, которая основана на оценке риска и потребностей постпенитенциарной личности, доказала свою эффективность многочисленными исследованиями, проводимыми за рубежом. При этом в последнее время наблюдается тенденция учета сильных сторон (ресурсов личности), обусловленная влиянием разработок позитивной психологии. В связи с чем рассматриваются инструменты оценки риска рецидивов четырех поколений – от клинической оценки до профессионального структурированного суждения с учетом факторов риска, потребностей и сильных сторон. Анализируются особенности переживания вины, совести и стыда в представленных инструментах. Приводятся результаты зарубежного опыта, в которых установлена взаимосвязь вины, совести и стыда с совершаемыми преступлениями. Делается вывод о том, что в системе уголовных наказаний и пробации Российской Федерации возникает необходимость оценки риска рецидивов. При этом учет переживаний вины и ее составляющих – совести и стыда – позволит осуществить глубокую оценку постпенитенциарной личности и более эффективно выстроить программу ресоциализации.

Ключевые слова

вина, совесть, стыд, постпенитенциарная личность, оценка, риск, рецидив, преступление

Для цитирования: Зуева, Е. Г. (2025). Переживание вины постпенитенциарной личностью с позиции оценки риска рецидива преступления. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 372–385.

Original paper

The experience of guilt by post-penitentiary personality from the perspective of assessing the risk of recidivism

Evgeniya G. Zueva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

zueva.eg@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7944-8796**Abstract**

Introduction. The article deals with the problem of experiencing moral emotions of guilt, as well as its components – conscience and shame – from the perspective of assessing the risk of recidivism. The emotions of guilt, conscience and shame can be the most important resource in the process of resocialisation due to their ability to influence the value-semantic choices of post-penitentiary individuals. **Methods.** The author used general scientific research methods aimed at collecting, analysing, systematising and summarising data, as well as analysing normative legal acts and literary sources. **Results.** Existing models for assessing the risk of recidivism, which make it possible to evaluate the likelihood of repeat offences, were examined and a programme for the resocialisation of post-penitentiary individuals was developed. It is noted that in recent decades, the RNR model, based on assessing the risk and needs of post-penitentiary individuals, has gained the most popularity and has proven its effectiveness in numerous studies conducted abroad. At the same time, there is a recent trend towards considering strengths (personal resources), influenced by developments in positive psychology. In this regard, four generations of relapse risk assessment tools are considered, ranging from clinical assessment to professional structured judgement, considering risk factors, needs and strengths. The features of experiencing guilt, conscience and shame in the presented instruments are analysed. The results of foreign experience are given, in which the correlation between guilt, conscience and shame and crimes committed is established. It is concluded that there is a need to assess the risk of recidivism in the criminal punishment and probation system of the Russian Federation. At the same time, taking into account feelings of guilt and its components, conscience and shame, will allow for a thorough assessment of the post-penitentiary personality and a more effective resocialisation programme.

Keywords

guilt, conscience, shame, post-penitentiary personality, assessment, risk, recidivism, crime

For citation: Zueva, E. G. (2025). The experience of guilt by post-penitentiary personality from the perspective of assessing the risk of recidivism. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 372–385.

Введение

В соответствии с принятием Федерального закона «О пробации», регулирующего вопросы социальной адаптации, ресоциализации и интеграции в общество лиц, в отношении которых осуществляется пробация, актуальной проблемой становится разработка технологий превенции, инструментов оценки и прогнозирования рецидивных преступлений (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011).

В настоящее время мы становимся свидетелями и участниками появления нового научного проекта в сфере юридической психологии и психологии безопасности, направленного на реализацию принципа гуманизации системы постпенитенциарной политики государства. Смысл гуманистического поворота состоит в переключении усилий правоохранительных институтов с купирования рисков и угроз рецидивных преступлений на проектирование социально-психологических, морально-нравственных условий в целях стимулирования процесса конструктивного самоизменения постпенитенциарной личности. Другими словами, планируется делать акцент на оказание поддержки и помощи личности, у которой удалось побудить мотивацию к построению нового образа будущего. В связи с этим одной из задач психологического сопровождения постпенитенциарной личности является разработка методов актуализации переживаний вины, а также ее элементов – совести и стыда. Именно эмоции вины, совести и стыда могут представлять важнейший ресурс процесса ресоциализации. Так называемые моральные эмоции – вина, совесть и стыд – из-за их предполагаемой роли в поощрении альтруистического поведения и подавлении антисоциальных интенций поведения представляют возможность оказания влияния на ценностно-смысловой выбор постпенитенциарной личности.

Одним из принципов пробации, в соответствии с Федеральным законом «О пробации», является учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей. На основании данного принципа можно выстраивать прогнозирование рецидивов и разрабатывать конкретные программы ресоциализации.

В специальной литературе статус лиц, ранее совершивших преступления и отбывавших наказание в местах лишения свободы, определяется преимущественно в контексте права: преступник, рецидивист, лицо, в отношении которого осуществляется пробация. В соответствии со ст. 18 УК РФ под рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление¹.

В нашем исследовании используется понятие «постпенитенциарная личность», которой атрибутируются известные свойства индивида как личности: система ролей, отношений, смыслов, идеалов, уникальность жизненного пути. В связи с тем, что реинтеграция и реадaptация постпенитенциарной личности осуществляются в условиях ускоренной социокультурной динамики, радикальных изменений картины мира, взаимодействия человека с обществом, необходимо говорить не столько об актуализации имеющегося у него личностного адаптивного потенциала, сколько о проектировании новой личной идентичности, устремленной в будущее. Таким образом, постпенитенциарная личность рассматривается с точки зрения возможных трансформаций вины, изменений смысло-жизненных ориентаций и самопроектирования своего будущего. С этой позиции и осуществляются оценка и прогнозирование риска рецидива постпенитенциарной личности.

Методы

В статье применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, анализ нормативных правовых актов и литературных источников.

Гипотезой нашего исследования выступило предположение о связи моральных эмоций вины, совести и стыда с вероятным совершением рецидива преступления постпенитенциарной личностью.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (1996). Система информационно-правового обеспечения «Гарант» (ред. от 31.07.2025).

Результаты

Для осмысления возможностей оценки и прогнозирования уровня рецидивов постпентенциарной личности в контексте переживаний вины рассмотрим существующие модели, позволяющие оценить, насколько вероятен риск совершения повторных правонарушений, и разработать программу ресоциализации. С этой целью следует рассмотреть зарубежный опыт оценки риска рецидивов, применяющийся в практике службы пробации.

Прогностические модели и оценка риска повторных преступлений лиц, в отношении которых осуществляется пробация, выстраиваются на основе принципов RNR. Разработчики этой модели (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011) утверждают, что надежная и достоверная оценка является основой эффективного надзора. Оценка необходима для того, чтобы выстроить эффективную программу реабилитации в отношении поднадзорных лиц. В соответствии с данными положениями помощь, в том числе психологическая, и уровень предоставляемых услуг должны быть сопоставимы с уровнем риска, т. е. чем выше уровень риска, тем значительнее комплекс предоставляемых мероприятий. Таким образом, учет данных принципов позволяет выстраивать эффективную программу ресоциализации.

Зарубежные авторы отмечают, что большинство исследований посвящено оценке факторов риска рецидивов (Andrews & Bonta, 1994). Модель, предложенная Good Lives Model (GLM) под влиянием разработок в области позитивной психологии, в отличие от когнитивно-поведенческой / социальной структуры обучения, которая была основой программ, ориентированных на RNR, представляет собой новую теорию реабилитации, принципы которой могут быть применены множеством способов (Looman & Abracen, 2013).

Авторы теории и модели GLM (Ward, Yates, & Willis, 2012) критикуют модель оценки риска потребности и утверждают, что она не учитывает роль личной идентичности в процессе изменения. При этом модель GLM способствует укреплению сильных сторон, навыков и способностей, а не подавлению негативного поведения (Ward & Stewart, 2003).

Несмотря на возрастающую ценность сильных сторон в прогнозировании рецидивов, практическое применение сильных сторон при планировании дел все еще находится на стадии становления. Оба подхода (снижение риска и усиление сильных сторон) могут дополнять друг друга и применяться одновременно. Несмотря на то что включение сильных сторон повышает ценность оценки и планирования дела, акцент на сильные стороны не должен заменять мероприятия, направленные на снижение риска. Нам кажется, что учет сильных сторон постпентенциарной личности в процессе ресоциализации играет важную роль в связи с тем, что позволяет раскрыть ресурсный потенциал личности и возможности позитивных изменений.

Рассмотрим более подробно существующие инструменты оценки риска рецидивов. Ведущие инструменты криминального риска / потребностей имеют степень точности прогнозирования повторных правонарушений от низкой до высокой, которая может варьироваться в зависимости от характеристик и условий. Результат оценки риска / потребностей, который классифицирует субъектов как низкого риска, не является гарантией того, что он воздержится от рецидива, точно так же, как результат, который классифицирует субъектов как высокой степени риска, не является гарантией того, что субъект совершит рецидив. На практике иногда осужденные с низким уровнем риска совершают рецидив, а осужденные с высоким риском нет. Таким образом, динамические факторы могут быть изменены в стороны увеличения или уменьшения риска.

Рассматривая факторы риска с точки зрения темпоральности, можно условно разделить их на относительно статичные и динамические. Однако темпоральное пространство, включая в свою структуру факты биографии или истории личности, может получать источник изменений, расположенный именно в прошлом. Многие психологические образования

как раз и обладают исторической динамикой, так как определяют поступки человека в настоящем. Например, криминальная история может получить продолжение при встрече личности со своими бывшими подельниками. В этом смысле ее (криминальную биографию) можно отнести к динамичному фактору. Динамические факторы, известные как криминогенные факторы, включают также и преступные установки к антиобщественному поведению. Таким образом, риск рецидива может увеличиваться или уменьшаться с точки зрения темпоральности, поэтому необходимо оценивать криминальный риск в зависимости от колебаний и силы влияния динамических факторов на постпенитенциарную личность.

Проблема прогнозирования рецидивизма имеет почти столетнюю историю (Andrews & Bonta, 1995) и включает четыре поколения. Первое поколение прогнозов включает клиническую экспертизу. Как правило, специалисты-клиницисты проводят собеседование с постпенитенциарной личностью в относительно неструктурированном формате и могут просматривать файлы пациентов и психологические материалы. Основным критерием в этих оценках первого поколения являлось «внутреннее чутье» клинициста. Хотя этот подход имеет значительную внешнюю валидность, ему не хватает фактической прогностической достоверности (особенно по сравнению со статистическими методами).

Этот и последующие актуарные методы представляют собой инструменты оценки рисков второго поколения. Несмотря на то что они основаны на фактических данных, актуарные методы отличаются от инструментов третьего поколения (обсуждаемых ниже) тем, что не основаны на теории и почти полностью состоят из статических факторов риска. Второе поколение не отдает должное программам реабилитации постпенитенциарных личностей с точки зрения их эффективности в снижении уровня преступности в будущем.

Инструменты оценки третьего поколения учитывают также криминогенные потребности постпенитенциарных личностей (динамические факторы), чтобы помочь изменить будущее поведение и впоследствии снизить риск; т. е. они предоставляют целевой список факторов, которые могут снизить будущий рецидивизм на индивидуальном уровне. В отличие от инструментов второго поколения они предполагают, что поведение изменчиво и что правонарушителей можно исправить посредством воздействия и изменения окружающей среды (обсуждается ниже). Инструменты третьего поколения по рискам и потребностям были разработаны в целях распределения ресурсов для надзора и вмешательства и, таким образом, направлены на обе эти сферы.

Инструменты четвертого поколения определяют области, в которых необходимо изменить стратегии вмешательства (исправления), чтобы снизить уровень риска. Они также учитывают особые факторы реагирования, которые помогают выстроить программу ресоциализации, беря в расчет ее предельные возможности.

Таким образом, зарубежный опыт инструментов оценки риска повторных правонарушений включает четыре поколения и учитывает как общий уровень оценки риска рецидивизма, так и вероятность рецидива в зависимости от специфики совершенного преступления.

Инструменты оценки риска насилия в судебной психиатрии ранее традиционно были сосредоточены исключительно на факторах риска. Учет возможностей позитивной психологии позволил создать основанный на сильных сторонах подход к воздействию и в оценке риска насилия: были включены защитные факторы, т. е. ресурсные характеристики личности, которые учитывает структурированная оценка факторов защиты от риска насилия (SAPROF) (Robbé, de Vogel, & de Spa, 2011).

В русле позитивной психологии создано инновационное направление ресоциализации (вмешательства) не только в общей психиатрии, но и в судебной психиатрии. Поощрение здорового образа жизни у психически больных пациентов и их окружения может внести ценный

вклад в процесс лечения и реинтеграции. Поэтому воздействие, направленное на снижение рецидивизма насилия, должно быть сосредоточено не только на уменьшении факторов риска, но и на укреплении защитных факторов (De Vogel et al., 2011; Ullrich & Coid, 2009). Подходы, основанные на сильных сторонах, принимаются исследователями, которые ищут обнадеживающие позитивные альтернативы подходу, ориентированному исключительно на риск.

Более того, связь этого позитивного профилактического подхода со структурированной оценкой личных и ситуативных сильных сторон при оценке риска до начала данного столетия фактически не существовала.

SAPROF состоит из двух статических и пятнадцати динамических защитных факторов, организованных в три шкалы в соответствии с их общим фоном: внутренние факторы (например, совладание, самоконтроль), мотивационные факторы (например, работа, отношение к власти) и внешние факторы (например, социальная сеть, профессиональная помощь).

Краткосрочная оценка риска (START) (Webster et al., 2009) представляет собой клиническое руководство по динамической оценке краткосрочных рисков. Представленные в руководстве 20 динамических пунктов должны быть одновременно закодированы по двум трехбалльным шкалам: сначала как сильная сторона, затем как риск, START предназначен для использования для краткосрочных оценок острого риска и повторяется два раза в месяц. В недавних исследованиях шкала сильных сторон START (общий балл сильных сторон всех пунктов) показала, что является прогнозирующим фактором меньшего насилия в краткосрочной перспективе и успешной реинтеграции в общество (Wilson et al., 2010).

Для того чтобы программы ресоциализации, направленные на усиление защитных факторов, были значимыми, необходимо иметь возможность оценить наличие защитных факторов, которые эмпирически связаны со снижением риска насилия.

Контрольный список психопатии – пересмотренный (PCL-R) – представляет собой клиническую рейтинговую шкалу из 20 пунктов (для применения которой требуется специалист с клинической подготовкой), предназначенную для оценки черт личности и поведения, связанных с психопатией. Состоит из четырех кластеров: первый оценивает межличностные проблемы; второй оценивает эмоциональные проблемы; третий оценивает проблемы образа жизни, а четвертый – антисоциальные проблемы. Интересно, что PCL-R редко обсуждается как принадлежащий к какому-либо конкретному поколению инструментов оценки рисков (хотя D. A. Andrews, J. Bonta, J. S. Wormith (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011) считают его инструментом второго поколения), из-за того, что (в отличие от других мер) он был разработан не как инструмент прогнозирования риска, а скорее, как инструмент диагностики психопатии. Соответственно, основное внимание уделяется измерению личностных качеств, которые коррелируют с общим рецидивизмом, включая психопатию. Метааналитический обзор (Gundreau, Little, & Goggin, 1996) показал, что PCL-R является значимым предиктором общего рецидивизма и статистически эквивалентен LSI-R и Висконсину. Исследование выявило среднюю корреляцию 0,28 между PCL-R и общим рецидивизмом.

LSI-R – это теоретически обоснованный инструмент оценки рисков и потребностей третьего поколения (Andrews & Bonta, 1995). Он содержит 54 пункта и 10 подшкал: «Криминальная история», «Образование и занятость», «Финансы», «Семья / Брак», «Проживание», «Досуг и отдых», «Друзья», «Алкоголь и наркотики», «Эмоциональный / Личный» (особенности эмоциональной сферы и возможные расстройства личности с целью определить степень вмешательства (реабилитации) и «Прокриминальная ориентация».

К возможностям LSI-R LS/СМІ добавлен также раздел обозначений «сильных сторон», позволяющий практикам измерять защитные факторы.

COMPAS, являющийся инструментом оценки рисков четвертого поколения, состоит из нескольких подшкал: причастность к преступлению, история несоблюдения требований, история насилия, текущее насилие, сообщники преступников, злоупотребление психоактивными веществами, финансовые проблемы, профессиональная или образовательная деятельность, криминальные отношения, семейная преступность, социальная среда, досуг, нестабильность места жительства, антисоциальная личность и социальная изоляция.

COMPAS был разработан для оценки риска рецидива насилия, общего рецидива. T. Brennan, W. Dieterich, B. Ehret (Brennan, Dieterich, & Ehret, 2009) обнаружили, что COMPAS имел более высокую прогностическую ценность для преступлений против личности и уголовных преступлений, чем для категории любого нового преступления.

Таким образом, по результатам анализа инструментов оценки риска рецидивов следует отметить, что сегодня технологии оценки развиваются, включают в себя помимо факторов риска сильные стороны, которые являются значительным ресурсом для ресоциализации постпентенциарной личности. Помимо факторов риска в опросники также включаются другие показатели, выраженность которых может быть предиктором совершения рецидивов, например, шкалы гнева, агрессии, психопатии.

Однако остается без внимания оценка рисков рецидивов в контексте переживания вины. Как ранее было отмечено, стыд, вина и совесть участвуют в подавлении аморального, социально нежелательного поведения и в поощрении альтруистического, просоциального поведения. Соответственно, следует рассмотреть исследования, затрагивающие особенности переживания вины, совести и стыда, а также их влияние на преступное поведение.

Несмотря на то что понятия вины и стыда, а также совести постоянно рассматриваются в различных социально-этических теориях и при изучении психопатологии, количество эмпирических исследований значительно отстает от теории. Ключевым фактором, задерживающим систематические эмпирические исследования этих эмоций, является проблема измерения, а именно необходимость наличия психометрических единиц измерений вины и стыда (Nathanson, 1992). Оценивая существующие работы, мы сталкиваемся с двумя проблемами: проблемой используемых определений чувств вины, стыда и совести, а также с тем, насколько хорошо эти определения позволяют провести операционализацию рассматриваемых феноменов.

Зарубежными исследователями создан и функционирует методический инструментарий, направленный на исследование вины. Ряд методик адаптирован российскими учеными. Например, «Опросник вины» К. Куглер, У. Х. Джонс; «Измерение чувства вины и стыда» (Test of Self-Conscious Affect (TOSCA, 1989) (Белик, 2006). Однако некоторые методики не дифференцируют понятия вины и стыда (Janda & Bazemore, 2011), вследствие чего получаемые результаты не позволяют выяснить специфическую роль чувства вины и стыда в различных аспектах психологического и социального функционирования.

Диагностика вины и чувства раскаяния также анализируется в процессе оценки риска повторных правонарушений, применяемой в службе пробации зарубежных стран. Например, в инструменте оценки риска повторных правонарушений LSI-R (Level of Service Inventory-Revised), в разделе «Ориентация / отношения» содержатся пункты отношения к совершенному преступлению и к жертвам преступления: «Как вы относитесь к совершенным вами преступлениям? Вы думаете, что это было неправильно? Вы сочувствуете жертвам ваших преступлений?» (Andrews & Bonta, 1995).

Клинические наблюдения, а также эмпирические исследования показывают, что когда люди испытывают чувство вины за определенное поведение, у них появляется мотивация признать свои ошибки и исправить их. Если они сочувствуют жертвам своих проступков, то с большей

вероятностью они будут нести ответственность и стараться исправить ситуацию (Tangney et al., 1996). Это указывает на очевидную взаимосвязь моральных эмоций с правонарушениями.

В рамках данной темы интересен зарубежный опыт исследования на примере выборки осужденных с применением Test of Self Conscious Affect – Socially Deviant Version (TOSCA-SD) (Tangney et al., 1996) на предмет оценки склонности преступников к совершению преступлений, стыду и чувству вины (Tangney et al., 2011). По результатам проведенного исследования был выявлен ряд взаимосвязей, различающих вину и стыд. Вина часто мотивирует восстановительные действия, т. е. направленные на созидание, а стыд мотивирует попытки отрицания виновности и избегания наказания (Tangney et al., 1996 и др.). Склонность к чувству вины положительно связана с эмпатией, ориентированной на других, тогда как склонность к стыду либо не связана, либо отрицательно связана с эмпатией (Tangney, 1991). Склонность к чувству вины отрицательно коррелировала с агрессивным отношением (враждебностью), тогда как склонность к стыду положительно коррелировала с агрессивным отношением. Склонность к стыду была положительно связана с проблемами алкоголя и наркотиков и тюремным заключением. Склонность к вине была отрицательно или незначительно связана с проблемами алкоголя и наркотиков, а также с симптомами зависимости. В общем плане эти результаты свидетельствуют о природе индивидуальных различий в склонности осужденных испытывать эти моральные эмоции, т. е. различия в склонности к стыду и вине среди осужденных, очевидно, имеют тот же психологический смысл, что и в выборках из сообщества.

Очевидно, что склонность к чувству вины является защитным фактором по отношению к тяжести преступлений, участию в системе уголовного правосудия и известным предикторам рецидивизма, а склонность к стыду положительно коррелирует с индексом потенциала насилия, антисоциальным индексом. Вина положительно связана с самоконтролем (чем более выражена вина, тем человек в большей степени себя контролирует). Склонность испытывать чувство вины не была связана со степенью криминального прошлого. Однако склонность к чувству вины, оцененная вскоре после тюремного заключения, отрицательно коррелировала с тяжестью текущих обвинений, предыдущим тюремным опытом, предыдущими судимостями за тяжкие преступления, уровнем содержания под стражей в тюрьме и актуарной оценкой содержания под стражей в тюрьме. Показатель самоконтроля положительно коррелировал со склонностью заключенных испытывать чувство вины и отрицательно коррелировал со склонностью осужденных к стыду (Tangney et al., 2011).

Анализ результатов эмпирических исследований показывает (Tangney et al., 2011), что склонность осужденных переживать чувство вины отрицательно коррелирует с мерами оценки риска и психологическими факторами, которые, как известно, предсказывают насильственный и ненасильственный рецидив преступности, включая оцененный специалистами показатель психопатии PCL:SV и Руководство по оценке риска насилия (VRAG).

Лица с более высокой склонностью к переживанию чувства вины также продемонстрировали более низкий уровень антисоциальной наклонности личности, криминогенных познаний и имели более низкие баллы по Индексу потенциала насилия (VPI) PAI. Склонность осужденных к переживанию чувства вины, оцененная вскоре после освобождения, отрицательно коррелировала с тяжестью текущих обвинений, предыдущим тюремным опытом, предыдущими судимостями за тяжкие преступления и уровнем содержания под стражей в тюрьме (Tangney et al., 2011).

Исследователи также указывают, что склонность к стыду не была связана с тяжестью текущих обвинений, предыдущим тюремным опытом и уровнем содержания под стражей в тюрьме (Tangney et al., 2011). Склонность к стыду «без вины» отрицательно коррелировала с историей преступлений. Склонность к стыду была связана со злоупотреблением психоактивными

веществами, импульсивностью и криминогенными моделями мышления, но не с психопатией. Психопатия, личностная совокупность, которая объясняет значительные различия в предшествующих переменных уголовного правосудия, возможно, ослабила любую связь между склонностью к стыду и преступным поведением в этой гетерогенной выборке. Эмпирические исследования с участием лиц, не совершивших преступлений, показывают, что стыд и вина не являются одинаково «моральными» эмоциями.

Проведенные исследования зарубежных авторов подчеркивают значимость переживаний вины как защитных факторов в отношении рецидивов преступлений, т. е. сильных сторон постпенитенциарной личности, учет которых позволяет более эффективно выстроить программу ресоциализации. Однако, анализируя проведенные исследования о взаимосвязи вины и стыда с совершаемыми преступлениями, следует отметить связи вины и стыда с различными социальными, уголовно-правовыми и психологическими характеристиками, а в некоторых случаях даже противопоставление вины и стыда. Анализируется также склонность к стыду без вины. Мы не согласны с этим, так как вина и стыд действуют комплексно, выполняя тормозящую функцию в отношении возможных преступлений.

Теория реинтегративного стыда (RST; Braithwaite, 1989) подчеркивает полезность реинтегративного стыда (в отличие от «дезинтегративного» стыда), хотя систематических эмпирических исследований было немного (Harris, 2006). Большая часть этих исследований фокусируется на результатах практики реинтегративного стыда правонарушителей. Такие исследования обычно не оценивают, действительно ли виновный человек испытывает вину и стыд, или связаны ли эти эмоции с последующим поведением, в том числе противоправным.

Полагаем, что употребление психоактивных веществ среди осужденных заслуживает особого внимания, учитывая чрезвычайно высокий уровень психических расстройств в связи с этим. В проведенном исследовании на выборке осужденных склонность к стыду была положительно связана как с проблемами алкоголя, так и с наркотиками, тогда как склонность к чувству вины была (менее последовательно) отрицательно связана с такими проблемами.

S. G. Тиббетс (Tibbets, 2003) обнаружил, что уголовные преступления студентов, индексированные по количеству противоправных действий (включая употребление наркотиков), были отрицательно связаны с предрасположенностью к чувству вины. Хотя мы рассматриваем проблемы взаимосвязи вины, совести и стыда с совершаемыми преступлениями постпенитенциарной личностью, т. е. рецидив преступлений, данные исследования также представляют интерес.

Отмечается, что склонность к переживанию чувства вины является защитным фактором, связанным с тяжестью преступления, участием в процедуре уголовного правосудия и известным предикторам рецидивизма, склонность к стыду положительно коррелирует с индексом потенциала насилия, антисоциальным индексом. Напротив, мало доказательств того, что склонность испытывать стыд выполняет тормозящую функцию. Вероятно, она положительно связана с множеством психологических проблем, рядом факторов риска рецидивизма, а в исследовании D. Hosser и др. (Hosser, Windzive, & Greve, 2008) – с самим рецидивизмом.

Tangney J. P., Stuewig J. отмечают, что эти исследования имеют значение для системы уголовного правосудия. Во-первых, что касается практики вынесения уголовных приговоров, исследователи решительно выступают против «стыдных» приговоров, призванных пристыдить и унижить преступников (Tangney & Stuewig, 2011). Стыд ассоциируется с результатами, прямо противоречащими общественным интересам – отрицанием ответственности, злоупотреблением наркотиками, психологическими симптомами, предикторами рецидивизма и самим рецидивизмом. Исследователи отмечают, что вместо поиска альтернативных типов

приговоров следовало бы рассмотреть санкции, направленные на поощрение конструктивного чувства вины, сосредоточивая лиц, совершивших преступления, на негативных последствиях их поведения, в частности на том, как их поведение влияет на их сообщества, друзей и их семьи. Приговоры к общественным работам, например, могут быть адаптированы к характеру преступления, подчеркивая ощутимые разрушения, вызванные преступлением, и предоставляя тем самым путь к исправлению. Следует отметить, что данные исследования не соотносятся с теорией реинтегративного стыда, так как связывают переживание стыда с чем-то негативным, безответственным и даже с рецидивом. Поскольку стыд соотносится с виной и не противоречит ей, переживание стыда влияет на исправление постпенитенциарной личности.

Эмпатия по-разному связана с эмоциями вины, совести и стыда. Доказано, что склонность к чувству вины позитивно коррелирует со шкалами обаяния и эмпатии, чувство стыда же, напротив, связано с тенденцией к центрированию на собственном дистрессе (Макогон, Ениколопов, 2015). В одном из исследований отмечается, что эмпатия является одной из составляющих совести, которая регулирует базовые и самосознательные эмоции и облегчает социальное взаимодействие (Aragno, 2008).

Вина генерирует механизм эмпатии, направленный на исправление и регулирование поведения, и побуждает внутреннее волнение. Исследования убедительно показывают отрицательную связь между чувством вины и противоправным деянием (Tangney et al., 2011); адекватно сформированное чувство вины является эффективной превентивной мерой совершения противоправных деяний.

В метаанализах (Jolliffe & Farrington, 2004) и (Van Langen et al., 2014) была обнаружена связь между низкой эмпатией и противоправным деянием, с большей величиной эффекта для когнитивной эмпатии, чем для аффективной эмпатии. Однако связь между низкой эмпатией и противоправным деянием зависит от интеллекта и социально-экономического статуса и таким образом должна контролироваться с учетом этих факторов.

Имеются исследования, выявляющие различную роль чувств вины и стыда в рискованном и девиантном поведении (Макогон, Ениколопов, 2015). Выявлено, что вина отрицательно связана с антисоциальным и рискованным поведением, тогда как стыд позитивно коррелирует с намерениями к противозаконному поведению. Таким образом, эмпирические исследования сходятся в том, что чувство вины, в отличие от чувства стыда, актуализирует мотивацию выбора морального пути в жизни, побуждает человека брать на себя ответственность и занимать конструктивную позицию в соответствующих ситуациях. Мы не согласны с подобными выводами, поскольку в соответствии с теорией реинтегративного стыда переживание стыда связано с ответственностью за совершенные проступки.

В социальной психологии активно изучаются феномены коллективных, или викарных («vicarious»), чувств вины и стыда – чувств, переживаемых в ответ на проступки других индивидов. В своем исследовании Lickel, Schmader и др. (Lickel et al., 2005) представили доказательства того, что коллективное чувство стыда чаще всего появляется в ситуации, когда возникает угроза групповой идентификации, т. е. когда речь идет о поддержании позитивной групповой идентификации (Макогон, Ениколопов, 2015).

Таким образом, переживание вины, стыда и совести объединяет ответственность за совершаемые проступки постпенитенциарной личностью и выступает важным ресурсом для их изменения.

Заключение

В системе уголовных наказаний и пробации Российской Федерации возникает необходимость оценки риска рецидивов. Рассмотренные инструменты оценки рисков рецидивов

отражают в большей степени внешнюю оценку сотрудниками различных показателей (факторов) постпенитенциарной личности. При этом практически отсутствует внутренняя оценка постпенитенциарной личности. Включение аспектов переживания вины, а также ее составляющих – совести и стыда – позволит осуществить глубокую оценку личности и более эффективно выстроить программу ресоциализации.

Проведенный анализ отечественных и зарубежных исследований подтверждает гипотезу авторов о связи моральных эмоций вины, стыда и совести с возможностью совершения рецидива постпенитенциарной личности. Однако ряд исследователей акцентирует внимание на одном лишь элементе, забывая о том, что моральные эмоции действуют целостно.

Результаты исследований пенитенциарных психологов доказывают следующую тенденцию: чем ниже способность человека к переживанию эмоций и чувств, тем выше у него уровень сопротивления процессам исправления и перевоспитания, а значит, выше уровень рецидива преступности.

Список литературы

- Белик, И. А. (2006). *Чувство вины в связи с особенностями развития личности*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Макогон, И. К., Ениколопов, С. Н. (2015). Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E., Gramzow R. H. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 1, 6–19.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1994). *The psychology of criminal conduct*. Cincinnati, OH: Anderson.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1995). *The level of service inventory-revised*. Toronto, Ontario, Canada: Multi-Health Systems.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) model: Does adding the good lives model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38, 735–755.
- Aragno, A. (2008). The language of empathy: An analysis of its constitution, development, and role in psychoanalytic listening. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 56, 713–740.
- Brennan, T., Dieterich, W., & Ehret, B. (2009). Evaluating the predictive validity of the COMPAS risk and needs assessment system. *Criminal Justice and Behavior*, 36 (1), 21–40.
- De Vries Robbé, M., de Vogel, V., & de Spa, E. (2011). Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10, 178–186.
- De Vogel, V., de Vries Robbé, M. C., de Ruiter, Y., & Bouman, H. A. (2011). Assessing Protective Factors in Forensic Psychiatric Practice: Introducing the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10 (3), 171–177.
- Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C. (1996). A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: What works! *Criminology*, 3 (4), 575–607.
- Harris, N. (2006). Reintegrative shaming, shame, and criminal justice. *Journal of Social Issues*, 62, 327–346.
- Hosser, D., Windzio, M., & Greve, W. (2008). Guilt and shame as predictors of recidivism: A longitudinal study with young prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 35, 138–152.
- Janda, L. H., & Bazemore, S. D. (2011). The Revised Mosher Sex-Guilt Scale: its psychometric properties and a proposed ten-item version. *J Sex Res.*, 48 (4), 392–396.
- Jolliffe, D., & Farrington, D. J. (2004). Empathy and offending: A systematic review and metaanalysis. *Aggression and Violent Behavior*, 9, 441–476.
- Lickel, B., Schmader, T., Curtis, M., & Scarnier, M. (2005). Vicarious shame and guilt. *Group Process. Intergroup Relat.*, 8, 145–147.

- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The Risk Need Responsivity model of offender rehabilitation: is there really a need for a paradigm shift? Correctional Service of Canada. *International journal of behavioral consultation and therapy*, 8, 3–4.
- Nathanson, D. L. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of Self*. New York: Norton.
- Schalkwijk, F., Stams, G. J., Stegge, H., Dekker, J., & Peen, J. (2016). The conscience as a regulatory function: Empathy, shame, pride, guilt, and moral orientation in delinquent adolescents. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 60 (6), 675–693.
- Tangney, J. P. (1991). Moral affect: The good, the bad, and the ugly. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61, 598–607.
- Tangney, J. P., Miller, R. S., Flicker, L., & Barlow, D. H. (1996). Are shame, guilt and embarrassment distinct emotions? *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 1256–1269.
- Tangney, J. P., & Stuewig, J. (2011). Shame, guilt and remorse: implications for offender populations. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 22 (5), 706–723.
- Tangney, J. P., Stuewig, J., Mashek, D., & Hastings, M. (2011). Assessing Jail Inmates' Proneness To Shame and Guilt: Feeling Bad About the Behavior or the Self? *Crim Justice Behav*, 38 (7), 710–734.
- Tibbetts, S. G. (2003). Self-conscious emotions and criminal offending. *Psychological Reports*, 93, 101–126.
- Ullrich, S., & Coid, J. W. (2011). Protective factors for violence among released prisoners - Effects over time and interactions with static risk. *Journal of Consulting Clinical Psychology*, 79 (3), 381–390.
- Van Langen, M. A. M., Wissink, I. B., van Vugt, E. S., van der Stouwe, T., & Stams, G. J. J. M. (2014). The relation between empathy and offending: A meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 19, 179–189.
- Ward, T., & Stewart, C. A. (2003). The treatment of sex offenders: Risk management and good lives. *Professional Psychology: Research and Practice*, 34, 353–360.
- Ward, T., Yates, P., & Willis, G. (2012). The good lives model and the risk need responsivity model: A critical response to Andrews, Bonta, and Wormith. *Criminal Justice and Behavior*, 39, 94–110.
- Webster, C. D., Martin, M., Brink, J., Nicholls, T. L., & Desmarais, S. L. (2009). *Manual for the Short Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.1)*. Coquitlam, Canada: British Columbia Mental Health & Addiction Services.
- Wilson, C. M., Desmarais, S. L., Nicholls, T. L., & Brink, J. (2010). The role of client strengths in assessments of violence risk using the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START). *The International Journal of Forensic Mental Health*, 9, 282–293.

References

- Belik, I. A. (2006). *Chuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk*. Saint Petersburg.
- Makogon, I. K., Enikolopov, S. N. (2015). Aprobatsiya metodiki izmereniya chuvstv viny i styda (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E., Gramzow R. H. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 1, 6–19.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1994). *The psychology of criminal conduct*. Cincinnati, OH: Anderson.
- Andrews, D. A., & Bonta, J. (1995). *The level of service inventory-revised*. Toronto, Ontario, Canada: Multi-Health Systems.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) mode: Does adding the good lives model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38, 735–755.

- Aragno, A. (2008). The language of empathy: An analysis of its constitution, development, and role in psychoanalytic listening. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 56, 713–740.
- Brennan, T., Dieterich, W., & Ehret, B. (2009). Evaluating the predictive validity of the COMPAS risk and needs assessment system. *Criminal Justice and Behavior*, 36 (1), 21–40.
- De Vries Robbé, M., de Vogel, V., & de Spa, E. (2011). Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10, 178–186.
- De Vogel, V., de Vries Robbé, M. C., de Ruiter, Y., & Bouman, H. A. (2011). Assessing Protective Factors in Forensic Psychiatric Practice: Introducing the SAPROF. *International Journal of Forensic Mental Health*, 10 (3), 171–177.
- Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C. (1996). A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: What works! *Criminology*, 3 (4), 575–607.
- Harris, N. (2006). Reintegrative shaming, shame, and criminal justice. *Journal of Social Issues*, 62, 327–346.
- Hosser, D., Windzio, M., & Greve, W. (2008). Guilt and shame as predictors of recidivism: A longitudinal study with young prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 35, 138–152.
- Janda, L. H., & Bazemore, S. D. (2011). The Revised Mosher Sex-Guilt Scale: its psychometric properties and a proposed ten-item version. *J Sex Res.*, 48 (4), 392–396.
- Jolliffe, D., & Farrington, D. J. (2004). Empathy and offending: A systematic review and metaanalysis. *Aggression and Violent Behavior*, 9, 441–476.
- Lickel, B., Schmader, T., Curtis, M., & Scarnier, M. (2005). Vicarious shame and guilt. *Group Process. Intergroup Relat*, 8, 145–147.
- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The Risk Need Responsivity model of offender rehabilitation: is there really a need for a paradigm shift? Correctional Service of Canada. *International journal of behavioral consultation and therapy*, 8, 3–4.
- Nathanson, D. L. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of Self*. New York: Norton.
- Schalkwijk, F., Stams, G. J., Stegge, H., Dekker, J., & Peen, J. (2016). The conscience as a regulatory function: Empathy, shame, pride, guilt, and moral orientation in delinquent adolescents. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 60 (6), 675–693.
- Tangney, J. P. (1991). Moral affect: The good, the bad, and the ugly. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61, 598–607.
- Tangney, J. P., Miller, R. S., Flicker, L., & Barlow, D. H. (1996). Are shame, guilt and embarrassment distinct emotions? *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 1256–1269.
- Tangney, J. P., & Stuewig, J. (2011). Shame, guilt and remorse: implications for offender populations. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 22 (5), 706–723.
- Tangney, J. P., Stuewig, J., Mashek, D., & Hastings, M. (2011). Assessing Jail Inmates' Proneness To Shame and Guilt: Feeling Bad About the Behavior or the Self? *Crim Justice Behav*, 38 (7), 710–734.
- Tibbetts, S. G. (2003). Self-conscious emotions and criminal offending. *Psychological Reports*, 93, 101–126.
- Ullrich, S., & Coid, J. W. (2011). Protective factors for violence among released prisoners - Effects over time and interactions with static risk. *Journal of Consulting Clinical Psychology*, 79 (3), 381–390.
- Van Langen, M. A. M., Wissink, I. B., van Vugt, E. S., van der Stouwe, T., & Stams, G. J. J. M. (2014). The relation between empathy and offending: A meta-analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 19, 179–189.
- Ward, T., & Stewart, C. A. (2003). The treatment of sex offenders: Risk management and good lives. *Professional Psychology: Research and Practice*, 34, 353–360.

- Ward, T., Yates, P., & Willis, G. (2012). The good lives model and the risk need responsivity model: A critical response to Andrews, Bonta, and Wormith. *Criminal Justice and Behavior*, 39, 94–110.
- Webster, C. D., Martin, M., Brink, J., Nicholls, T. L., & Desmarais, S. L. (2009). *Manual for the Short Term Assessment of Risk and Treatability (START) (Version 1.1)*. Coquitlam, Canada: British Columbia Mental Health & Addiction Services.
- Wilson, C. M., Desmarais, S. L., Nicholls, T. L., & Brink, J. (2010). The role of client strengths in assessments of violence risk using the Short-Term Assessment of Risk and Treatability (START). *The International Journal of Forensic Mental Health*, 9, 282–293.

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Зуева – доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Evgeniya G. Zueva – Associate Professor at the Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.04.2025

Одобрена после рецензирования 28.08.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted April 22, 2025

Approved after reviewing August 28, 2025

Accepted October 28, 2025

УДК 316.624

Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания несовершеннолетних: разработка конструкта

Рустам Рафикович Муслумов

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
mrr82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1327-1590

Аннотация

Актуальность обусловлена цифровизацией общественных отношений, снижающей уровень правового самосознания и повышающей уровень риска криминализации несовершеннолетних. Пропорционально взрывному росту криминальных посягательств на данную категорию населения возрастает научный интерес к стратегиям совладающего реагирования личности на стресс, вызванный ее взаимодействием с социумом в юридически значимых ситуациях. Актуальность подкрепляется методическими и прикладными задачами формирования правового самосознания несовершеннолетних и молодежи как условия результативного применения правовых знаний в социальном взаимодействии. Целью исследования выступает разработка конструкта совладающего реагирования личности в ситуациях правового взаимодействия и его операционализация в виде методики изучения правовых копинг-стратегий. **Методология исследования** базируется на когнитивно-поведенческом подходе, теории когнитивных схем и репрезентаций, теории правосознания, а также концепциях копинг-стратегий. **Методы исследования** применяются для анализа и систематизации теоретической информации о правовом самосознании и взаимодействии, компонентах копинг-стратегии в целях концептуализации конструкта правовых копинг-стратегий. Эмпирическим методом выступают анкетирование и оценка характеристик внутренней согласованности шкал, операционализирующих конструкт правовых копинг-стратегий. **Результаты.** Теоретическим результатом исследования является разработка конструкта правовых копинг-стратегий. Конструкт базируется на интеграции когнитивно-поведенческого подхода, концепции копинг-поведения и теории правового самосознания, что позволило выделить три основных типа правовых копинг-стратегий (отстраняющийся, отстаивающий, приспособительный) и их реализацию в осознаваемой и неосознаваемой форме. Показано, что по результатам апробации на студенческой выборке (n=160) установлены удовлетворительные показатели внутренней согласованности. В результате операционализации конструкта разработана методика «Профиль правовых копинг-стратегий и убеждений (ППКУ)», направленная на выявление индивидуальных стратегий совладания с правовыми стрессорами в контексте формирования правового самосознания личности. Обосновываются методические и практические перспективы дальнейшей разработки конструкта и методики в областях правового просвещения, консультирования и профилактики правовой дезадаптации несовершеннолетних и молодежи.

Ключевые слова

правовое самосознание, копинг-стратегии, правовые стрессоры, психодиагностика правосознания, субъективная регуляция, правовое поведение

Для цитирования: Муслумов, Р. Р. (2025). Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания несовершеннолетних: разработка конструкта. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 386–402.

Original paper

Legal coping strategies in the structure of legal self-awareness of minors: developing a construct

Rustam R. Muslumov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

mrr82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1327-1590

Abstract

The relevance of the research is conditioned by the digitalisation of social relations, reducing the level of legal self-awareness and increasing the risk of criminalisation of minors. Proportional to the explosive growth in criminal offences against this category of the population, there is a rising scientific interest in strategies for individuals to cope with stress caused by their interaction with society in legally significant situations. The relevance of this issue is reinforced by the methodological and applied tasks of forming legal self-awareness of minors and young people as a condition for the effective application of legal knowledge in social interaction. Therefore, **the aim of the research** is to develop a construct of coping responses of a person in situations of legal interaction and its operationalisation in the form of a methodology for studying legal coping strategies. **The research methodology** is based on the cognitive-behavioural approach, the theory of cognitive schemas and representations, the theory of legal consciousness, and the concepts of coping strategies. **The research methods** are used for analysing and systematising theoretical information about legal self-awareness and interaction, components of coping strategies for the purpose of conceptualising the construct of legal coping strategies. The empirical method involves questionnaire survey and assessment of internal consistency characteristics of scales operationalising the construct of legal coping strategies. **Results.** The theoretical result of the research is the development of a construct of legal coping strategies. The construct is based on the integration of the cognitive-behavioural approach, the concept of coping behaviour, and the theory of legal self-awareness. It made it possible to identify three main types of legal coping strategies (withdrawal, advocacy, adaptation) and their implementation in conscious and unconscious forms. The results of testing on a student sample (n=160) reveal satisfactory indicators of internal consistency. Due to the operationalisation of the construct, the 'Profile of Legal Coping Strategies and Beliefs' methodology has been developed, aimed at identifying individual strategies for coping with legal stressors in the context of the formation of legal self-awareness of a person. Methodological and practical prospects for further developing the construct and methodology in the areas of legal education, counselling, and prevention of legal disadaptation of minors and young people are substantiated.

Keywords

legal self-awareness, coping strategies, legal stressors, psychodiagnostics of legal awareness, subjective regulation, legal behavior

For citation: Muslumov, R. R. (2025). Legal coping strategies in the structure of legal self-awareness of minors: developing a construct. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 386–402.

Введение

В последние годы возрастает интерес к исследованию правового самосознания личности как одного из центральных факторов правового поведения и успешной социальной адаптации молодежи. Современные социокультурные трансформации, вызванные процессами цифровизации, усиливающаяся правовая неопределенность и риски правового нигилизма обуславливают потребность в более глубоком теоретическом и эмпирическом осмыслении механизмов становления и функционирования правового самосознания подрастающего поколения. Наряду с ростом криминальных посягательств, использующих правовую неосведомленность несовершеннолетних и молодежи в качестве инструмента принуждения к противоправным действиям, приобретает актуальность проблематика их правового самосознания – способность давать правовую оценку не только своим действиям, но и действиям окружающих. Особого внимания заслуживают стратегии совладания со стрессорами, определяющие способность осуществлять правовое взаимодействие, в том числе с субъектами правоприменения.

Однако в научной литературе отсутствует теоретически обоснованное и операционализированное понятие совладающего реагирования личности в ситуациях правового взаимодействия. Это позволяет говорить о необходимости введения и обоснования новой научно-психологической категории – *правового копинга*, понимаемой нами как специфические способы когнитивной и поведенческой регуляции личностью, находящейся в условиях правовой неопределенности, конфликтов или воздействия со стороны правовой системы, своего социального поведения.

Идея правового копинга основывается на теории регулирующего воздействия личности на свое поведение (теория копинга), дополняющей существующие концепции копинг-поведения в условиях адаптации к изменяющимся условиям деятельности и преодоления негативного воздействия внешних по отношению к личности факторов окружающей среды (Смолянкин, Алагуев, Тудупова, 2023). В области психологической теории и практики значимость изучения правового регулирующего поведения (названного нами правовым копингом) возрастает в контексте разработки эффективных подходов к правовому образованию, направленных не только на передачу знаний, но и на формирование устойчивых правовых установок, умений освоения новой правовой реальности цифрового общества, навыков конструктивного реагирования на криминогенные вызовы.

Исследования подтверждают, что активные формы образовательного взаимодействия, такие как правовые тренинги, ролевые игры, кейс-методы, способствуют более глубокому усвоению правовых норм и развитию правового сознания обучающихся, однако не охватывают в полной мере внутренние психологические механизмы совладания с правовыми стрессорами, что ограничивает их эффективность в контексте правовой социализации личности.

В настоящее время еще недостаточно изучен вопрос, какие именно копинг-стратегии реализуются субъектом в правовом контексте и как они структурно и функционально связаны с правовым самосознанием. Существующий теоретико-эмпирический материал, связанный с копинг-поведением, не позволяет в полной мере описать или классифицировать формы правового совладания, т. е. не обеспечивает основы для разработки диагностических

средств, способных выявлять и измерять правовые копинги как самостоятельный психологический конструкт.

Таким образом, обозначенная проблема приобретает особую актуальность в условиях необходимости разработки теоретически обоснованного и эмпирически подтвержденного представления о правовом копинге как элементе структуры правового самосознания (Шаранов, Устюжанин, 2018). Концептуализация данного понятия создаст предпосылки для углубленного научного анализа процессов правового совладания, а также позволит разрабатывать надежные психодиагностические инструменты, применимые в образовательной, правовоспитательной и социальной практике.

Целью исследования является теоретическое обоснование конструкта правового копинга как стратегии реагирования личности в ситуации правового взаимодействия.

Задачи исследования – построение теоретической модели, раскрывающей механизмы совладания с правовыми ситуациями; операционализация модели в форме конструкта психодиагностической методики, предназначенной для эмпирического изучения стратегий совладания со стрессом в ситуации правового взаимодействия.

В ходе исследования проведен теоретический анализ и разработана модель, объединяющая копинг-поведение и правовое самосознание, а также конструкт диагностической методики правовых копинг-стратегий. Определены перспективы применения инструмента в системе правового воспитания, консультирования и профилактики правовых девиаций.

Теоретические основания исследования

Проблема формирования правового самосознания и его психологических механизмов освещается преимущественно в рамках социально-когнитивной, культурно-исторической и деятельностной парадигм. В отечественной научной традиции значимый вклад в разработку соответствующего понятия внесли А. Р. Ратинов, В. Е. Емельянов, Н. А. Фомин, И. А. Бойцова, рассматривавшие правовое самосознание как комплексное психическое образование, включающее в себя когнитивные представления о праве, эмоционально-ценностные установки по отношению к нему, а также поведенческую готовность к реализации правовых предписаний (Муслумов, 2019; Ратинов, 2016). В зарубежных исследованиях данная категория соотносится с концептом *legal consciousness*, который интерпретируется как совокупность установок, представлений и практик, детерминирующих правовое поведение индивида (Ewick & Silbey, 1998; Merry, 2006).

Одновременно с этим при изучении особенностей реагирования субъектов на правовые вызовы все чаще используется понятийный аппарат общей психологической теории копинг-поведения, разработанной Р. Лазарусом и С. Фолкман и получившей развитие в отечественной адаптации в трудах Т. Л. Крюковой, В. А. Бодрова, Е. И. Рогова, Н. Е. Водопьяновой и др. (Смолянкин и др., 2023). В рамках данной теории копинг-стратегии трактуются как изменчивые поведенческие и когнитивные реакции, направленные на преодоление либо снижение интенсивности психоэмоционального напряжения.

Анализ современных отечественных и зарубежных публикаций показывает, что исследование копинг-поведения в правовом контексте преимущественно проводится на материалах профессиональной среды (юристы, судьи, сотрудники правоохранительных органов) и в работе с подростками с девиантным поведением. Так, в трудах Н. И. Хохловой и Л. В. Шibaевой (Хохлова, Шibaева, 2024), М. С. Андрианова (Андрианов, 2021), Р. Ш. Сабировой и М. М. Умуркуловой (Сабирова, Умуркулова, 2018) рассматриваются индивидуальные и профессионально-мотивационные особенности копинга у юристов и полицейских, а исследования Р. Н. Ветренко (Ветренко, 2024), Е. Б. Лактионовой и Ю. С. Пежемской (Лактионова,

Пежемская, 2021) акцентируют внимание на несовершеннолетних с нарушениями правовой социализации. Несмотря на важность этих данных, в основном они касаются либо адаптации к профессиональному стрессу, либо реакций на правовые санкции без системного анализа стратегий поведенческого реагирования в правовых ситуациях.

Существующий эмпирический массив, несмотря на разнообразие тематик, демонстрирует ограниченность в теоретической систематизации понятия «правовой копинг». Большинство исследований используют общий понятийный аппарат копинг-поведения без привязки к специфике правовых норм, процедур и контекстов. Это приводит к размытости операционализации феномена: правовые аспекты чаще выступают как фон или источник стресса, а не как объект осмысленного психологического реагирования. Таким образом, прослеживается дефицит разработок, интегрирующих юридический и психологический дискурс в единое аналитическое поле, что указывает на необходимость концептуализации правового копинга как самостоятельного исследовательского направления.

Методологическая обоснованность интеграции указанных теоретических подходов продиктована тем, что правовые ситуации, с которыми сталкивается субъект, нередко выступают не только как сферы реализации правовых норм, но и как источники стресса, требующие включения адаптивных механизмов. В связи с этим анализ правовых копинг-стратегий предполагает опору как на структурные компоненты правового самосознания, так и на положения общей теории психологической адаптации к стрессовым воздействиям.

Исследование базируется на совокупности ключевых методологических ориентиров, способствующих целостному раскрытию предлагаемой модели. Центральным положением выступает когнитивно-поведенческий подход, согласно которому поведение индивида в правовых обстоятельствах определяется взаимодействием его когнитивных схем, аффективных оценок и поведенческих паттернов. Именно в логике данного подхода становится возможным рассматривать копинг-стратегии как воспроизводимые формы совладающего поведения, актуализирующиеся при столкновении с правовыми угрозами. Дополняет его теория когнитивных схем и репрезентаций, позволяющая более глубоко раскрыть содержание и структуру ментальных моделей, активирующихся в юридически значимых ситуациях. В рамках этой теории правовые копинг-стратегии интерпретируются как результат актуализации устойчивых когнитивных образов, например схем власти, справедливости, вины или правовой беспомощности, которые влияют на восприятие правового конфликта и выбор стратегии совладания с ним. Таким образом, когнитивный компонент правового самосознания раскрывается не только через уровень правовой осведомленности, но и через специфику когнитивных репрезентаций, определяющих субъективную значимость и интерпретацию правовой ситуации.

Системно-деятельностный подход дополняет указанные позиции, позволяя рассматривать правовое самосознание не только как когнитивно-ценностную структуру, но и как результат, форму и одновременно регулятор субъектной активности в правовой сфере. В логике этого подхода, предложенного в отечественной психологии С. Л. Рубинштейном и развиваемого А. В. Брушлинским, личность предстает как субъект, преобразующий реальность в рамках социокультурных норм и личностных смыслов. Исходя из этого, правовые копинг-стратегии можно интерпретировать как операционализированные формы поведенческой и когнитивной саморегуляции, возникающие в ответ на правовые затруднения, угрозы или неопределенности. Эти стратегии не являются изолированными реакциями на стресс, а входят в состав более широкой системы произвольной регуляции, обеспечивающей субъекту возможность адаптивной интеграции в правовое пространство с учетом норм, санкций и возможностей самоопределения в правовом поле.

Не менее значимым является и учет культурно-исторической парадигмы (Л. С. Выготский), в рамках которой правовое самосознание формируется в процессе интериоризации правовых значений и норм, передаваемых посредством языка, институтов и социокультурного взаимодействия.

В дополнение к указанным позициям целесообразно учитывать также структурно-функциональный подход, который позволяет рассматривать правовое самосознание не только как внутренне организованную систему взаимосвязанных компонентов, но и как функциональный механизм регуляции поведения субъекта в правовой сфере. В рамках данного подхода выделяются когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий уровни, каждый из которых выполняет специфические функции: идентификационную, регулятивную, смыслообразующую и прогностическую. Такая перспектива позволяет интерпретировать правовые копинг-стратегии как функции данной структуры, направленные на поддержание целостности правового «Я», адаптацию к правовым вызовам и устойчивую саморегуляцию в условиях правовой неопределенности.

Таким образом, совокупность методологических установок обеспечивает многомерный анализ исследуемого явления и позволяет интерпретировать правовые копинг-стратегии не только как описательную категорию, но и как прогностически значимую и диагностически применимую конструкцию, обладающую высоким эвристическим потенциалом.

Правовое самосознание как область психологического исследования. В современной научной литературе прослеживается устойчивая тенденция к разграничению понятий «правосознание» и «правовое самосознание» как концептуально различных, хотя и взаимосвязанных категорий. Если термин «правосознание» на протяжении длительного времени оставался основным в правовой психологии и юриспруденции, то категория «правовое самосознание» начала оформляться сравнительно недавно, преимущественно в рамках психологического и аксиологического подходов, ориентированных на внутреннюю субъективную реальность индивида.

Правосознание традиционно трактуется как форма общественного сознания, представляющая собой систему знаний, установок, представлений и оценок о праве, его роли в обществе, законе, справедливости и юридических институтах. Оно может проявляться на индивидуальном, групповом и массовом уровнях, охватывая правовую культуру, идеологию и общественное мнение.

В то же время правовое самосознание рассматривается как интегративное личностное образование, включающее осознание субъектом своей правовой роли, прав, обязанностей, целей и ценностей в правовой системе. Оно формируется в процессе правовой социализации и является частью общей Я-концепции личности. Правовое самосознание представляет собой личностно окрашенное отражение правовой реальности, в котором центральную роль играет переживание себя как субъекта права.

На наш взгляд, правовое самосознание личности представляет «процесс и одновременно результат выработки личностью относительно устойчивой осознанной системы представлений о самой себе в правовом пространстве, включающей осознание себя субъектом права, своей роли, целей, интересов, ценностных ориентаций, идеалов и мотивов правового поведения» (Муслумов, 2019). Предлагаемое определение расширяет и уточняет имеющиеся подходы, акцентируя внимание не только на статусно-ролевом осознании, но и на динамическом, процессуальном характере становления правовой идентичности, а также на внутренней системе ценностей, мотивов и идеалов, детерминирующих правовое поведение. В отличие от концепций, ограничивающих правовое самосознание описанием прав, ролей и обязанностей, данное понимание включает элементы правовой рефлексии, смыслообразования и волевой

саморегуляции, что позволяет интерпретировать правовое самосознание как многомерную и развивающуюся систему личностного самоопределения в правовой среде.

В целом разграничение терминов «правосознание» и «правовое самосознание» заключается в том, что правосознание отражает более общий, нормативный и культурный пласт отношения к праву, в то время как правовое самосознание фиксирует внутреннюю субъективную правовую идентичность, способность к правовой рефлексии и осознанному самоопределению в правовом поле. Анализ научной литературы позволяет выделить трехкомпонентную структуру правового самосознания, включающую когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Такая структура во многом перекликается со структурой правосознания, традиционно описываемого как совокупность знаний о праве, эмоционального отношения к нему и готовности к правомерному поведению (Емельянов, 2003). Однако в контексте правового самосознания каждый из этих компонентов приобретает личностно-рефлексивное измерение, фиксируя отношение индивида не к праву вообще, а к своей позиции в правовой системе.

Когнитивный компонент правового самосознания характеризует уровень осведомленности индивида о правовых нормах, правах, обязанностях, а также способность применять эти знания к собственной жизненной ситуации. В отличие от правосознания, где знание о праве часто носит обобщенный характер, здесь речь идет о персонализированном восприятии права через призму «Я в праве» – представлений о себе как субъекте правовых отношений. Как отмечал А. Р. Ратинов, правосознание – это сознание человеком своей включенности в правовую систему и своей позиции в ней (Ратинов, 2016), и именно это переживание становится центральным в когнитивной составляющей правового самосознания.

Эмоционально-оценочный компонент отражает субъективное отношение личности к собственному правовому статусу и включает такие характеристики, как самооценка, самоуважение, принятие себя в правовой роли, удовлетворенность своим положением в правовом пространстве. Если в правосознании эмоции по отношению к праву часто отражают идеологические установки или коллективные чувства (например, доверие к закону, ощущение справедливости), то в правовом самосознании акцент переносится на аффективное восприятие самого себя как правового субъекта.

Поведенческий компонент включает устойчивые поведенческие установки и реальные действия, проявляющиеся в правомерном или противоправном поведении, уровне правовой активности, способности к саморегуляции и самоконтролю в юридически значимых ситуациях. В отличие от правосознания, где поведенческая составляющая предполагает общую установку на соблюдение норм, правовое самосознание охватывает внутреннюю готовность личности включаться в правовые отношения на основе личных смыслов, целей и убеждений.

Формирование правового самосознания обусловлено как внешними факторами (социальная среда, образование, юридическая культура, институциональное влияние), так и внутренними регуляторами (ценности, Я-концепция, жизненные смыслы, правовые идеалы). В этом контексте правовое самосознание выступает не только как механизм правового поведения, но и как индикатор личностной зрелости и уровня интеграции субъекта в правовое пространство. Способность воспринимать правовую норму как внутренний регулятор и осознавать свою правовую идентичность свидетельствует о высоком уровне сформированности правового самосознания.

Стоит отметить: несмотря на интерес к проблеме правового самосознания, до настоящего времени сохраняется дефицит надежных и валидных психодиагностических методик, позволяющих комплексно оценивать его структуру и уровни сформированности. Имеющиеся инструменты ориентированы на отдельные составляющие самосознания, причем

с преобладанием его когнитивного компонента, тогда как эмоционально-оценочная и поведенческая составляющие недостаточно операционализированы. Как следствие, исследовательский инструментарий не обеспечивает должного охвата проявлений изучаемого феномена, особенно для разновозрастных групп. Особую сложность представляет диагностика правового самосознания в контексте динамически изменяющейся социальной реальности, в условиях которой нормативные основания правового выбора становятся предметом рефлексии и критического осмысления.

Выявление доминирующих форм отношения к себе в системе права, правовых установок и стратегий поведения в юридически значимых ситуациях требует разработки комплексного инструментария, отражающего психологическую специфику правового самосознания как целостного образования.

Конструкт правовой копинг-стратегии. Копинг как ключевая категория психологии совладания со стрессом рассматривается в научной литературе как совокупность когнитивных и поведенческих усилий, направленных на преодоление или смягчение воздействия стрессора. Классическое определение копинга было предложено Р. Лазарусом и С. Фолкман, которые понимали его как постоянно изменяющийся набор когнитивных и поведенческих реакций, направленных на управление внешними или внутренними требованиями, воспринимаемыми как превышающие ресурсы индивида (Lazarus & Folkman, 1984). В отличие от механизмов психологической защиты, копинг-стратегии являются, как правило, осознанными и целенаправленными, актуализирующимися в ответ на значимые жизненные вызовы.

Сложившаяся вот уже более чем 40 лет назад научная традиция демонстрирует разнообразные основания выделения копинг-стратегий. Так, Лазарус и Фолкман различают проблемно- и эмоционально-ориентированные стратегии, а Н. Эндлер и Дж. Паркер вводят третью категорию – избегающе-ориентированный копинг. Современные подходы детализируют эти классификации, выделяя параметры осознанности, направленности (на проблему или на эмоциональное состояние), эффективности (адаптивные и дезадаптивные формы), а также стабильности и контекстуальной зависимости копинг-реакций.

Предметное поле, как и видовое разнообразие копинг-стратегий, расширяется с момента возникновения данного понятия. Так, копинг-стратегии изучаются у лиц, осуществляющих правосудие (Кузьмина, Довгань, 2024), поведение субъектов правоприменения – сотрудников органов внутренних дел (Хохлова, Шибаева, 2024; Цветков, Новосельская, 2024), в том числе в особых условиях оперативно-служебной деятельности (Абрекова, Пономарь, 2024; Лебедев, 2024). Рассматриваются копинг-стратегии лиц, склонных к антиобщественному и криминальному поведению (Григорьева, 2022), в том числе осужденных (Шарипова, 2024), склонных к деструктивным реакциям (Чертовикова, 2024). На наш взгляд, разработка аспектов копинга в контексте правового поведения объясняется возможностью конструкта объяснять и предсказывать реагирование личности в различных контекстах жизнедеятельности, интегрируя ее индивидуальные и социальные возможности в целостном психологическом механизме.

Методология идентификации копинг-стратегии связана с определением стрессора, выявлением его негативного влияния, определением способов реагирования личности и оценкой их эффективности. Конечно, идентификация копинга выступает поверхностным, во многом внешним (поведенческим) маркированием реагирования личности на стресс, тогда как внутренний (психологический) механизм, равно как и факторы, влияющие на его формирование, скрыты и поэтому представляют собой ключевую цель исследования. Ясно, что в этот процесс вовлечены и когнитивные, и эмоциональные компоненты, представления и установки, ценности и ожидания личности. Однако архитектура их связей с конкретным стрессором, описание структуры и функций психологического механизма совладания с его влиянием являются

наиболее эвристически ценными как для теории копинг-поведения, так и для практической психологической работы. В контексте нашего исследования данная задача решается применительно к правовому поведению личности.

Обосновывая необходимость выделения правового копинга задачей совладания личности со стрессом, целесообразно рассмотреть феноменологию правовой регламентации жизнедеятельности. Она характеризуется нормативным закреплением форм и способов реализации ее гражданских прав, необходимостью доказывания своей позиции, длительностью и возможной неопределенностью результата. Взаимодействие участников правоотношений определяется их способностью использовать правовые знания, умения и навыки, необходимостью соблюдения процессуально установленного порядка, высокой ценой правовой ошибки и в некоторых случаях невозможностью ее исправления. Учитывая изложенное, ситуации правового взаимодействия обладают высокой значимостью и вместе с тем неопределенностью. Таким образом, у личности возникает необходимость в использовании специфических стратегий совладания, направленных на сохранение психологической устойчивости, правового статуса и субъектной активности.

Правовые копинг-реакции характеризуются не только попытками поведенческого решения проблемной ситуации (например, обращение за юридической помощью), но также включают когнитивные и эмоциональные формы реагирования, направленные на снижение субъективного дистресса, поддержание самооценки и ощущение контроля. В то же время правовой контекст предъявляет особые требования к поведению индивида, ограничивая спектр допустимых действий рамками правовых норм. Это обстоятельство способствует выражению правовых копинг-стратегий, создавая возможность их эмпирического изучения.

Операционализация правовой копинг-стратегии предполагает ее описание в терминах противодействия стрессовой реакции с определением измеримых параметров на уровне осознания, эмоционального реагирования (оценки) и поведения. Соответственно, правовая копинг-стратегия может быть рассмотрена как совокупность осознанных или частично осознаваемых когнитивных, эмоционально-оценочных и поведенческих реакций, направленных на преодоление правовых стрессоров, возникающих в условиях юридической неопределенности, угрозы санкций или нарушения правового статуса личности. Эти стратегии опосредованы уровнем сформированности правового самосознания и реализуются как способы актуализации и мобилизации правовых ресурсов субъекта, включая его представления о себе как носителе прав, способности к нормативной рефлексии, правовой самооценке и установкам на правомерное поведение.

Правовые копинг-стратегии выступают не только как ответ на внешние правовые вызовы, но и как проявление внутренней активности правового самосознания, обеспечивающей адаптацию личности в условиях правового давления или конфликта. В плоскости социального поведения, на наш взгляд, правовые копинг-стратегии могут быть классифицированы по нескольким основаниям: во-первых, по доминирующему механизму: избегание, проявляющееся в уходе от правовой проблемы и отказе от активных действий; капитуляция, выражающаяся в принятии негативной ситуации и снижении субъектной активности; гиперкомпенсация, характеризующаяся чрезмерным контролем, агрессией или манипулятивным поведением в правовом поле; во-вторых, по степени осознанности: от автоматических импульсивных реакций до рефлексивных и стратегически выстроенных форм поведения; в-третьих, по функциональной направленности: от адаптивных стратегий, обеспечивающих эффективную правовую саморегуляцию, до дезадаптивных, сопровождающихся эмоциональной дезорганизацией и снижением правовой активности.

Однако в рамках настоящего исследования мы исходим из принципиальной позиции, согласно которой не существует универсально «неконструктивных» копинг-реакций:

значимость и адаптивность конкретной стратегии могут быть поняты только в контексте индивидуальных ресурсов субъекта, специфики правовой ситуации и ее субъективной оценки. Это позволяет избегать нормативных ярлыков и анализировать совладающее поведение как динамический процесс смысловой и поведенческой саморегуляции в правовом поле. В этом контексте любая стратегия, от избегания до активного правового противодействия, может быть функционально уместной, если она обеспечивает субъективную управляемость ситуацией, поддерживает целостность правовой Я-концепции и способствует сохранению нормативной самоидентичности. Именно способность субъекта осознанно мобилизовать, трансформировать или переоценивать свои стратегии в зависимости от контекста и внутренних целей составляет сущностную основу развитого правового самосознания.

Подобный подход находит подтверждение и в ряде современных эмпирических и теоретических исследований. Так, уже в начале 2000-х годов жесткое деление стратегий на конструктивные и неконструктивные было подвергнуто критике как методологически ограниченное и недостаточно учитывающее ситуативную и личностную вариативность. В частности, Skinner и соавторы (Skinner et al., 2003) подчеркивают, что одна и та же стратегия может выступать как адаптивной, так и дезадаптивной в зависимости от конкретных обстоятельств, целей субъекта и его ресурсной обеспеченности. Например, стратегия избегания в условиях правовой угрозы может временно снижать уровень тревожности, восстанавливать внутреннее равновесие и служить формой самосохранения в ситуациях, где немедленное прямое решение невозможно или сопряжено с дополнительными рисками. Это подтверждает необходимость анализа копинг-реакций не как статичных форм, а как динамических проявлений правового самосознания, соотносящихся с задачами внутренней регуляции и поддержания субъективной целостности в правовой сфере.

Подобные выводы находят подтверждение и в более поздних метааналитических исследованиях. Так, в обобщающем анализе 142 эмпирических работ Cheng, Lau и Chan (Cheng, Lau, & Chan, 2014) подчеркивают значение феномена копинг-гибкости – способности субъекта варьировать стратегии совладания в зависимости от контекста, а не следовать фиксированному стилю. Авторы отмечают, что применение эмоционально ориентированных или даже уступающих форм копинга не обязательно свидетельствует о слабости или дезадаптации; напротив, такие стратегии могут быть психологически эффективны, если позволяют сохранить личностную целостность, предотвратить вторичную травматизацию или временно стабилизировать самооценку.

В связи с этим концептуализация копинг-стратегий в правовой сфере требует пересмотра устаревших бинарных категорий. Такие стратегии, как избегающий, протестно-конфликтный или уступающий копинг, не должны априорно трактоваться как дезадаптивные. Напротив, их функциональность следует оценивать через призму конкретной юридической ситуации, субъективной угрозы, доступных ресурсов и степени правовой субъектности индивида. При этом важно рассматривать правовое поведение как совокупность тактик, в числе которых, например, временный отказ от действия, уступка или усиленная активизация правовых действий могут быть элементами стратегии, приводящей к психологической и правовой адаптации. Следовательно, разработка моделей копинга в правовом поле должна базироваться не на этически или нормативно окрашенной классификации стратегий, а на анализе их ситуативной уместности, регуляторной функции и долгосрочных последствий для правового самосознания личности.

Соответственно, типология правовых копинг-стратегий позволяет концептуализировать разнообразие поведенческих и когнитивных реакций личности на юридически значимые стрессоры и служит основанием для разработки психодиагностического инструментария, направленного на их эмпирическое выявление и анализ.

Правовые копинг-стратегии в структуре правового самосознания. Правовое самосознание личности формируется не только как результат интериоризации правовых норм, но и как следствие активного включения субъекта в правовую действительность. Одной из форм этой активности выступает выбор и реализация правовых копинг-стратегий в условиях юридически значимых стрессоров (Хитрова, 2024).

Такие стратегии отражают не только ситуативное поведение, но и более глубокие представления личности о себе в правовом пространстве. Стратегия совладания со стрессом в сфере правоотношений сопровождается внутренней оценкой происходящего, рефлексией правового статуса и способов его защиты, что делает его тесно связанным с динамикой правового самосознания. Адаптивные копинг-стратегии способствуют укреплению ощущения себя как субъекта права, развитию нормативной чувствительности, способности к самоорганизации и нормативному выбору. Напротив, преобладание дезадаптивных форм (например, избегания, пассивной капитуляции) может усиливать правовой нигилизм, чувство отчужденности и правовую тревожность.

При этом важно понимать, что сами по себе стратегии копинга не являются однозначно конструктивными или деструктивными. Их эффективность зависит от степени интериоризации правовых норм, от личностных ресурсов и уровня сформированности правовой идентичности. В этом смысле копинг выступает не просто индикатором состояния личности, но и механизмом ее правовой трансформации, о чем свидетельствует эмпирическое исследование Э. В. Зауторовой и Ф. И. Кевли (Зауторова, Кевля, 2022).

На рисунке 1 представлена циклическая модель переработки юридически значимой ситуации, в которой правовые копинг-стратегии рассматриваются как промежуточное звено между глубинными правовыми убеждениями и результатом совладающего поведения в правовой сфере. Модель подчеркивает, что копинг не является реакцией на объективную ситуацию как таковую, а формируется на основе субъективной интерпретации правового события, опосредованной личностной системой убеждений.

Рис. 1. Модель совладания с правовой ситуацией посредством копинг-стратегии

Fig. 1. Model of dealing with a legal situation via a coping strategy

Процесс начинается с возникновения правовой угрозы или ситуации неопределенности, что актуализирует необходимость выбора поведенческой реакции. Ключевым этапом модели выступает интерпретация правовой ситуации через призму глубинных правовых убеждений, уже сложившихся в структуре личности. Эти убеждения могут носить как ограничивающий (например, презумпция виновности – устойчивое ощущение себя как априори неправового субъекта; правовая некомпетентность – ощущение неспособности действовать в правовом поле; правовая отчужденность – переживание отстраненности от правовой системы), так и поддерживающий характер (например, презумпция достоинства – вера в равную ценность и законную защиту каждого; правовая причастность – внутреннее принятие себя как участника и субъекта правовой системы). Именно характер интерпретации определяет, какой тип копинг-реакции будет активирован: это может быть как избегание, уступка или протест, так и конструктивное вовлечение (намеренное участие в разрешении ситуации), инициатива, обращение к правовым механизмам (поиск легальных способов защиты и утверждения своих прав).

После этого реализуется сама копинг-стратегия, которая может варьироваться от автоматической и импульсивной до осознанной и рефлексивно выстроенной. Эффективность копинга при этом зависит от степени мобилизации внутренних ресурсных механизмов, таких как правовая идентичность (осознание себя как субъекта права, обладающего статусом, обязанностями и правом на защиту), ассертивность (умение отстаивать свои права без нарушения прав других), критическое мышление (способность анализировать ситуацию с учетом правовых последствий и альтернативных решений) и чувство морального равенства (убежденность в справедливом правовом обращении независимо от социального или правового статуса). Эти ресурсы выполняют функцию внутренних опор, позволяющих личности переработать ситуацию, минимизировать психологические потери и сохранить или укрепить ощущение себя как субъекта права.

На выходе мы имеем результат – адаптацию или дезадаптацию, который, в свою очередь, влияет на коррекцию или закрепление глубинных правовых установок. Таким образом, модель замыкается в цикл: каждая новая правовая ситуация становится не только внешним вызовом, но и внутренним механизмом, поддерживающим или трансформирующим структуру правового самосознания.

Модель позволяет трактовать правовые копинг-стратегии не просто как поведенческие реакции, но как динамический механизм переработки и формирования правовой идентичности. Она подчеркивает роль субъективной оценки, ресурсной обеспеченности и повторяемости юридических переживаний в развитии устойчивых правовых установок, лежащих в основе зрелого и активного правового самосознания.

Операционализация конструкта. Разработанная нами диагностическая модель, положенная в основу методики оценки правовых копинг-стратегий и убеждений, основывается на интеграции когнитивно-поведенческого подхода, модели совладающего поведения (Lazarus & Folkman, 1984), а также теории правового самосознания как конструкта регуляции поведения личности в социальном взаимодействии (Муслумов, 2019). В соответствии с ними, полагаем, поведение субъекта в правовых стрессовых ситуациях опосредовано системой когнитивных фильтров – правовых убеждений, которые определяют выбор конкретной копинг-стратегии. По аналогии мы выделяем три типа правовых копинг-стратегий: отстраняющаяся (ориентированная на уход от правовой ситуации или ее игнорирование); отстаивающая (основанная на активном предъявлении правовых требований и защите интересов) и приспособительная (предполагающая поиск компромисса, принятие правовых реалий с сохранением внутренней стабильности).

Каждая из этих стратегий может реализовываться как в осознаваемой, произвольно регулируемой форме, так и в импульсивной, что позволяет учитывать не только поведенческую направленность, но и степень субъектного контроля. Выбор той или иной стратегии напрямую зависит от уровня сформированности обеспечивающих ее механизмов. Ими могут выступать критическое мышление, позволяющее анализировать правовую ситуацию, избегать крайностей и учитывать последствия; ассертивность – способность защищать свои интересы, соблюдая границы других и действуя в рамках права; правовая идентичность – осознание себя как субъекта правовых отношений, обладающего статусом и правом на защиту; чувство морального равенства – внутренняя установка на справедливое и равное обращение в правовой системе. Сформированность этих составляющих у личности обуславливает возможность выбора более гибких, адаптивных стратегий правового поведения, направленных не только на минимизацию психоэмоциональных потерь, но и на достижение результата. Данная структура соответствует современным представлениям о совладании как адаптивном процессе, вариативность которого определяется как внутренними убеждениями, так и ситуативным контекстом (Skinner et al., 2003).

Предлагаемый конструкт правового копинга ориентирован на интеграцию поведенческих, мотивационных и когнитивных компонентов. С этой целью используемые для диагностики индикаторы воспроизводят условия ситуации, а также оценивают индивидуальные и социальные представления о правовом поведении. Поведенческие паттерны (копинг-действия) диагностируются через выбор ситуационных сценариев (по аналогии с situational judgment tests, SJT), а когнитивная составляющая операционализирована в форме утверждений, отражающих промежуточные и глубинные убеждения. Таким образом, конструкт не только регистрирует, но и оценивает различные аспекты психологического механизма правового реагирования личности.

Отметим, что апробация психодиагностической методики «Профиль правовых копинг-стратегий и убеждений (ППКУ)» была проведена в 2025 г. на основе выборки из 160 студентов очной формы обучения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. В исследовании приняли участие 67 юношей (41,9 %) и 93 девушки (58,1 %). Средний возраст респондентов составил 21,4 года ($SD = 1,7$). Все участники имели базовый уровень правовой информированности, не являлись студентами юридических факультетов и не проходили на момент обследования специализированных курсов правового просвещения. Диагностика проводилась в групповой форме в аудиториях университета, в стандартных условиях. Время прохождения методики составляло 35–45 минут. Все респонденты были ознакомлены с этическими положениями участия и дали письменное согласие на обработку данных в анонимной форме.

Испытуемым предъявлялись пять ситуационных стимулов с вариантами выбора, 36 диагностических утверждений для оценки правовых убеждений и копинг-стратегий, а также утверждения блока метакогнитивной регуляции на основе самооценки проявления ресурсных механизмов (критическое мышление, ассертивность, правовая идентичность, моральное равенство). Варианты ответов фиксировались в электронном формате и обрабатывались с использованием статистического пакета SPSS v.27. Анализ внутренней согласованности показал удовлетворительные показатели по основным шкалам методики, что свидетельствует о возможности проведения дальнейшей психометрической оценки. Ее направлениями станут оценка параметров внутренней и внешней валидности, а также дискриминативности правового копинга в различных ситуациях с учетом специфики правосознания личности. В случае получения удовлетворительных результатов, методика, а вслед за ней и сам конструкт может быть подвергнут адаптации в разновозрастных выборках. Это позволит выявить общие

и особенные характеристики правового копинга подростковых, юношеских, молодежных и взрослых возрастных групп, открывая широкие перспективы для уточнения теоретических представлений о реагировании личности на правовые ситуации, будет способствовать получению новых знаний в области копинга и правосознания, выступающих исходными областями для нашего исследования.

Заключение

В статье теоретически обосновывается конструкт правового копинга, представляемый в виде стратегий реагирования личности на стресс, вызванный правовыми отношениями. Необходимость конструкта вызвана научными, методическими и прикладными проблемами правового поведения и правосознания молодежи.

Теоретическая значимость конструкта заключается в том, что он систематизирует копинг-реакции в правовой сфере в единой диагностической модели, опираясь на классификацию правовых стрессоров, типы совладающего поведения и когнитивные структуры личности. Теоретически подтверждена связь между стратегиями совладания и компонентами правового самосознания, что открывает новые возможности для эмпирических исследований в области юридической психологии, социальной педагогики, пенитенциарной и профилактической практики.

Методическая значимость конструкта определяется возможностью его реализации в виде методики. В частности, разработанная на его основе психодиагностическая методика «Профиль правовых копинг-стратегий и убеждений (ППКУ)» представляет собой инструмент для оценки стратегий совладающего поведения личности в правовых стрессогенных ситуациях. Методика основана на интеграции концептов копинг-поведения, когнитивной модели убеждений и представлений о правовом самосознании как регуляторной системе, обеспечивающей субъектную включенность индивида в правовое взаимодействие. Методика применима как в индивидуальном, так и в групповом формате, может быть интегрирована в правовые тренинги несовершеннолетних, программы развития правосознания, а также в систему психологического сопровождения в образовательных учреждениях и исправительных учреждениях ФСИН России. Перспективы исследования связаны с дальнейшей теоретической, методической и прикладной разработкой конструкта правовых копинг-стратегий.

Список литературы

- Абрекова, Н. Т., Пономарь, Е. В. (2024). Особенности совладающего поведения у сотрудников правоохранительных органов с разным уровнем агрессии. *Юридическая психология*, 1, 5–8.
- Андрианов, М. С. (2021). Психология участников уголовного судопроизводства: копинг-стратегии потерпевших. *Психология и право*, 11 (2), 178–192.
- Ветренко, Р. Н. (2023). Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей с дефектами правовой социализации. В Ю. А. Шаранов, В. Л. Ситников (ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2023)*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года, стр. 148–153). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Григорьева, И. В., Ходжаев, А. В., Гамова, А. В., Кононов, С. С. (2022). Взаимосвязь копинг-стратегий с противоправным поведением зависимых от алкоголя лиц, находящихся в лечебно-трудовом профилактории. *Наркология*, 21 (10), 47–53.
- Емельянов, В. Е. (2003). *Правосознание личности: психолого-правовой анализ*. Москва: Юнити-Дана.

- Зауторова, Э. В., Кевля, Ф. И. (2022). Специфика психологической защиты у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления против личности, и коррекционно-воспитательная работа с ними. *Пенитенциарная наука*, 16 (1 (57)), 107–114. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.011>
- Кузьмина, А. С., Довгань, К. Е. (2024). Юридическая казуистика и проблемы профессионального выгорания судей. *Психология и психотехника*, 4, 12–23.
- Лактионова, Е. Б., Пежемская, Ю. С. (2021). Оценка психологической безопасности ситуации и стратегии совладающего поведения подростков-правонарушителей. *Психология и право*, 11 (3), 62–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110305>
- Лебедев, И. Б. (2024). Копинг-поведение сотрудников ОВД, особенности его проявления в условиях СВО. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 271–275.
- Муслумов, Р. Р. (2019). Проблемы формирования правового самосознания личности. *Перспективы науки и образования*, 6 (42), 44–54.
- Ратинов, А. Р. (2016). Избранные труды. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Сабирова, Р. Ш., Умуркулова, М. М. (2018). Профессиональная мотивация полицейского как ведущая детерминанта копинг-поведения. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 8 (216), 98–103.
- Смолянкин, В. В., Алагуев, М. В., Тудупова, Т. Ц. (2023). Контроль стресса: определение, применение, перспективы исследований. *Мир психологии*, 1 (112), 39–51.
- Хитрова, А. В. (2024). *Нравственные основы и правосознание личности: социально-правовой аспект*. Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал".
- Хохлова, Н. И., Шибаева, Л. В. (2024). Стратегии преодоления стрессовых ситуаций юристами зрелого возраста. *Северный регион: наука, образование, культура*, 25 (1), 48–53. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-1-7>
- Цветков, В. Л., Новосельская, С. Р. (2024). Исследование особенностей проявления механизмов психологической защиты и копинг-стратегий у сотрудников органов внутренних дел. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 294–302.
- Чертовикова, А. С. (2024). Особенности копинг-стратегий осужденных, состоящих на профилактическом учете. *Проблемы современного педагогического образования*, 84-2, 484–486.
- Шаранов, Ю. А., Устюжанин, В. Н. (2018). Ситуации неопределенности и слабоструктурированные проблемы как системные атрибуты правоохранительной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4 (80), 223–229.
- Шарипова, Ф. А. к. (2024). Особенности копинг-стратегий и психологического благополучия осужденных мужского и женского пола. *Психология и право*, 14 (4), 105–114. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140407>
- Cheng, C., Lau, H.-P. B., & Chan, M.-P. S. (2014). Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1582–1607. <https://doi.org/10.1037/a0037913>
- Ewick, P., & Silbey, S. S. (1998). *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Merry, S. E. (2006). *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*. Chicago: University of Chicago Press.
- Skinner, E. A., Edge, K., Altman, J., & Sherwood, H. (2003). Coping as a central process in the development of competence. *American Psychologist*, 58 (4), 194–204.

References

- Abrekova, N. T., Ponomar', E. V. (2024). Osobennosti sovladayushchego povedeniya u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov s raznym urovnem agressii. *Yuridicheskaya psihologiya*, 1, 5–8.
- Andrianov, M. S. (2021). Psihologiya uchastnikov ugolovnoho sudoproizvodstva: koping-strategii poterpevshih. *Psihologiya i pravo*, 11 (2), 178–192.
- Vetrenko, R. N. (2023). Lichnostnye osobennosti nesovershennoletnih pravonarushitelej s defektami pravovoj socializacii. V Yu. A. Sharanov, V. L. Sitnikov (red.), *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2023): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 20–21 aprelya 2023 goda, str. 148–153)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Grigor'eva, I. V., Hodzhaev, A. V., Gamova, A. V., Kononov, S. S. (2022). Vzaimosvyaz' koping-strategij s protivopravnym povedeniem zavisimyh ot alkogolya lic, nahodyashchihysya v lechebno-trudovom profilaktorii. *Narkologiya*, 21 (10), 47–53.
- Emel'yanov, V. E. (2003). *Pravosoznanie lichnosti: psihologo-pravovoj analiz*. Moskow: YUniti-Dana.
- Zautorova, E. V., Kevlya, F. I. (2022). Specifika psihologicheskoy zashchity u lic, otbyvayushchih nakazanie v mestah lisheniya svobody za prestupleniya protiv lichnosti, i korrekcionno-vospitatel'naya rabota s nimi. *Penitenciar'naya nauka*, 16 (1 (57)), 107–114. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.011>
- Kuz'mina, A. S., Dovgan', K. E. (2024). Yuridicheskaya kazuistika i problemy professional'nogo vygoraniya sudej. *Psihologiya i psihotekhnika*, 4, 12–23.
- Laktionova, E. B., Pezhemskaya, YU. S. (2021). Ocenka psihologicheskoy bezopasnosti situacii i strategii sovladayushchego povedeniya podrostkov-pravonarushitelej. *Psihologiya i pravo*, 11 (3), 62–76. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110305>
- Lebedev, I. B. (2024). Koping-povedenie sotrudnikov OVD, osobennosti ego proyavleniya v usloviyah SVO. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 271–275.
- Muslumov, R. R. (2019). Problemy formirovaniya pravovogo samosoznaniya lichnosti. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 6 (42), 44–54.
- Ratinov, A. R. (2016). *Izbrannye trudy*. Moskow: Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii.
- Sabirova, R. Sh., Umurkulova, M. M. (2018). Professional'naya motivaciya policejskogo kak vedushchaya determinanta koping-povedeniya. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8 (216), 98–103.
- Smolyankin, V. V., Alaguev, M. V., Tudupova, T. C. (2023). Kontrol' stressa: opredelenie, primenenie, perspektivy issledovanij. *Mir psihologii*, 1 (112), 39–51.
- Hitrova, A. V. (2024). *Nravstvennye osnovy i pravosoznanie lichnosti: social'no-pravovoj aspekt*. Simferopol': OOO "Izdatel'stvo Tipografiya "Arial".
- Hohlova, N. I., Shibaeva, L. V. (2024). Strategii preodoleniya stressovyh situacij yuristami zrelogo vozrasta. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, 25 (1), 48–53. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2024-1-7>
- Cvetkov, V. L., Novosel'skaya, S. R. (2024). Issledovanie osobennostej proyavleniya mekhanizmov psihologicheskoy zashchity i koping-strategij u sotrudnikov organov vnutrennih del. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 294–302.
- Chertovikova, A. S. (2024). Osobennosti koping-strategij osuzhdennyh, sostoyashchih na profilakticheskom uchete. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 84-2, 484–486.
- Sharanov, Yu. A., Ustyuzhanin, V. N. (2018). Situacii neopredelyonnosti i slabostrukturirovannye problemy kak sistemnye atributy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4 (80), 223–229.

- Sharipova, F. A. k. (2024). Osobennosti koping-strategij i psihologicheskogo blagopoluchiya osuzhdennyh muzhskogo i zhenskogo pola. *Psihologiya i pravo*, 14 (4), 105–114. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140407>
- Cheng, C., Lau, H.-P. B., & Chan, M.-P. S. (2014). Coping flexibility and psychological adjustment to stressful life changes: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1582–1607. <https://doi.org/10.1037/a0037913>
- Ewick, P., & Silbey, S. S. (1998). *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Merry, S. E. (2006). *Human Rights and Gender Violence: Translating International Law into Local Justice*. Chicago: University of Chicago Press.
- Skinner, E. A., Edge, K., Altman, J., & Sherwood, H. (2003). Coping as a central process in the development of competence. *American Psychologist*, 58 (4), 194–204.

Информация об авторе

Рустам Рафикович Муслумов – доцент кафедры педагогики и психологии образования департамента психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Rustam R. Muslumov – Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Education of the Department of Psychology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Cand. Sci. (Psy.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.06.2025

Одобрена после рецензирования 29.08.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted June 05, 2025

Approved after reviewing August 29, 2025

Accepted October 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 343.95

Внушение как гипотеза недостоверных показаний в Statement Validity Assessment

Ольга Васильевна АлександроваКалужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
(Калуга, Россия)

o.alexandrova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7572-667X

Аннотация

Введение. Statement Validity Assessment (SVA) как инструмент оценки достоверности показаний в наши дни является методической основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний, прежде всего, в немецкоязычных странах, где данный подход развивается в течение многих десятилетий, продолжая почти столетнюю традицию психологии показаний в Германии (нем. Aussagepsychologie), вобрав в себя и реализовав на практике многие идеи, которые зародились еще на заре становления юридической психологии в конце XIX в. Одной из таких идей является внушение как причина недостоверности показаний. **Методы исследования и результаты.** В статье рассматривается значение феномена внушения при оценке достоверности показаний в исторической перспективе, начиная со ставшего сенсационным процесса Берхтольда в 1896 г., в котором проблема внушения как причина недостоверности показаний, вероятно, была поднята впервые, и по наше время, когда гипотеза недостоверности показаний как результат внушения является одной из гипотез, подлежащих проверке экспертами в рамках SVA.

Ключевые слова

Statement Validity Assessment (SVA), Criteria-Based Content-Analysis (CBCA), судебная психологическая экспертиза, достоверность показаний, внушение (суггестия), Германия / ФРГ

Для цитирования: Александрова, О. В. (2025). Внушение как гипотеза недостоверных показаний в Statement Validity Assessment. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 403–413.

Original paper

Suggestion as hypothesis of unreliable testimony in Statement Validity Assessment

Olga V. AleksandrovaKaluga State University named after K. E. Tsiolkovski
(Kaluga, Russia)

o.alexandrova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7572-667X

Abstract

Introduction. Statement Validity Assessment (SVA) as a tool for assessing the reliability of testimony is currently the methodological basis for forensic psychological examination of the reliability of testimony. Nowadays it is primarily used in German-speaking countries where this approach has been developed over many decades, continuing the almost century-long tradition of testimony psychology in Germany (German: Aussagepsychologie), having integrated and implemented in practice a great deal of ideas dating back to the dawn of legal psychology in the late 19th century. One of such ideas is suggestion as a cause of unreliability of evidence. **Research methods and results.** The article examines the significance of the phenomenon of suggestion in assessing the credibility of testimony from a historical perspective, starting with the sensational Berchtold trial in 1896, wherein the issue of suggestion as a cause of unreliable testimony seems to have been raised for the first time, and up to the present day, when the hypothesis of unreliable testimony as a consequence of suggestion is one of the hypotheses to be examined by experts within the framework of the SVA.

Keywords

Statement Validity Assessment (SVA), Criteria-Based Content-Analysis (CBCA), forensic examination, credibility of testimony, suggestion, Germany

For citation: Aleksandrova, O. V. (2025). Suggestion as hypothesis of unreliable testimony in Statement Validity Assessment. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 403–413.

Введение

Получивший наибольшее развитие в немецкоязычных странах ориентированный на содержание подход к оценке достоверности показаний (нем. inhaltsorientierte Glaubhaftigkeitsanalyse), известный больше как Statement Validity Assessment (SVA) и являющийся в настоящее время методической базой судебной психологической экспертизы достоверности показаний в ряде стран, представляет собой сложную процедуру проверки альтернативных гипотез недостоверности и достоверности показаний. Принцип проверки альтернативных гипотез как обязательное методическое условие данного вида экспертизы закреплен, например, в решении Федерального Верховного суда ФРГ № BGH 1 Str 618/98 в 1999 г. и в решениях Кассационной палаты по уголовным делам Федерального суда Швейцарии № BGE 128 I 81 2001 г. и № BGE 129 I 49 2002 г.¹

Одной из альтернативных гипотез, которая может быть выдвинута экспертом-психологом при проведении экспертизы достоверности показаний, является гипотеза внушения. В ФРГ, где методика SVA активно развивалась с 50-х гг. XX в., названное решение Федерального Верховного суда 1999 г. наряду с прочими методическими принципами данного вида экспертизы упоминает необходимость принятия во внимание феномена внушения как источника недостоверных показаний, что, вероятно, было реакцией на резонансные процессы 90-х гг. прошлого столетия о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних (например, так называемые Вормские процессы, процессы Монтессори), в рамках которых деятельность сотрудников социальных ведомств и общественных организаций, целью которых являлось разоблачение сексуальных преступлений против несовершеннолетних лиц, носила выраженный суггестивный характер и в значительной мере определяла содержание показаний предполагаемых несовершеннолетних жертв. Необходимо заметить, что и в настоящее время данный вид экспертизы проводится преимущественно для оценки достоверности показаний детей о случаях пережитого сексуального насилия.

¹ Подробнее о методических принципах и процедуре SVA см. в других публикациях автора на elibrary.ru

Max Steller, один из ведущих немецких экспертов в области психологии показаний и участник некоторых громких процессов конца прошлого века, в своей книге «Ничего кроме правды. Почему каждый, будучи невиновным, может быть осужден?» пишет следующее о важности внимания к феномену внушения и его иногда катастрофических последствиях для правосудия: *«Многие люди, которые, будучи невиновными, были осуждены и сидят в тюрьмах, потому что кто-то другой что-то видел, что не соответствует действительности, и что этот другой принимает за реальность. Случается и так, что люди убеждают так долго других в том, что они сами считают реальностью, что другие тоже начинают в это верить. Внушение – это захватывающая тема, которая присутствует в любых человеческих отношениях. Если же речь идет о праве и его нарушении, свободе и тюрьме, нам необходимо обнаруживать внушение. Особенно тогда, когда речь идет о детях, которые зачастую беззащитно противостоят внушению – и часто с ужасными последствиями для них самих и их семей»* (Steller, 2015).

Как упоминалось выше, в настоящее время при оценке достоверности показаний в рамках SVA гипотезе внушения уделяется должное внимание, хотя данный феномен, безусловно, не является открытием последних десятилетий и был предметом обсуждения и исследования уже в конце XIX в., на заре становления юридической психологии. Так, William Stern, отец психологии показаний как отдельного направления юридической психологии в Германии, уже в начале XX в. утверждал, что по причине длительного смешения терминов «гипноз» и «внушение» последний приобрел паталогическое значение, хотя и в обыденной жизни внушение против воли и без осознания его лицом, ставшим объектом такого влияния, играет огромную роль и подлежит еще внимательному изучению в свете проблемы оценки показаний (Stern, 1903–1904). В. М. Бехтерев в своей монографии «Внушение и его роль в общественной жизни» писал о необходимости понимания термина «внушение» в широком смысле, т. е. под внушением следует понимать не только гипнотическое или постгипнотическое внушение, поскольку данный термин *«вместе с более близким изучением предмета получил более широкое значение»*, и *«внушение, понимаемое в широком смысле, является одним из способов воздействия одного лица на другое даже при обыденных условиях жизни»* (Бехтерев, 1908). Такое понимание феномена внушения сходно с тем пониманием, которое сегодня существует в SVA и в юридической психологии в целом.

Описание исследования

Первым опытом судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии, целью которой была оценка особенностей функционирования памяти и эффектов внушения, Stern называет участие психиатров Hubert von Grashey и Albert von Schrenck-Notzinger в мюнхенском процессе Берхтольда 1896 г. о тройном убийстве, которые *«по настоянию защиты должны были выяснить, в какой мере возможно предположить, что в своих показаниях свидетели находились под впечатлением ежедневной литературы, посвящавшей сенсационному событию целые столбцы и множество иллюстраций»* (Stern, 1903–1904). Преступление стало сенсацией и в течение нескольких месяцев до начала судебного процесса широко освещалось прессой.

В 1897 г. была издана монография Schrenck-Notzinger «О внушении и фальсификации воспоминаний в процессе Берхтольда», которую автор начинает следующими словами: *«За несколько дней до окончания карнавала 1896 г. по Мюнхену разнеслась пугающая новость о том, что в доме 33 на Карлштрассе были обнаружены три трупа, принадлежащих проживавшим в том доме женщинам, смерть которых наступила в результате удушения. Изысканный образ действий преступника, идеальный порядок в квартире, отсутствие каких-либо улик понятным образом вызвали большой ажиотаж у публики и занимали интерес столичного населения»*

в течение длительного времени. Однако таинственный мрак вокруг преступления вскоре начал рассеиваться благодаря проявленному благоразумию и активной деятельности ведомств, которым было поручено расследование. Способ убийства, а также отсутствие наличных денег и ценных бумаг уже не оставляли сомнений в том, что это было разбойное нападение, ужаснее и страшнее которого не могло бы придумать даже самое смелое воображение. После проверки некоторых ложных следов расследование завершилось 21 февраля арестом каменщика Йоханна Берхтольда, который должен был нести ответ перед судом присяжных Верхней Баварии в течение целых двух недель – с 1 по 14 октября.

Благодаря участию газеты "Münchener Neuste Nachrichten" в предварительном расследовании, благодаря подробным сообщениям прессы в ходе судебного разбирательства, благодаря психологической точке зрения, которую представляла сторона защиты, напряженное внимание публики не ослабевало до завершения процесса. Присяжные, как известно, вынесли вердикт "виновен"» (Schrenck-Notzinger, 1897).

Спустя неделю после начала расследования молочник Гёттль сообщил, что за день или два до убийства видел рабочего в уборной дома убитых. На основании этой информации была выдвинута версия о том, что преступник получил доступ в дом под предлогом проведения ремонтных работ, и это позволило ему спланировать преступление. Следственные органы начали проверку рабочих, которые занимались в августе установкой сантехнического оборудования в доме 33 на Карлштрассе. Среди них оказался 33-летний каменщик Й. Берхтольд, который ранее уже был судим за кражу и насилие, и о котором ходили слухи, что он совершил еще два разбойных нападения. Й. Берхтольд стал главным подозреваемым в совершении разбойного нападения и убийстве трех женщин. Он был арестован 21 февраля 1896 г. У него не были обнаружены пропавшие из дома убитых деньги и ценные бумаги, но косвенное доказательство, заключавшееся в неожиданном и совпавшем по времени с преступлением улучшении финансового положения семьи Й. Берхтольда, убедило следственные органы в его вине. Й. Берхтольд отрицал свою причастность к преступлению и заявлял, что не бывал на Карлштрассе с августа, но заявляемое им алиби не могло быть подтверждено. Кроме того, несколько свидетелей опознали в нем мужчину, которого они видели недалеко от места преступления 14 февраля, когда предположительно было совершено преступление. Один из свидетелей заявлял, что видел мужчину, внешность которого соответствует описанию Й. Берхтольда, и который входил в дом 33 на Карлштрассе, в то время когда там было совершено преступление, и покинул дом примерно в обеденное время, вероятно, с раненой рукой. Другой свидетель видел того же мужчину, моющим руки в туалете. В течение предварительного расследования, которое длилось пять месяцев с момента ареста Й. Берхтольда, прокуратура и следственные органы получили дальнейшие доказательства, включая большое число свидетельских показаний против Й. Берхтольда. Выдвинутое обвинение по большей части основывалось на показаниях 210 свидетелей; вещественных доказательств было немного, но свидетельские показания убедили присяжных в виновности Й. Берхтольда. Вероятно, судебные решения, основанные только лишь на свидетельских показаниях, не были редкостью, но то, каким образом были получены свидетельские показания, а также подробное освещение данного процесса прессой привели адвоката Й. Берхтольда Rudolf von Pannwitz к размышлениям о потенциально деструктивных последствиях допуска прессы к расследованию для уголовного правосудия. Расследование не велось тайно, мюнхенская пресса принимала в нем самое активное участие, создавая атмосферу страха и ажиотажа вокруг процесса Берхтольда, что, в свою очередь, имело суггестивный эффект и привело к формированию предвзятого отношения к обвиняемому: публиковались показания свидетелей, фотографии обвиняемого, которые сопровождались утверждением вины Й. Берхтольда. Pannwitz полагал, что именно широкое вовлечение прессы

привлекло большое количество свидетелей, которые видели Й. Берхтольда только в публикациях и стали, по его мнению, жертвами возникших в результате внушения ложных воспоминаний (Wolffram, 2018).

Активная публичная дискуссия, по мнению Schrenck-Notzinger, имела действительно значительное суггестивное воздействие на свидетелей и стала причиной «ретроградной фальсификации воспоминаний», т. е., если обращаться к современной терминологии, появлению ложных воспоминаний: некоторые свидетели не смогли определить, является ли источником сообщаемых ими сведений непосредственное наблюдение или же сообщения прессы. Schrenck-Notzinger в своей монографии следующим образом описывает механизм данного феномена: *«Возникновение такой формы фальсификации воспоминаний в результате впечатления от услышанного или увиденного имеет исключительно суггестивную природу, поскольку сознание настолько занято возбужденными интенсивными представлениями, что противоположно направленные душевные связи, т. е. противоположные или сдерживающие представления более не могли проявить своего обычного действия в виде разумной критики. Пока мы не нашли для этого психического процесса более точного обозначения, мы вполне вправе обозначать его как внушение»* (Schrenck-Notzinger, 1897). В экспертном заключении Schrenck-Notzinger называет некоторые источники ложных воспоминаний у лиц без психических отклонений: недостаток понимания того, что воспоминания сопоставляются с актуальной реальностью, т. е. некоторые элементы события, которому посвящено воспоминание, всегда забываются, а воспоминание реконструируется; феномен *déjà vu*; ошибки перцепции и пр. Он полагал, что такие заблуждения объясняют противоречия, которые были в показаниях свидетелей в процессе Берхтольда. Опираясь на работы Emil Kraepelin и Anton Delbrück, демонстрирующие, что частичная фальсификация воспоминаний – весьма частое явление и у лиц без психических патологий, Schrenck-Notzinger описал, каким образом недостаточно отчетливые воспоминания могут быть приукрашены и фальсифицированы с течением времени. В процессе Берхтольда некоторые свидетели заявляли, что обвиняемый Й. Берхтольд был торговцем, который ходил три года назад по их домам. Schrenck-Notzinger полагал, что на неотчетливые воспоминания свидетелей о торговце, которого они лишь мельком видели у двери, наложились ассоциации и впечатления от сведений, полученных из прессы (т. е. фотографии обвиняемого и информация о преступлении и расследовании). Новые ассоциации и впечатления, «встроенные» в старые воспоминания, привели к «неосознаваемой ретроградной фальсификации» воспоминаний, для чего в условиях создаваемой прессой атмосферы страха не требовалось наличия каких-либо психических патологий (Wolffram, 2018).

Grashey считал, что в этом сенсационном процессе, в котором пресса принимала столь активное участие, не исключалось, что некоторые лица могли стать жертвами внушения, но они (вероятно, около 20 % от тех, кто заявлял, что видел Й. Берхтольда), по его мнению, страдали тем или иным психическим расстройством. Он утверждал, что психически здоровые лица внушаемы, но лишь одно это обстоятельство не может сделать их жертвами внушения, поскольку психически здоровые индивиды мобилизуют в таких случаях силу контрвнушения, чтобы защитить себя от внешнего влияния. Таким образом, Grashey хотя и допускал, что любой человек может быть подвергнут внушению, но не принимал точку зрения, что внушение может принимать масштаб смещения того, что было услышано и прочитано, с тем, что было в реальности, без того, чтобы имелась какая-либо патология. Schrenck-Notzinger хотя и соглашался со своим коллегой в том, что контрвнушение способно минимизировать эффект внушения, но настаивал на том, что такого рода внушение, которое имело место в процессе Берхтольда, не обязательно имеет патологическую природу. В итоге Grashey не обнаружил ни у одного из свидетелей каких-либо психических

расстройств. Schrenck-Notzinger считал, что только один из свидетелей вызывает обоснованные подозрения с точки зрения психиатрии (Wolffram, 2018).

Процесс Берхтольда стал одним из тех процессов, которые открыли юридической психологии в целом и психологии показаний в частности дверь в зал судебных заседаний, не в последнюю очередь благодаря деятельности таких адвокатов, как Pannwitz, проявившему интерес к достижениям современной науки и предпринявшему попытку привлечь экспертов не только для оценки способности выступать в роли свидетеля у лиц с психическими отклонениями, но и у психически здоровых лиц (Wolffram, 2018). Schrenck-Notzinger так оценивал значение и место экспертизы достоверности показаний в 1897 г., когда юридическая психология только делала первые шаги: *«Экспертиза достоверности свидетельских показаний будет необходима только в исключительных случаях, и ее скорее следовало бы избегать, если судьи сами владеют необходимыми для оценки достоверности показаний психологическими критериями. Напротив, совершенно недопустимыми представляются вывод, основанный на особенных обстоятельствах процесса Берхтольда, о ходе последующих судебных разбирательств и создание видимости того, что теперь психологический анализ свидетельских показаний должен войти в зал судебных заседаний на регулярной основе. Некоторые самые популярные газеты идут в своем обобщении еще дальше. Из проведенной в качестве исключения экспертизы противоречивых свидетельских показаний они даже делают вывод об угрозе обеспечению правового порядка. Такие преувеличения создают впечатление, что стреляют из пушки по воробьям!*

Необходимо только осознать имеющиеся реальные обстоятельства. Из 210 приглашенных свидетелей было 18, показания которых позволяют сделать вывод о внушении в результате чтения прессы. Из них по причине очень значимых противоречий только 5 были по инициативе суда подвергнуты критике» (Schrenck-Notzinger, 1897).

Процесс завершился смертным приговором, который был заменен пожизненным лишением свободы. Й. Берхтольд настаивал на своей невинности и утверждал, что показания свидетелей, которые видели его вблизи дома 33 на Карлштрассе, были ошибочны. В 1912 г. адвокат Й. Берхтольда Franz Giess подал ходатайство о возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, полагая, что появление свидетелей, которые могут подтвердить алиби Й. Берхтольда, и спорная достоверность показаний, которые привели к осуждению Й. Берхтольда, будут достаточным основанием для возобновления производства. Giess весьма оптимистично оценивал уровень развития психологии показаний и степень ее признания юридическим сообществом: он писал, что психология показаний по своему состоянию на 1912 г. была разработана в самых тонких деталях, а также повсеместно применялась и практиковалась в судах. Вероятно, такая позитивная оценка была следствием сравнения с ситуацией 1896 г., когда привлечение экспертов к оценке достоверности показаний психически здоровых свидетелей подверглась критике прессы, юридического сообщества и даже самих экспертов. Ходатайство о возобновлении производства не было удовлетворено. Процесс Берхтольда нередко рассматривается как первый случай практического применения психологии показаний в судебной процессе, в рамках которого также были подняты и обсуждались значимые для юридической психологии и судебной психологической экспертизы вопросы: относится ли оценка достоверности показаний лиц без психических патологий к исключительной компетенции судей, обладают ли последние необходимой для этого квалификацией, допустимо ли привлечение эксперта; соотношение компетенций психиатра и психолога, так как представления о границах между психической нормой и патологией менялись; необходимость подготовки юристов в области юридической психологии (Wolffram, 2018).

Stern еще в 1904 г. выделял два вида суггестии: активную и пассивную. Под активным внушением он понимал исходящее от какого-либо лица (суггестора) влияние; пассивное внушение он описывал как ситуативное психическое состояние, заключающееся в восприимчивости к суггестивному воздействию, которая не зависит от наличия активной суггестии. Пассивная суггестия основывается на ситуации дефицита, отражающей общую или ситуативную структуру потребностей, которые можно разделить на следующие группы: 1) аффективные (дефицит любви, доверия, безопасности, уровень самооценки); 2) когнитивные (пробелы в воспоминаниях и знаниях, недостаточно развитое логическое мышление); 3) структурные (недостаточная ясность ситуации). Появление эффектов внушения возможно с большей вероятностью объяснить как результат взаимодействия активных действий суггестора и психического состояния субъекта внушения (Gheorghiu, 1989; Volbert, 2008). Заметим, что непосредственное воздействие со стороны третьего лица не всегда необходимо, поскольку существуют и автосуггестивные процессы, которые развиваются без внешнего воздействия. Тем не менее активное обсуждение какого-либо вопроса в СМИ может стать отправной точкой для появления эффектов самовнушения (Volbert, 2023), что и было предметом дискуссии в процессе Берхтольда в конце XIX в., а сегодня рассматривается в рамках SVA как один из возможных источников неинтенциональных недостоверных показаний. По этой причине процедура SVA предусматривает помимо исследования способности свидетеля выступать в роли такового (т. е. свидетельской дееспособности) и качественной стороны показаний (в том числе оценку с помощью системы критериев достоверности) также и исследование генезиса показаний, т. е. истории их развития. В случае обнаружения фактов воздействия, которые обладают суггестивным потенциалом, система критериев достоверности не может быть применена для оценки достоверности показаний, так как не позволяет различать достоверные показания и показания, возникшие в результате суггестии, что было подтверждено исследованиями (Erdman, 2001). В немецкоязычных странах, где SVA является признанной методической основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний, данное обстоятельство побуждает юридических психологов обращаться к проблемам организации допроса и психотерапии, так как допрос и психотерапия представляют собой ситуации, в которых вероятность суггестивного воздействия возможна и в некоторых случаях даже высока. И если проблеме организации допроса (особенно допроса детей) с низким суггестивным потенциалом в западных странах посвящено большое число исследований, пособий (например, пособие по допросу детей с учетом возрастного развития Niehaus et al. (Niehaus, Volbert, & Fegert, 2017), то дискуссия между судебными экспертами-психологами и психотерапевтами еще ведется.

Немецкая Независимая комиссия по выявлению случаев сексуального насилия над детьми в «Рекомендациях по улучшению ситуации лиц, ставших жертвами сексуального насилия в детском и юношеском возрасте, в ходе следствия и уголовного судебного процесса» 2020 г. утверждает: *«Чтобы избежать подозрения в наличии суггестивного воздействия, следственные органы среди прочего советуют родителям и детям не вести никаких разговоров о событии. Нередко советуют отказаться от травмотерапии, иногда даже от любых форм психотерапии, несмотря на то что терапия, направленная лишь на стабилизацию состояния, не должна иметь никакого влияния на показания, если она проводится профессионально. Таким образом, детей лишают необходимой им помощи и поддержки»* (Empfehlungen zur Verbesserung der Situation von sexueller Gewalt in Kindheit und Jugend betroffener Menschen in Ermittlungs- und Strafverfahren, 2020). Описанная в данной цитате позиция отказа от психотерапии представляется утрированной и в целом не разделяется судебными экспертами-психологами в Германии, если соблюдается ряд условий. Так, J. Schemmel и R. Volbert в своей статье «Терапия или достоверность? Психотерапия во время уголовного процесса» выражают следующее

мнение: «Потерпевшим иногда советуют не начинать психотерапию во время ещё незавершённого уголовного процесса, т. к. это может привести к изменению воспоминаний не в пользу их достоверности. ...при наличии специфических условий проведения психотерапии действительно возможно появление ложных воспоминаний, ... суггестивное воздействие психотерапии значительно ниже, если проблематичные условия отсутствуют. Например, если терапия начата только после того, как были даны показания следственным органам. Терапевтическое вмешательство, направленное на стабилизацию психического состояния в настоящем, не представляет опасности в плане воздействия на процессы памяти. Методы терапии, которые сфокусированы на психотравме, подразумевают интенсивную работу с воспоминаниями о предполагаемом преступлении и могут при некоторых условиях привести к их изменению, но такие методы рекомендованы в случае ПТСР. Если уже имеются показания, свободные от такого рода воздействия, и не ведется работа с воспоминаниями, целью которой является целенаправленное их обнаружение (восстановление), возможное влияние на воспоминания находится в более ограниченных рамках, и его возможно установить посредством сравнения показаний данных до и после такой работы. Даже если психотерапия может при определенных условиях привести к появлению ложных воспоминаний, то общая рекомендация отказаться от терапии на время уголовного процесса с профессиональной точки зрения необоснована» (Schemmel & Volbert, 2022). Следовательно, сообщество судебных экспертов-психологов не выступает против психотерапии во время уголовного процесса, когда показания являются основным или единственным доказательством, но призывают с осторожностью относиться к сомнительным психотерапевтическим подходам, например, таких, как Mind control (расщепление личности), восстановление ранее отсутствующих воспоминаний, а также критически относятся к позиции Независимой комиссии по выявлению случаев сексуального насилия над детьми, которая заключается в безапелляционном признании статуса жертвы лишь на основании самоприсвоения себе данной роли предполагаемой жертвой и оценке исследования наличия научно обоснованных признаков внушения как дискредитирующих предполагаемую жертву (Mokros et al., 2024; Niehaus, 2019; Niehaus & Krause, 2023; Schröder et al., 2023).

Заключение

Несмотря на то что в российской практике судебной психологической экспертизы эксперту-психологу может быть задан вопрос о наличии признаков воздействия на дающее показания лицо, подход к проблеме внушения в России пока не приобрел комплексного характера, свойственного немецкоязычным странам вследствие длительной традиции судебной психологической экспертизы достоверности показаний, которая сложилась и существует многие десятилетия, и весьма высокой степени научной разработанности проблемы внушения в западных странах. В России также предпринимаются попытки разработки методик оценки достоверности показаний, но в алгоритм ни одной из них пока не включен этап выявления признаков внушения, как это имеет место в SVA (Алиэскеров, Енгальчев, 2004; Горолов, Енгальчев, 1988; Енгальчев, 2017; Енгальчев, Юнда, 2010).

Список литературы

- Алиэскеров, М. А., Енгальчев В. Ф. (2004). Юридический психолог в гражданском судопроизводстве: возможности и функции. *Арбитражный и гражданский процесс*, 3, 21–26.
- Бехтерев, В. М. (1908). *Внушение и его роль в общественной жизни*. Санкт-Петербург: издание К. Л. Риккера.
- Горелов, И. Н., Енгальчев, В. Ф. (1988). Невербальные компоненты общения на допросе. *Tartu riikliku ülikooli toimetised (Ученые записки Тартуского университета)*, 815, 124–134.

- Енгалычев, В. Ф. (2017). Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы. В *Психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сборник научных статей* (стр. 11–16). Москва: Российский государственный университет правосудия.
- Енгалычев, В. Ф., Юнда, А. В. (2010). Проблема выявления недостоверных и ложных сообщений в экспертной беседе. В *Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (стр. 138–144). Калуга: Издательство Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского.
- Empfehlungen zur Verbesserung der Situation von sexueller Gewalt in Kindheit und Jugend betroffener Menschen in Ermittlungs- und Strafverfahren (2020). *Unabhängige Kommission zur Aufarbeitung sexuellen Kindesmissbrauchs*. <https://www.aufarbeitungskommission.de/mediathek/empfehlungen-strafverfahren-sexuelle-gewalt/>
- Erdman, K. (2001). *Induktion von Pseudoerinnerungen bei Kindern. Möglichkeiten und Grenzen aussagepsychologischer Diagnostik bei suggerierten Aussagen*: Dissertation. Freie Universität Berlin. <http://dx.doi.org/10.17169/refubium-5146>
- Gheorghiu, V. A. (1989). The development of research in suggestibility: Critical considerations. In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H.J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.), *Suggestion and suggestibility: Theory and research* (pp. 3–55). New York: Springer.
- Mokros, A., Schemmel, J., Oeberst, A., Körner, A., & Imhoff, R. et al. (2024). Entgegnung: Unterschiedliche Überzeugungen, aber nur eine Wahrheit. *Psychologische Rundschau*, 75 (3), 231–233. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000677>
- Niehaus, S. (2019). Im Interesse kindlicher Opfer. In: Stadt Wien (Hrsg.), *Zwischen Verdacht und Vertrauen – Forensische Aspekte der Jugendamtspsychologie. Bericht über die 66. Tagung der österreichischen Kinder- und Jugendhilfe-psycholog(inn)en* (S. 147–162).
- Niehaus, S., & Krause, A. (2023). Denn sie wissen (nicht), was sie tun: Die Hamburger ORG-Studien über Mind Control, gezielte Persönlichkeitsaufspaltungen und induzierte Amnesien. Die ausführlichere Replik auf die Kritik von Schröder et al. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2). Online First.
- Niehaus, S., Volbert, R. & Fegert, J. M. (2017). *Entwicklungsgerechte Befragung von Kindern in Strafverfahren*. Springer-Verlag GmbH Deutschland. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-53863-0>
- Schemmel, J., & Volbert, R. (2022). Therapie oder Glaubhaftigkeit? Psychotherapeutische Behandlung bei laufenden Strafverfahren. In R. Deckers, G. & Könken (Hrsg.), *Die Erhebung und Bewertung von Zeugenaussagen im Strafprozess* (S. 25–44). Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Schrenk-Notzinger, A. (1897). *Über Suggestion und Erinnerungsfälschung im Berchtold-Process* (Verhandlung wegen dreifachem Raubmord und Diebstahl vor dem oberbayerischen Schwurgericht vom 1.-14. oct. 1896). Johann Ambrosius Barth. Leipzig.
- Schröder, J., Nick, S., Andresen, S., Gahleitner, S., Kavemann, B., Richter-Appelt, H., & Briken, P. (2023). Brief an die Redaktion – Unberechtigte Unterstellungen im Artikel „Wissenschaftsorientierung in Sexualstrafverfahren in Gefahr: Fortschritte und Opferinteressen stehen auf dem Spiel“ von Niehaus & Krause 2023 veröffentlicht in *Praxis der Rechtspsychologie* 2/23. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2), 1–3.
- Steller, M. (2015). *Nichts als die Wahrheit? Warum jeder unschuldig verurteilt werden kann*. München: Wilhelm Heyne Verlag.
- Stern, W. (1903–1904). *Beiträge zur Psychologie der Aussage*. 1. Leipzig: J. A. Barth.
- Volbert, R., & Steller, M. (2023). Glaubhaftigkeit. In Th. Bliesener, F. Lösel, K.-P., Dahle (Hrsg.), *Lehrbuch Rechtspsychologie* (S. 387–404). <https://doi.org/10.1024/86116-000>

- Volbert, R. (2008). Suggestion. In R. Volbert & M. Steller (Hrsg.), *Handbuch der Rechtspsychologie* (S. 331–341). Göttingen: Hogrefe.
- Wolffram, H. (2018). *Forensic psychology in Germany*. Witnessing Crime, 1880–1939. Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-73594-8>

References

- Alieskerov, M. A., Engalychev V. F. (2004). Yuridicheskij psiholog v grazhdanskom sudoproizvodstve: vozmozhnosti i funkcii. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*, 3, 21–26.
- Bekhterev, V. M. (1908). *Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoj zhizni*. Saint Petersburg: izdanie K. L. Rikera.
- Gorelov, I. N., Engalychev, V. F. (1988). Neverbal'nye komponenty obshcheniya na doprose. *Tartu riikliku ülikooli toimetised* (Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta), 815, 124–134.
- Engalychev, V. F. (2017). Psihologicheskij analiz povedeniya, zafiksirovannogo na videozapisi, kak novo napravlenie sudebnoj psihologicheskoy ekspertizy. V *Psihologicheskaya ekspertiza i kompleksnye sudebnye issledovaniya videozapisej: sbornik nauchnyh statej* (str. 11–16). Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya.
- Engalychev, V. F., Yunda, A. V. (2010). Problema vyavleniya nedostovernyh i lozhnyh soobshchenij v ekspertnoj besede. V *Aktual'noe sostoyanie i perspektivy razvitiya sudebnoj psihologii v Rossijskoj Federacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* (str. 138–144). Kaluga: Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K. E. Ciolkovskogo.
- Empfehlungen zur Verbesserung der Situation von sexueller Gewalt in Kindheit und Jugend betroffener Menschen in Ermittlungs- und Strafverfahren (2020). *Unabhängige Kommission zur Aufarbeitung sexuellen Kindesmissbrauchs*. <https://www.aufarbeitungskommission.de/mediathek/empfehlungen-straferverfahren-sexuelle-gewalt/>
- Erdman, K. (2001). *Induktion von Pseudoerinnerungen bei Kindern. Möglichkeiten und Grenzen aussagepsychologischer Diagnostik bei suggerierten Aussagen*: Dissertation. Freie Universität Berlin. <http://dx.doi.org/10.17169/refubium-5146>
- Gheorghiu, V. A. (1989). The development of research in suggestibility: Critical considerations. In V. A. Gheorghiu, P. Netter, H.J. Eysenck & R. Rosenthal (Eds.), *Suggestion and suggestibility: Theory and research* (pp. 3–55). New York: Springer.
- Mokros, A., Schemmel, J., Oeberst, A., Körner, A., & Imhoff, R. et al. (2024). Entgegnung: Unterschiedliche Überzeugungen, aber nur eine Wahrheit. *Psychologische Rundschau*, 75 (3), 231–233. <https://doi.org/10.1026/0033-3042/a000677>
- Niehaus, S. (2019). Im Interesse kindlicher Opfer. In: Stadt Wien (Hrsg.), *Zwischen Verdacht und Vertrauen – Forensische Aspekte der Jugendamtspsychologie. Bericht über die 66. Tagung der österreichischen Kinder- und Jugendhilfe-psycholog(inn)en* (S. 147–162).
- Niehaus, S., & Krause, A. (2023). Denn sie wissen (nicht), was sie tun: Die Hamburger ORG-Studien über Mind Control, gezielte Persönlichkeitsaufspaltungen und induzierte Amnesien. Die ausführlichere Replik auf die Kritik von Schröder et al. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2). Online First.
- Niehaus, S., Volbert, R. & Fegert, J. M. (2017). *Entwicklungsgerechte Befragung von Kindern in Strafverfahren*. Springer-Verlag GmbH Deutschland. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-53863-0>
- Schemmel, J., & Volbert, R. (2022). Therapie oder Glaubhaftigkeit? Psychotherapeutische Behandlung bei laufenden Strafverfahren. In R. Deckers, G. & Könken (Hrsg.), *Die Erhebung und Bewertung von Zeugenaussagen im Strafprozess* (S. 25–44). Berliner Wissenschafts-Verlag.

- Schrenk-Notzinger, A. (1897). *Über Suggestion und Erinnerungsfälschung im Berchtold-Process* (Verhandlung wegen dreifachem Raubmord und Diebstahl vor dem oberbayerischen Schwurgericht vom 1.-14. oct. 1896). Johann Ambrosius Barth. Leipzig.
- Schröder, J., Nick, S., Andresen, S., Gahleitner, S., Kavemann, B., Richter-Appelt, H., & Briken, P. (2023). Brief an die Redaktion – Unberechtigte Unterstellungen im Artikel „Wissenschaftsorientierung in Sexualstrafverfahren in Gefahr: Fortschritte und Opferinteressen stehen auf dem Spiel“ von Niehaus & Krause 2023 veröffentlicht in *Praxis der Rechtspsychologie* 2/23. *Praxis der Rechtspsychologie*, 33 (2), 1–3.
- Steller, M. (2015). *Nichts als die Wahrheit? Warum jeder unschuldig verurteilt werden kann*. München: Wilhelm Heyne Verlag.
- Stern, W. (1903–1904). *Beiträge zur Psychologie der Aussage*. 1. Leipzig: J. A. Barth.
- Volbert, R., & Steller, M. (2023). Glaubhaftigkeit. In Th. Bliesener, F. Lösel, K.-P., Dahle (Hrsg.), *Lehrbuch Rechtspsychologie* (S. 387–404). <https://doi.org/10.1024/86116-000>
- Volbert, R. (2008). Suggestion. In R. Volbert & M. Steller (Hrsg.), *Handbuch der Rechtspsychologie* (S. 331–341). Göttingen: Hogrefe.
- Wolffram, H. (2018). *Forensic psychology in Germany*. Witnessing Crime, 1880–1939. Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-73594-8>

Информация об авторе

Ольга Васильевна Александрова – аспирант кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

About the author

Olga V. Aleksandrova – postgraduate student at the Department of General and Social Psychology, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 24.03.2025
Одобрена после рецензирования 28.08.2025
Опубликована 28.10.2025

Submitted March 24, 2025
Approved after reviewing August 28, 2025
Accepted October 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 159.99

Особенности переживания вины и стыда у лиц с саморазрушающим поведением

Сергей Владимирович Горбатов

Региональный центр судебной экспертизы
(Санкт-Петербург, Россия)
s.gorbатов@bk.ru

ORCID: 0000-0003-3842-9956

Елена Николаевна Арбузова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e.arbuzova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1643-0529

Вера Владимировна Тураносова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
v.turonosova@spbu.ru

ORCID: 0009-0007-0925-118X

Аннотация

Введение. В работе раскрывается роль стыда и вины в регуляции поведения лиц, демонстрирующих склонность к самоповреждению. **Методы исследования.** В целях решения поставленных задач в исследовании использованы такие методики, как «Опросник вины» К. Куглера, У. Х. Джонса, «Опросник чувств и эмоций» (PFQ2), Шкала регуляции эмоций (DERS-16), краткая версия опросника личностных расстройств для DSM-5 (PID-5-BF), опросник «Ауто- и гетероагрессия» (Е. П. Ильин). **Результаты.** В работе приводятся результаты сравнительного эмпирического исследования молодых женщин (средний возраст 22,5 лет) в трех группах общей численностью 139 человек: группа занимающихся несуицидальным самоповреждением, группа страдающих от расстройства пищевого поведения (РПП) (склонных к модификации своего тела за счет голодания и следования специальным диетам) и контрольная группа молодых женщин, не имеющих поведенческих отклонений. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что молодые женщины, склонные к самоповреждающему поведению, чаще, чем респонденты контрольной группы, испытывают интенсивные эмоции стыда и вины, выбирают неадаптивные способы эмоциональной регуляции, им свойственна аутоагрессия. В обеих группах респондентов, склонных к самоповреждению, переживание стыда и вины тесно связано с неадаптивными способами эмоционального регулирования, дисфункциональными чертами личности и направленностью агрессии на себя.

Ключевые слова

эмоции стыда и вины, самоповреждающее поведение, дисфункциональные черты личности, аутоагрессия

Для цитирования: Горбатов, С. В., Арбузова, Е. Н., Тураносова, В. В. (2025). Особенности переживания вины и стыда у лиц с саморазрушающим поведением. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 414–432.

Original paper

Features of experiencing guilt and shame in individuals with self-destructive behavior

Sergey V. Gorbatov

Regional Forensic Center
(Saint Petersburg, Russia)
s.gorbatov@bk.ru

ORCID: 0000-0003-3842-9956

Elena N. Arbuzova

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
e.arbuzova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1643-0529

Vera V. Turanosova

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
v.turanosova@spbu.ru

ORCID: 0009-0007-0925-118X

Abstract

Introduction. The article reveals the role of shame and guilt in regulating the behaviour of individuals who demonstrate a tendency towards self-harm. **Research methods.** In order to solve these tasks, the authors used methods such as the Guilt Questionnaire by K. Kugler and W. H. Jones, the Feelings and Emotions Questionnaire (PFQ2), the Emotion Regulation Scale (DERS-16), the brief version of the Personality Disorder Inventory for DSM-5 (PID-5-BF), and the Auto- and Heteropression Questionnaire (E. P. Ilyin). **Results.** The authors present the results of a comparative empirical study of young women (average age 22.5 years) in three groups with a total of 139 participants: a group of individuals engaging in non-suicidal self-harm, a group of individuals suffering from eating disorders (EAD) (prone to modifying their bodies through fasting and following special diets), and a control group of young women with no behavioural abnormalities. The results of the study lead to the conclusion that young women prone to self-harming behaviour experience intense feelings of shame and guilt more often than respondents in the control group, choose maladaptive methods of emotional regulation, and are prone to autoaggression. In both groups of respondents prone to self-harm, feelings of shame and guilt are closely linked to maladaptive methods of emotional regulation, dysfunctional personality traits, and self-directed aggression.

Keywords

emotions of shame and guilt, self-harming behavior, dysfunctional personality traits, autoaggression

For citation: Gorbatov, S. V., Arbuzova, E. N., Turanosova, V. V. (2025). Features of experiencing guilt and shame in individuals with self-destructive behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 414–432.

Введение

Среди явлений, часто сопутствующих психическому неблагополучию, выраженному в виде саморазрушающего поведения, исследователи называют нарушения эмоциональной регуляции, указывая в том числе на негативную роль, которую в процессе управления поведением играют отдельные эмоции или их комплексы (Падун, 2015; Лебединский и др., 1990; Акопян, 2019; Леженина, 2021; Пырьев, Очеретина, 2020; Антохина, Антохин, 2021). Связь эмоций, чаще негативных, с различными психопатологическими состояниями отмечается с зарождения научной психологии и психиатрии в работах Э. Клапареда, П. Жане, С. Корсакова, Э. Крепелина и др. Тем не менее гипотеза о разрушительной функции эмоций не получила обоснованного подтверждения (Ильин, 2001). Отдельного внимания заслуживает анализ многочисленных клинических наблюдений, которые обнаруживают связь саморазрушения с переживанием страха, горя, гнева и других эмоций, имеющих глубокие филогенетические корни и не требующих работы самосознания. В то же время саморазрушение развивается в пространстве социального взаимодействия и в координатах моральных ориентиров личности, требующих осознания самого себя в отношениях к другим людям и к миру в целом. Мораль в этом смысле приобретает важную психологическую функцию контроля и регуляции социального поведения. В связи с этим актуальным представляется изучение того, какую роль в формировании саморазрушения выполняют такие моральные эмоции, как стыд и вина.

Традиционно стыд и вина рассматриваются как эмоциональные производные важного нравственного качества личности – совести. Одной из главных функций и стыда, и вины является регулирование поведения в целях поддержания и следования социальным нормам. Есть разные представления о сущности этих эмоций. На бытовом уровне эти эмоции плохо различимы. Так, Дж. Р. Дэвиц (Davitz, 1969) в свое время обратил внимание на то, что для описания этих двух эмоций используются одни и те же фразы и выражения. Д. Натансон (Nathanson, 1992) считает, что стыд лежит в основе вины. Близка к этому идея об их эволюционной преемственности при переходе контроля над поведением из внешнего плана во внутренний: страх → стыд → вина → совесть (Горнаева, 2012). В настоящее время большинство исследователей вслед за Хелен Б. Льюис (Lewis, 1971) считают, что эти эмоции имеют концептуальные различия. Есть несколько аспектов отличия вины от стыда. Например, чаще упоминается, что стыд имеет внешний локус, ориентированный на реальную или мнимую оценку субъекта окружающими, а вина имеет внутренний локус, сосредоточенный на нравственной самооценке поведения. Стыд переживается более остро и сопровождается реакцией отстранения, бегством, стремлением немедленного выхода из неприятной ситуации или агрессией по отношению к фрустратору. Вина, напротив, стимулирует примирительное поведение, потребность в раскаянии, исправлении ошибки, возмещении нанесенного ущерба. Стыд и вина по-разному влияют на оценку себя и оценку своих действий. Как утверждает Р. Т. Поттер-Эфрон (Поттер-Эфрон, 2002), стыд затрагивает центральную идентичность, целостную самость. В противоположность этому вина относится к специфическому актуальному или планируемому поведению. Различие в ориентации на самого себя или поведении приводит к совершенно разным когнитивным, мотивационным и аффективным характеристикам переживания этих эмоций. Роль вины и стыда в управлении поведением описывается противоречиво, часть работ подчеркивает их конструктивную роль: вина и стыд помогают снижать тревогу и избегать серьезных психических расстройств, способствуют адаптации в обществе (Алимов, 2013; Смотрова, Чаплыгина, 2018; Фурманов, 2021). Другие работы отмечают деструктивную сторону: вина и стыд являются почвой для возникновения депрессии, играют ключевую роль в возникновении психопатологических симптомов, оказывают искажающее воздействие на социальную перцепцию, нарушают социальную адаптацию человека, препят-

ствуют межличностным контактам (Макогон, Ениколопов, 2015; Васильева, Короткова, 2004). Некоторые иностранные авторы (Harder et al., 1984; Kaplan, 1975; Lewis, 1971; Harder, Rockart, & Cutler, 1993) считают, что склонность к переживанию стыда и вины играет важную роль в формировании отдельных симптомов и поддержании различного рода клинических расстройств в целом, причем переживание стыда ведет к более серьезным последствиям, например, стыд значительно больше, чем вина, способствует появлению депрессивной симптоматики (Kim, Thibodeau, & Jorgensen, 2011). Заметим, что не только излишняя загруженность стыдом и виной, но и их очевидный недостаток обуславливают расстройство психической деятельности, например при аномалиях личности. Так, диссоциальное (антисоциальное) расстройство личности (DSM-5) среди прочего характеризуется отсутствием у таких лиц проявлений совести, вины и стыда (Хаэр, 2021).

Многие исследователи на основании клинического опыта приходили к выводу, что саморазрушающее поведение тесно связано с переживанием эмоций стыда и вины, например Дж. Бехлер (Baechler, 1979). У. Бриид (Breed, 1972) рассматривал стыд как один из пяти основных компонентов суицидального синдрома, наряду с приверженностью определенным действиям, жизненными неудачами, жесткими моделями мышления и социальной изоляцией. В соответствии с межличностной теорией самоубийства Т. Джойнера (Van Orden et al., 2010) переживание стыда, сопровождающее чувство брошенности и восприятие себя обузой, усиливает вероятность завершеного суицида. Э. Шнейдман писал, что самоубийцы, как правило, попадают в один из пяти кластеров психологических потребностей, которые отражают различные виды психологической боли. Один из кластеров – это «оскорбленное самовосприятие и избегание стыда, поражения, унижения и немилости, связанные с фрустрированными потребностями в привязанности, защите и избегании стыда» (Shneidman, 1996, p. 25).

Изучение предсмертных записок лиц, совершивших попытку самоубийства, и лиц, завершивших суицид (Brevard, Lester, & Yang, 1990), показало, что в текстах последних чаще встречались мотивы самообвинения. Похожее исследование в виде психологической аутопсии, проведенное Т. Фостер (Foster, 2003), позволило обнаружить, что наиболее распространенными темами предсмертных записок (в 74 %) были «извинения / стыд». Анализируя риторические стратегии предсмертных записок, Б. А. Месснер и Дж. Бакроп (Messner & Buckrop, 2000) с помощью метода, разработанного теоретиком литературы К. Берком, обнаружили, что люди, совершившие самоубийство, воспринимали свою жизнь как наполненную хаосом и болью, испытывая из-за этого стыд и вину. Анализ текстов предсмертных записок показал, что самоубийство рассматривается их авторами как средство, с помощью которого можно избавиться от тягостных переживаний стыда и вины и восстановить таким образом потерянный «контроль» и «порядок».

Дж. П. Тангней и Р. Л. Диринг (Tangney & Dearing 2002), анализируя результаты семейных опросов, сообщили о предварительных выводах, указывающих на то, что склонность к стыду у подростков является предиктором повышенного риска попыток самоубийства и злоупотребления психоактивными веществами. Ф. Оливье, А. Субеле и др. (Ollivier et al., 2022) провели тематический обзор исследований, посвященных склонности к суициду у тех, кто пережил травмирующие события, и тех, у кого было диагностировано посттравматическое стрессовое расстройство. Авторы пришли к выводу, что у этой категории пациентов переживания стыда и вины были вовлечены во все аспекты суицидальности. На основании эмпирического исследования лиц юношеского возраста Е. Н. Кочнова и др. считают, что выраженные переживания стыда тела у юношей и девушек могут использоваться в качестве «индикаторно-прогностического признака повышенного аутоагрессивного риска» (Кочнова и др., 2023). Исследования М. Викландер и др. (Wiklander et al., 2012) показывают, что склонность к стыду в разных

группах суицидальных лиц по-разному связана с попытками самоубийства. Наиболее значимая взаимосвязь переживания стыда с попытками самоубийства оказалась среди женщин, страдающих пограничным расстройством личности. Эти данные соответствуют мнению клиницистов о том, что при пограничном расстройстве личности стыд является эмоцией, тесно связанной с хронической суицидальностью, самоповреждающим поведением, гневом и импульсивностью (Lieb et al., 2004). Было даже высказано предположение (Crowe, 2004) о том, что пограничное расстройство личности может быть хронической реакцией стыда.

Не менее важную роль переживание стыда и вины играет в патогенезе такой формы саморазрушения, как самоповреждающее поведение. В расширенном понимании (Зайченко, 2009) сюда относят нанесение физического вреда своему телу путем самопорезов, самоизбиений и пр., не имеющих целью прекращение жизни (прежде всего НССП – несуйцидальное самоповреждающее поведение), а также причинение себе вреда посредством нарушений пищевого поведения. Известный исследователь НССП Мэтью К. Нок (Nock, 2009) считает, что ключевыми для понимания самоповреждения являются механизмы, связанные с воздействием и регулированием эмоциональных реакций; одной из частых причин самоповреждения пациенты называют преодоление тяжело переживаемых эмоций (Taylor et al., 2018). Как считает Э. Д. Клонский (Klonsky, 2009), особенно важными для понимания причин самоповреждения являются эмоции вины и стыда. Самоповреждающее поведение подростков и детей, по мнению Л. Х. Глассман, М. Р. Вейрих и др. (Glassman et al., 2007), часто возникает как реакция на сильное чувство стыда из-за убежденности в несправедливости примененного к ним наказания. Р.-Дж. Миллиган и Б. Эндрюс (Milligan & Andrews, 2005), изучая причины саморазрушающего поведения женщин-правонарушительниц, находящихся в заключении, по результатам эмпирического исследования обнаруживают связь между самоповреждениями, пережитым ими в детстве сексуальным насилием и телесным стыдом. Дж. Дагган, Н. Хит и Т. Ху (Duggan, Heath, & Hu, 2015), проведя *лонгитюдное* исследование подростков, практикующих несуйцидальное самоповреждение, констатировали у них более высокие показатели стыда за свое тело и проблемы эмоциональной регуляции, чем у их сверстников из контрольной группы.

С. Э. Бахтелле и К. М. Пеппер (Bachtelle & Pepper, 2015), обследуя студентов колледжа, ранее практиковавших самоповреждение, обнаружили, что высокие уровни стыда из-за появившихся шрамов создают у них высокую вероятность повторения самоповреждений, отворачивания к себе и склонность к самонаказанию.

М. Шенлебер и Х. Беренбаум (Schoenleber & Berenbaum, 2012) предполагают, что несуйцидальное самоповреждение является дезадаптивной стратегией управления и регуляции стыда, прежде всего при патологии личности, что согласуется со склонностью к саморазрушительной активности, например у лиц, страдающих пограничным расстройством личности.

Разницу влияния стыда и вины на несуйцидальное самоповреждающее поведение у студентов колледжа обнаруживают С. Вандерхей, Дж. Рожан, Дж. Стюиг, П. Э. Макнайт (VanDerhei et al., 2014). По результатам эмпирического исследования авторы приходят к выводу, что стыд является релевантным фактором риска самоповреждения как для его первоначального возникновения, так и в плане увеличения частоты его повторений, в то время как переживание вины демонстрировало отрицательную связь с самоповреждающим поведением во всех его аспектах. Последнее позволило ученым сделать вывод о стыде как о провоцирующем факторе самоповреждения, а о вине – как о защитном и адаптивном факторе. Авторы систематического обзора работ, посвященных изучению взаимосвязи между стыдом, виной и самоповреждением, К. Шихи, А. Нурин, А. Халик, К. Дхингра и др. (Sheehy et al., 2019), обобщая результаты ряда исследований, приходят к выводу, что стыд положительно связан как с суицидальным поведением, так и с самоповреждениями, в то время как в отношении связи между чувством

вины и самоповреждениями в большинстве работ были получены неоднозначные результаты. Отечественные исследователи О. Б. Левковская, Ю. С. Шевченко, Л. Ю. Данилова, В. В. Грачев (Левковская и др., 2017) видят в этих эмоциях и терапевтический потенциал, так как среди мотивов к прекращению самоповреждения у наблюдаемых ими пациентов были выражены чувство стыда за шрамы на теле и стыд и вина перед близкими за причиненную им душевную боль.

Несмотря на ценность информации, содержащейся в указанных источниках, для понимания роли эмоций вины и стыда в саморазрушающем поведении ее явно недостаточно. Если взаимосвязь стыда с аутоагрессией получила в большинстве исследований подтверждение, то роль вины в этом плане остается неопределенной. Не ясен психологический механизм того, за счет каких стратегий управления и регуляции эмоции стыда и вины обнаруживают себя в саморазрушающем поведении. Во многих источниках указывается на связь переживаний стыда и вины у лиц, склонных к саморазрушению, с таким патологическим состоянием, как расстройство личности, однако сведений о взаимосвязи этих эмоций с выраженностью тех или иных дисфункциональных личностных черт нет.

Методы исследования

Для восполнения описанных выше пробелов нами было проведено сравнительное эмпирическое исследование переживания эмоций вины и стыда у молодых женщин с саморазрушающим поведением и женщин, не имеющих поведенческих отклонений. Исследование проходило в трех группах молодых женщин в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст – 22,5): практикующих самоповреждение (52 человека), страдающих от расстройства пищевого поведения (43 человека), в том числе с нервной анорексией (38 человек) и булимическими расстройствами на фоне анорексии (5 человек), а также в контрольной группе здоровых лиц (44 человека). Всего в исследовании участвовали 139 человек.

Обследование респондентов с саморазрушающим поведением, часть которых находилась под диспансерным наблюдением, а другая часть получала медицинскую помощь в стационарах, проходило в двух режимах: очно и в режиме онлайн посредством заполнения гугл-форм выбранных опросников. Взаимодействие с контрольной выборкой (в основном это были учащиеся вузов старших курсов и участницы групп социальных сетей, посвященных спорту и отдыху) проходило в онлайн-режиме путем заполнения гугл-форм.

Для подтверждения предположения о том, что переживание вины и стыда играет существенную роль в формировании саморазрушающего поведения, т. е. нарушает естественный ход психической деятельности, способствуя появлению аутоагрессии, а также что вина и стыд связаны с неконструктивными стратегиями эмоционального регулирования и дисфункциональными чертами личности, использовались следующие методы исследования:

1. «Опросник вины» К. Куглера, У. Х. Джонса (адаптация И. А. Белик) (Ильин, 2017).
2. «Опросник чувств и эмоций» (PFQ2), предназначенный для измерения склонности к стыду и чувству вины. Содержит субшкалы стыда и вины, α -Кронбаха соответственно 0,81 и 0,87. Перевод и пилотажная адаптация авторов. Вина и стыд в этом опроснике представлены как эмоциональные состояния.
3. Шкала регуляции эмоций (DERS-16) (адаптация Е. М. Абрамович) (Горбатов, Арбузова, Абрамович, 2021).
4. Краткая версия опросника личностных расстройств для DSM-5 (PID-5-BF) (адаптация Г. В. Кустова и др.) (Кустов и др., 2022).
5. Опросник «Ауто- и гетероагрессия» (автор Е. П. Ильин)¹.

¹ Ильин, Е. П. (2001). *Эмоции и чувства*: учебное пособие. ООО Издательство «Питер».

Анализ результатов исследования

Статистический анализ полученных данных проводился с помощью программы STATISTICA 12.0. Гипотеза о нормальном распределении переменных была подтверждена с помощью критерия Колмогорова–Смирнова.

Сравнительный анализ средних проводился с помощью t-критерия Стьюдента, а структурный анализ — на основе корреляции Пирсона.

На первом этапе проводился сравнительный анализ показателей стыда и вины в трех группах респондентов (таблица 1).

Таблица 1. Опросник чувств и эмоций (PFQ2)

Table 1. Feelings and Emotions Questionnaire (PFQ2)

Шкалы	НССП	РПП	Контрольная группа
Стыд	18,6	19,3	14,8
Вина	12,5	10,5	10,2

По результатам сравнения респонденты, страдающие расстройством пищевого поведения ($p \leq 0,004$) и практикующие несуицидальное самоповреждение ($p \leq 0,01$), чаще, чем респонденты контрольной группы, испытывают стыд. По шкале «Вина» значимо больше, чем в контрольной группе, вину испытывали женщины, практикующие самоповреждение ($p \leq 0,021$).

Далее приведены результаты сравнительного анализа показателей вины как состояния и черты личности, а также показателя приверженности моральным нормам (таблица 2).

Сравнение средних показателей между группами респондентов по опроснику К. Куглера показывает, что респонденты с НССП демонстрируют более высокие баллы по всем трем субшкалам опросника, чем респонденты контрольной группы: вина–состояние ($p \leq 0,019$), вина–черта ($p \leq 0,004$), моральные нормы ($p \leq 0,03$). В группе РПП значимо больше выражена вина–состояние ($p \leq 0,006$), а показатель приверженности моральным нормам значительно превосходит результаты в контрольной группы ($p \leq 0,00001$).

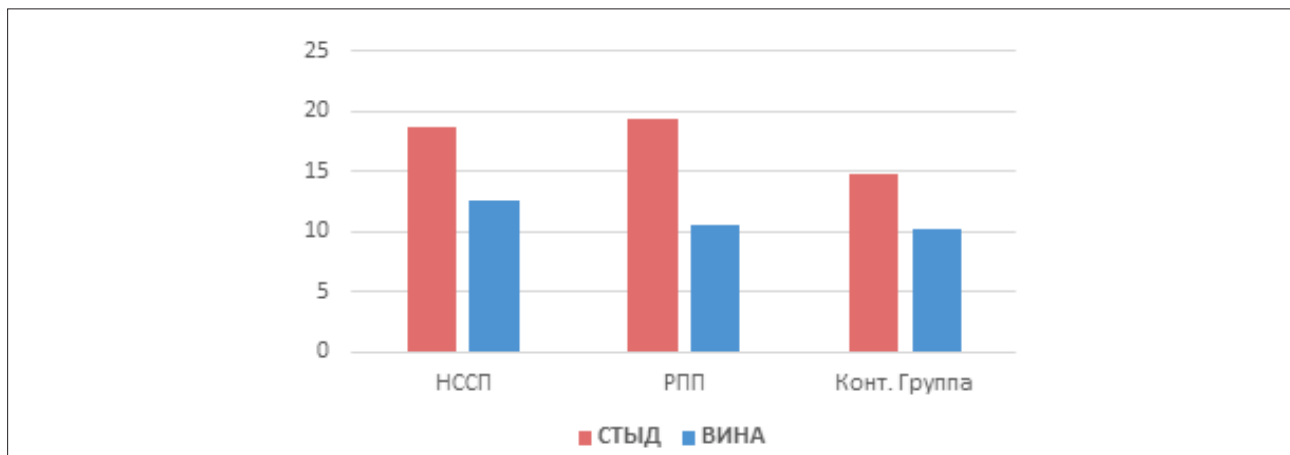

Рис. 1. Выраженность показателей стыда и вины PFQ2

Fig. 1. Expressiveness of PFQ2 shame and guilt indicators

Таблица 2. Опросник вины К. Куглера, У.Х. Джонса (показатели в %)

Table 2. K. Kugler and W.H. Jones Guilt Questionnaire (indicators in %)

Шкалы	НССП	РПП	Контрольная группа
Вина-состояние	58,6	61,2	48,8
Вина-черта	64,1	49,4	53,3
Моральные нормы	57,47	84,67	53,73

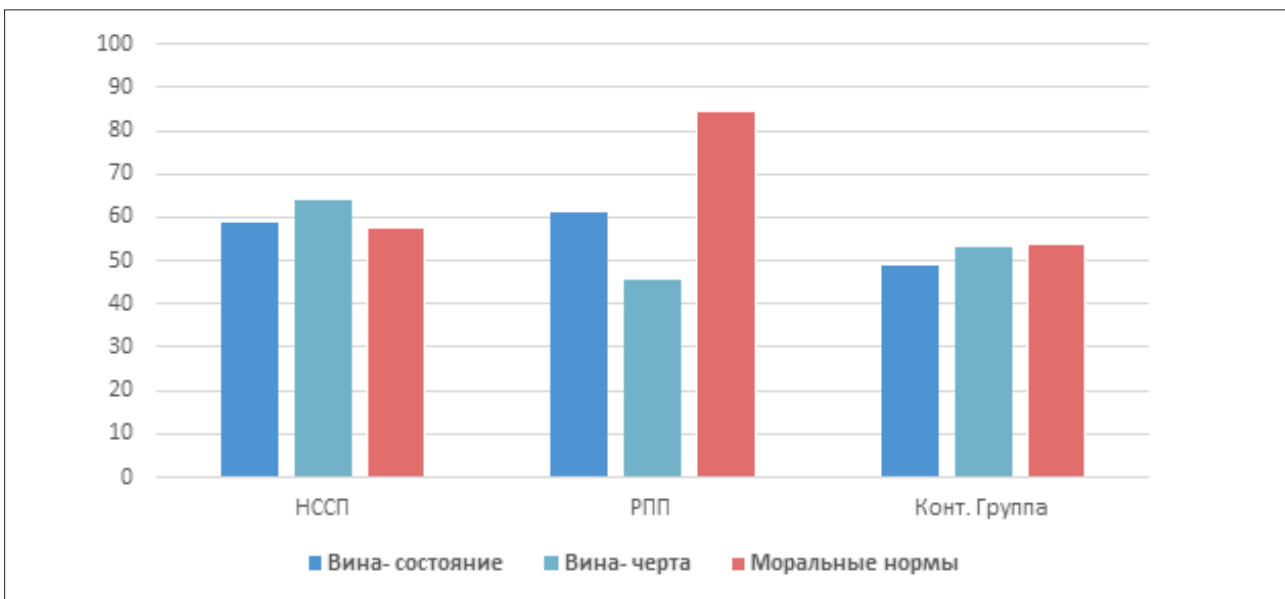

Рис. 2 Показатели вины, методика К. Куглера

Fig. 2 Guilt indicators according to K. Kugler's methodology

На следующем этапе проводился сравнительный анализ результатов по методике DERS-16 (таблица 3).

Таблица 3. Опросники DERS-16 и «Ауто-гетероагрессия»

Table 3. DERS-16 and "Auto-heteroaggression" questionnaires

Методики	Шкалы	Контрольная группа	НССП	РПП
DERS-16	ясность	5,6	6,8	7,2
	стратегии	13,3	16,3	15,9
	импульсивность	6,7	7,1	8,6
	непринятие	8,2	9,8	9,5
Е. П. Ильина	аутоагрессия	3,9	5,8	5,6

Таблица 4. Взаимосвязи показателей шкалы «Стыда» (PFQ2) у респондентов с НССП и РПП

Table 4. Correlations between the “Shame” scale (PFQ2) scores of respondents with NSSI and Eds

Методика	Шкалы методик	Группа НССП	Группа РПП
PID-5-BF	Негативный аффект		
	Отчуждение		0,44**
	Антагонизм		
	Расторможенность/дезингибиция	0,41**	
	Психотизм		
Опросник вины К.Куглера	Вина-состояние	0,51**	0,66**
	Вина-черта	-0,31*	
	Моральные нормы	0,68**	0,67**
DERS-16	Ясность	0,54**	0,48**
	Стратегии	0,56**	0,52**
	Цели	0,47**	0,49**
	Импульс	0,53**	0,57**
	Непринятие	0,41**	0,44**
Ауто- и гетероагрессии	Аутоагрессия	0,39**	0,39**
	Гетероагрессия		

Значимые корреляционные связи на уровне ** - 0,01 и * - 0,05

Анализ результатов обследования с помощью методики DERS-16 позволяет утверждать о неадаптивных способах реагирования на эмоциональный дистресс лиц с саморазрушающим поведением, в частности:

- по шкале «отсутствие эмоциональной ясности» значимо высокие результаты демонстрируют страдающие РПП ($p \leq 0,0008$);
- по шкале «ограниченный доступ к стратегиям регулирования эмоций» высокие баллы наблюдаются как у респондентов НССП ($p \leq 0,009$), так и у страдающих РПП ($p \leq 0,034$);
- по шкале «трудности импульсивного контроля» более высокие баллы у лиц с РПП ($p \leq 0,02$);
- по шкале «непринятие собственных эмоциональных реакций» высокие баллы у респондентов НССП ($p \leq 0,03$).

Результаты обследования с помощью опросника «Ауто- и гетероагрессия» показывают, что и респонденты с НССП ($p \leq 0,002$), и респонденты, страдающие РПП ($p \leq 0,01$), имеют высокие значения направленности агрессии на себя.

Анализ структуры корреляционных взаимосвязей в группах респондентов выявил, что стыд и вина обнаруживают тесные взаимосвязи с показателями дисфункциональных черт личности, стратегиями эмоциональной регуляции и характером направленности агрессии (таблица 4).

Далее представлены взаимосвязи показателей методики PFQ2 (таблица 5).

Как видно из таблицы 4, переживание стыда у респондентов с НССП связано с выраженностью таких дисфункциональных черт личности, как дезингибиция, т. е. склонность

Таблица 5. Взаимосвязи показателей шкалы «Вина» (PFQ2) у респондентов с НССП и РПП

Table 5. Correlations between indicators on the "Guilt" scale (PFQ2) scores of respondents with NSSI and Eds

Методика	Шкалы методик	Группа НССП	Группа РПП
PID-5-BF	Негативный аффект		
	Отчуждение		
	Антагонизм		
	Расторможенность/дезингибиция	0,43**	0,38**
	Психотизм	0,35*	
Опросник вины К. Куглера	Вина-состояние	0,62**	0,69**
	Вина-черта		
	Моральные нормы	0,79**	0,84**
DERS-16	Ясность	0,53**	0,53**
	Стратегии	0,51**	0,47**
	Цели	0,35*	0,49**
	Импульс	0,44**	0,58**
	Непринятие	0,47**	0,47**
Ауто- и гетероагрессии	Аутоагрессия	0,51**	0,40**
	Гетероагрессия	-0,33*	

Значимые корреляционные связи на уровне ** - 0,01 и * - 0,05

к расторможенному импульсивному поведению, направленному на немедленное удовлетворение возникающих потребностей, а у лиц, страдающих РПП, стыд взаимосвязан с отчуждением, т. е. бегством от социального взаимодействия и подавлением эмоциональных переживаний.

Стыд у респондентов в двух группах с саморазрушающим поведением связан с актуальным переживанием чувства вины и приверженностью моральным нормам. В группе практикующих самоповреждение переживание стыда показывает слабую обратную связь с виной как устойчивой чертой личности. В обеих группах стыд положительно связан с неадаптивными способами эмоционального регулирования и направленностью агрессии на самого себя.

В группах склонных к саморазрушению переживание вины демонстрирует сходную со стыдом структуру корреляционных взаимосвязей (таблица 5), с дополнительным появлением у проявляющих склонность к самоповреждению слабых связей с некоторыми личностными чертами, такими как психотизм, т. е. склонность вести себя необычно, неадекватно и эксцентрично, и слабым снижением интенсивности агрессивных реакций, направленных на внешнее окружение.

Заключение

В целом результаты исследования позволяют утверждать, что молодые женщины, склонные к саморазрушающему поведению, значительно чаще испытывают эмоции стыда и чуть

менее интенсивно – вины, что еще раз подтверждает тенденцию, обнаруженную большинством зарубежных и отечественных авторов. Интересным представляется демонстрация этими респондентами выраженной приверженности моральным нормам, особенно у страдающих РПП. Последнее, на наш взгляд, может быть обусловлено особой значимостью для этих респондентов моральных норм, усвоенных в раннем детстве под влиянием запретов и ограничений со стороны родителей, что, в частности, влияет и на формирование ограничительного поведения в еде. Эти респонденты показывают ожидаемо высокие баллы агрессии, направленной на себя, а также более высокие показатели нарушения отдельных стратегий эмоциональной регуляции.

Важно, что интенсивность переживаний стыда и вины взимообусловлены патологическими дисфункциональными чертами личности, в частности, склонностью демонстрировать расторможенность (дезингибицию), а в случае переживания стыда лицами с РПП – отчуждение. Несмотря на предположение отдельных авторов об адаптивной роли эмоций вины, во всех группах респондентов вина, как и стыд, показывает тесную связь с аутоагрессией. Однако следует отметить существование некоторых слабовыраженных тенденций, которые могут указывать в пользу такого рода представлений. Так, обратная взаимосвязь у лиц с НССП переживания стыда с виной как чертой личности позволяет предполагать, что черта характера в виде предрасположенности испытывать вину может снижать у этих личностей интенсивность последствий переживания стыда. В то же время следует отметить, что у лиц с НССП актуальное переживание вины как состояния положительно взаимосвязано с переживанием стыда. Такая двойственность согласуется с результатами исследования И. А. Белик (Белик, 2006), которая, с одной стороны, находит существенные различия между виной и стыдом, с другой стороны, пишет, что между виной и стыдом имеется невысокая положительная корреляция. Можно предположить, что вина как состояние и как черта личности играют разные роли в регуляции поведения. В группе респондентов с НССП переживание вины снижает интенсивность внешнеагрессивных реакций, что условно может рассматриваться как адаптивная тенденция, но в то же время увеличивает направленность агрессивных реакций на себя, что согласуется с традиционным представлением о распределении направления агрессии при переживании негативных эмоций у лиц, склонных к саморазрушению.

Отметим, что результаты, полученные в нашем исследовании, имеют ограничения в связи с невысокой численностью групп респондентов и трудностями в дифференциации лиц с патологическими проявлениями, которые могут быть патогенетически связаны между собой, на что указывают, например, А. Фаваро, А. П. Сантонастасо (Favaro & Santonastaso, 2000). Т. Пол и др. (Paul et al., 2002). Вместе с тем полученные результаты обладают определенным практическим потенциалом и обнаруживают перспективу изучения роли социальных эмоций в формировании саморазрушающегося поведения, в том числе суицидального. Особое внимание в этом отношении следует уделить пациентам с выраженными дисфункциональными чертами личности, сочетающим интенсивное переживание вины / стыда с нарушениями в сфере эмоциональной регуляции поведения.

Список литературы

- Акопян, Л. С. (2019). Эмоциональные состояния как детерминанты суицидального поведения подростков. *Поволжский педагогический вестник*, 7 (1 (22)), 24–28.
- Алимов, А. А. (2013). Феномены стыда и вины как регуляторы социального поведения индивида в изменяющемся обществе. В *Современные проблемы и перспективы развития педагогики психологии: сборник материалов 2-й международной научно-практической конференции* (Махачкала, 30 сентября 2013 г., стр. 109–111). Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация».

- Антохина, Р. И., Антохин, Е. Ю. (2021). Эмоциональные схемы у подростков с суицидальными попытками. *Психиатрия и психофармакотерапия*, 23 (1), 16–19.
- Баженова, Л. В., Гаращук, С. С. (2021). Роль чувств вины и стыда в развитии нарушений пищевого поведения (в контексте кризиса среднего возраста). *Наукосфера*, 3-1, 79–83.
- Белик, И. А. (2006). *Чувство вины в связи с особенностями развития личности*: автореф. дис. ... канд. наук. Санкт-Петербург.
- Васильева, О. С., Короткова, Е. (2004). Особенности переживания вины в современном обществе. *Консультативная психология и психотерапия*, 12 (1), 48–73.
- Горбатов, С. В., Арбузова, Е. Н., Абрамович, Е. М. (2021). Регуляция поведения у молодых женщин, практикующих самоповреждение. В *Ананьевские чтения – 2021: материалы международной научной конференции* (Санкт-Петербург, 19–22 октября 2021 г., стр. 875–876). Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт».
- Горнаева, С. В. (2012). Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности. *Мир науки, культуры, образования*, 2 (33), 47–49.
- Зайченко, А. А. (2009). Самоповреждающее поведение. В Е. В. Буренкова (ред.), *Психология телесности: теоретические и практические исследования*: сборник статей (стр. 191–195). PsyJournals.ru.
- Ильин, Е. П. (2017). *Психология совести: вина, стыд, раскаяние*. Санкт-Петербург: ООО Издательство «Питер».
- Кочнова, Е. Н., Меринов, А. В., Володин, Б. Ю., Новиков, В. В. (2023). Аутоагрессивные характеристики юношей и девушек, испытывающих отчётливые переживания стыда собственного тела. *Суицидология*, 14 (1 (50)), 101–114. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01 (50)-101-114)
- Кустов, Г. В., Зинчук, М. С., Пашнин, Е. В., Войнова, Н. И., Попова, С. Б. и др. (2022). Изучение психометрических характеристик русскоязычной версии опросника PID-5-BF. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19 (3), 521–542.
- Лебединский, В. В., Никольская, О. Г., Баенская, Е. Р., Либлинг, М. М. (1990). *Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция*. Москва: Издательство МГУ.
- Левковская, О. Б., Шевченко, Ю. С., Данилова, Л. Ю., Грачев, В. В. (2017). Феноменологический анализ несуицидальных самоповреждений у подростков. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 117 (7), 10–15. <https://doi.org/10.17116/jnevro201711177110-15>
- Леженина, Т. И. (2021). Особенности эмоциональной сферы склонных к суициду подростков. В В. А. Липатов (ред), *Научная инициатива в психологии: межвузовский сборник научных трудов студентов и молодых ученых* (стр. 108–112). Курск: Курский государственный медицинский университет.
- Макогон, И. К., Ениколопов, С. Н. (2015). Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E. & Gramzow R. H. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 8 (1), 6–21.
- Падун, М. А. (2015). Регуляция эмоций и ее нарушения. *Психологические исследования*, 8 (39), <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.572>
- Поттер-Эфрон, Р. Т. (2002). *Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика*. Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Пырьев, Е. А. Очеретина, Ю. А. (2020). Эмоциональные мотивы суицидального поведения подростков. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 4, 596–609.

- Самсонова, Г. О., Языкова, Т. А., Агасаров, Л. Г. (2018). Психологические аспекты алиментарного ожирения (обзор литературы). *Вестник новых медицинских технологий*, 12 (3), 133–139. <https://doi.org/10.24411/2075-4094-2018-16027>
- Смотрова, Т. Н., Чаплыгина, А. А. (2018). Вина и стыд как регуляторы социального поведения. В Л. В. Кашицына (ред.), *Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры: сборник научных статей факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности* (стр. 224–230). Саратов: Издательство «Саратовский источник».
- Сычева, Т. Ю., Султанова, А. Н., Слугин, А. В., Кустова, Е. А. (2020). Клинико-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения. В М. Г. Чухрова (ред.), *Безопасность человека в экстремальных климато-экологических и социальных условиях: материалы XI международной научно-практической конференции* (Новосибирск, 05–08 мая 2020 г., стр. 159–165). Новосибирск: Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы.
- Фурманов, И. А. (2021). Стыд и вина как моральные регуляторы агрессивного поведения. В *Психологический Вадетесит: социализация личности в условиях неопределенности: региональный аспект: сборник научных статей* (стр. 30–33). Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова.
- Хаэр, Р. (2021). *Лишенные совести. Пугающий мир психопатов*. Москва: Издательство «Вильямс».
- Bachtelle, S. E., & Pepper, C. M. (2015). The Physical Results of Nonsuicidal Self-Injury: The Meaning Behind the Scars. *J Nerv Ment Dis*, 203 (12), 927–933. <https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000398>
- Baechler, J. (1979). *Suicides*. New York, NY: Basic Books.
- Berghold, K. M., & Lock, J. (2002). Assessing guilt in adolescents with anorexia nervosa. *Am J Psychother*, 56 (3), 378–390. <https://doi.org/10.1176/appi.psychotherapy.2002.56.3.378>
- Blythin, S. P. M., Nicholson, H. L., Macintyre, V. G., Dickson, J. M., Fox, J. R. E., & Taylor, P. J. (2020). Experiences of shame and guilt in anorexia and bulimia nervosa: A systematic review. *Psychol Psychother*, 93 (1), 134–159. <https://doi.org/10.1111/papt.12198>
- Breed, W. (1972). *Five Components of a Basic Suicide Syndrome*. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2 (1), 3–18. <https://doi.org/10.1111/j.1943-278X.1972.tb00451.x>
- Brevard, A., Lester, D., & Yang, B. J. (1990). A comparison of suicide notes written by suicide completers and suicide attempters. *Crisis*, 11 (1), 7–11.
- Burney, J., & Irwin, H. J. (2000). Shame and guilt in women with eating-disorder symptomatology. *J. Clin. Psychol*, 56 (1), 51–61. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4679\(200001\)56<51::Aid-Clin-Psych56>3.0.Co;2-3](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4679(200001)56<51::Aid-Clin-Psych56>3.0.Co;2-3)
- Cardi, V., Di Matteo, R., Gilbert, P., & Treasure, J. (2014). Rank perception and self-evaluation in eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 47 (5), 543–552. <https://doi.org/10.1002/eat.22261>
- Cavalera, C., Pagnini, F., Zurloni, V., Diana, B., & Realdon et al. (2016). Shame proneness and eating disorders: a comparison between clinical and non-clinical samples. *Eat Weight Disord*, 21 (4), 701–707. <https://doi.org/10.1007/s40519-016-0328-y>
- Crowe, M. (2004). Never good enough, part 1: shame or borderline personality disorder? *J. Psychiatr. Ment. Health Nurs*, 11 (3), 327–334.
- Davitz, J. R. (1969). *The language of emotion*. New York: Academic Press.
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™, 5th ed.* (2013). <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Doran, J., & Lewis, C. A. (2012). Components of shame and eating disturbance among clinical and non-clinical populations. *Eur Eat Disord Rev.*, 20 (4), 265–270. <https://doi.org/10.1002/erv.1142>

- Duggan, J., Heath, N., & Hu, T. (2015). Non-suicidal self-injury maintenance and cessation among adolescents: a one-year longitudinal investigation of the role of objectified body consciousness, depression and emotion dysregulation. *Child Adolesc Psychiatry Ment. Health*, 9 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1186/s13034-015-0052-9>
- Favaro, A., & Santonastaso, P. (2000). Self-injurious behavior in anorexia nervosa. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 188 (8), 537–542. <https://doi.org/10.1097/00005053-200008000-00010>
- Foster, T. (2003). Suicide note themes and suicide prevention. *Int J Psychiatry Med*, 33 (4), 323–331. <https://doi.org/10.2190/T210-E2V5-A5M0-QLJU>
- Glassman, L. H., Weierich, M. R., Hooley, J. M., Deliberto, T. L., & Nock, M. K. (2007). Child maltreatment, non-suicidal self-injury, and the mediating role of self-criticism. *Behaviour Research and Therapy*, 45 (10), 2483–2490. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2007.04.002>
- Harder, D. W., Rockart, L., & Cutler, L. (1993). Additional validity evidence for the Harder Personal Feelings Questionnaire-2 (PFQ2): a measure of shame and guilt proneness. *J. Clin. Psychol.*, 49 (3), 345–348.
- Harder, D. W., Strauss, J. S., Kokes, R. F., & Ritzler, B. A. (1984). Self-derogation and psychopathology. *Genetic Psychology Monographs*, 109 (2D Half), 223–249.
- Kaplan, H. B. (1975). Increase in self-rejection as an antecedent of deviant responses. *Journal of Youth and Adolescence*, 4, 281–292. <https://doi.org/10.1007/BF01537168>
- Kim, S., Thibodeau, R., & Jorgensen, R. S. (2011). Shame, guilt, and depressive symptoms: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 137 (1), 68–96. <https://doi.org/10.1037/a0021466>
- Klonsky, E. D. (2009). The functions of self-injury in young adults who cut themselves: Clarifying the evidence for affect-regulation. *Psychiatry Research*, 166 (2–3), 260–268. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.02.008>
- Lewis, H. B. (1971). *Shame and guilt in neurosis*. New York: International Universities Press.
- Lieb, K., Zanarini, M. C., Schmahl, C., Linehan, M. M., & Bohus, M. (2004). Borderline personality disorder. *Lancet*, 364 (9432), 453–461. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(04\)16770-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(04)16770-6)
- Messner, B. A., & Buckrop, J. J. (2000). Restoring order: Interpreting suicide through a Burkean lens. *Communication Quarterly*, 48 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1080/01463370009385575>
- Milligan, R.-J., & Andrews, B. (2005). Suicidal and other self-harming behaviour in offender women: The role of shame, anger and childhood abuse. *Legal and Criminological Psychology*, 10 (1), 13–25. <https://doi.org/10.1348/135532504X15439>
- Nathanson, D. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of the Self*. New York: Norton.
- Nock, M. K. (2009). Why do people hurt themselves? New insights into the nature and functions of self-injury. *Current Directions in Psychological Science*, 18 (2), 78–83. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01613.x>
- Ollivier, F., Soubelet, A., Duhem, S., & Thümmel, S. (2022). Shame and guilt in the suicidality related to traumatic events: A systematic literature review. *Front Psychiatry*, 13, 951632. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.951632>
- Oluyori, T. (2013). Research Paper A systematic review of qualitative studies on shame, guilt and eating disorders. *Counselling Psychology Review*, 28, 47–59. <https://doi.org/10.53841/bp-scrp.2013.28.4.47>
- Paul, T., Schroeter, K., Dahme, B., & Nutzinger, D. O. (2002). Self-injurious behavior in women with eating disorders. *Am J Psychiatry*, 159 (3), 408–411. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.159.3.408>
- Rockenberger, W., & Brauchle, G. (2011). The significance of shame in different diagnosis groups, with a focus on body shame. *Verhaltenstherapie*, 21 (3), 163–169. <https://doi.org/10.1159/000330732>
- Schoenleber, M. L. (2013). *Testing alternative motivational models for self-injurious behavior*: dissertation, pp.12–21. Urbana, Illinois.

- Schoenleber, M. L., & Berenbaum, H. (2012). Shame regulation in personality pathology. *Journal of Abnormal Psychology*, 121 (2), 433–446. <https://doi.org/10.1037/a0025281>
- Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., & Husain, N. et al. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Rev.*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>
- Shneidman, E. S. (1996). *The suicidal mind*. New York: Oxford University Press.
- Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). *Shame and guilt*. Guilford Press. <https://doi.org/10.4135/9781412950664.n388>
- Taylor, P. J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J. M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self injury. *Journal of Affective Disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>
- Van Orden, K. A., Witte, T. K., Cukrowicz, K. C., Braithwaite, S. R., Selby, E. A., & Joiner, T. E. (2010). The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 117 (2), 575–600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>
- VanDerhei, S., Rojahn, J., Stuewig, J., & McKnight, P. E. (2014). The effect of shame-proneness, guilt-proneness, and internalizing tendencies on nonsuicidal self-injury. *Suicide Life Threat Behav*, 44 (3), 317–330. <https://doi.org/10.1111/sltb.12069>
- Wiklander, M., Samuelsson, M., Jokinen, J., Nilsonne, A., & Wilczek et al. (2012). Shame-proneness in attempted suicide patients. *BMC Psychiatry*, 12 (50). <https://doi.org/10.1186/1471-244X-12-50>

References

- Akopyan, L. S. (2019). Emocional'nye sostoyaniya kak determinanty suicidal'nogo povedeniya podrostkov. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, 7 (1 (22)), 24–28.
- Alimov, A. A. (2013). Fenomeny styda i viny kak regulatory social'nogo povedeniya individov v izmenyayushchemsya obshchestve. V *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya pedagogiki psihologii: sbornik materialov 2-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Mahachkala, 30 sentyabrya 2013 g., str. 109–111). Mahachkala: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Aprobaciya».
- Antohina, R. I., Antohin, E. Yu. (2021). Emocional'nye skhemy u podrostkov s suicidal'nymi popytkami. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya*, 23 (1), 16–19.
- Bazhenova, L. V., Garashchuk, S. S. (2021). Rol' chuvstv viny i styda v razvitii narushenij pishchevogo povedeniya (v kontekste krizisa srednego vozrasta). *Naukosfera*, 3-1, 79–83.
- Belik, I. A. (2006). *Chuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti: avtoref. dis. ... kand. nauk*. Saint Petersburg.
- Vasil'eva, O. S., Korotkova, E. (2004). Osobennosti perezhivaniya viny v sovremennom obshchestve. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, 12 (1), 48–73.
- Gorbatov, S. V., Arbuzova, E. N., Abramovich, E. M. (2021). Regulyaciya povedeniya u molodyh zhen-shchin, praktikuyushchih samopovrezhdenie. V *Anan'evskie chteniya – 2021: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 19–22 oktyabrya 2021 g., str. 875–876). Saint Petersburg: OOO «Skifiya-print».
- Gornaeva, S. V. (2012). Vina i styd v kontekste psihologicheskoy regulyacii social'nogo povedeniya lichnosti. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2 (33), 47–49.
- Zajchenko, A. A. (2009). Samopovrezhdayushchee povedenie. V E. V. Burenkova (red.), *Psihologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya: sbornik statej* (str. 191–195). PsyJournals.ru.
- Il'in, E. P. (2017). *Psihologiya sovesti: vina, styd, raskayanie*. Saint Petersburg: OOO Izdatel'stvo «Piter».

- Kochnova, E. N., Merinov, A. V., Volodin, B. Yu., Novikov, V. V. (2023). Autoagressivnye karakteristiki yunoshej i devushek, ispytyvayushchih otchyotlivye perezhivaniya styda sobstvennogo tela. *Suicidologiya*, 14 (1 (50)), 101–114. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01 (50)-101-114
- Kustov, G. V., Zinchuk, M. S., Pashnin, E. V., Vojnova, N. I., Popova, S. B. i dr. (2022). Izuchenie psichometricheskikh karakteristik russkoyazychnoj versii oprosnika PID-5-BF. *Psichologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 19 (3), 521–542.
- Lebedinskij, V. V., Nikol'skaya, O. G., Baenskaya, E. R., Libling, M. M. (1990). *Emocional'nye narusheniya v detskom vozraste i ih korrekciya*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.
- Levkovskaya, O. B., Shevchenko, Yu. S., Danilova, L. Yu., Grachev, V. V. (2017). Fenomenologicheskij analiz nesuicidal'nyh samopovrezhdenij u podrostkov. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii im. S. S. Korsakova*, 117 (7), 10–15. https://doi.org/10.17116/jnevro20171177110-15
- Lezhenina, T. I. (2021). Osobennosti emocional'noj sfery sklonnyh k suicidu podrostkov. V V. A. Lipatov (red), *Nauchnaya iniciativa v psichologii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov studentov i molodyh uchenykh* (str. 108–112). Kursk: Kurskij gosudarstvennyj medicinskij universitet.
- Makogon, I. K., Enikolopov, S. N. (2015). Aprobaciya metodiki izmereniya chuvstv viny i styda (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E. & Gramzow R. H. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya*, 8 (1), 6–21.
- Padun, M. A. (2015). Regulyaciya emocij i ee narusheniya. *Psichologicheskie issledovaniya*, 8 (39), https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.572
- Potter-Efron, R. T. (2002). *Styd, vina i alkogolizm: klinicheskaya praktika*. Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovanij.
- Pyr'ev, E. A. Ocheretina, Yu. A. (2020). Emocional'nye motivy suicidal'nogo povedeniya podrostkov. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologiya*, 4, 596–609.
- Samsonova, G. O., Yazykova, T. A., Agasarov, L. G. (2018). Psichologicheskie aspekty alimentarnogo ozhireniya (obzor literatury). *Vestnik novykh medicinskih tekhnologij*, 12 (3), 133–139. https://doi.org/10.24411/2075-4094-2018-16027
- Smotrova, T. N., Chaplygina, A. A. (2018). Vina i styd kak regulyatory social'nogo povedeniya. V L. V. Kashicyna (red.), *Aktual'nye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti i fizicheskoy kul'tury: sbornik nauchnyh statej fakul'teta fizicheskoy kul'tury i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* (str. 224–230). Saratov: Izdatel'stvo «Saratovskij istochnik».
- Sycheva, T. Yu., Sultanova, A. N., Slugin, A. V., Kustova, E. A. (2020). Kliniko-psichologicheskie osobennosti lic s narusheniyami pishchevogo povedeniya. V M. G. Chuhrova (red.), *Bezopasnost' cheloveka v ekstremal'nyh klimato-ekologicheskikh i social'nyh usloviyah: materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Novosibirsk, 05–08 maya 2020 g., str. 159–165). Novosibirsk: Sibirskij institut prakticheskoy psichologii, pedagogiki i social'noj raboty.
- Furmanov, I. A. (2021). Styd i vina kak moral'nye regulyatory agressivnogo povedeniya. V *Psichologicheskij Vademecum: socializaciya lichnosti v usloviyah neopredelennosti: regional'nyj aspekt: sbornik nauchnyh statej* (str. 30–33). Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova.
- Haer, R. (2021). *Lishennye sovesti. Pugayushchij mir psichopatov*. Moskva: Izdatel'stvo «Vil'yams».
- Bachtelle, S. E., & Pepper, C. M. (2015). The Physical Results of Nonsuicidal Self-Injury: The Meaning Behind the Scars. *J Nerv Ment Dis*, 203 (12), 927–933. https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000398
- Baechler, J. (1979). *Suicides*. New York, NY: Basic Books.
- Berghold, K. M., & Lock, J. (2002). Assessing guilt in adolescents with anorexia nervosa. *Am J Psychother*, 56 (3), 378–390. https://doi.org/10.1176/appi.psychotherapy.2002.56.3.378

- Blythin, S. P. M., Nicholson, H. L., Macintyre, V. G., Dickson, J. M., Fox, J. R. E., & Taylor, P. J. (2020). Experiences of shame and guilt in anorexia and bulimia nervosa: A systematic review. *Psychol. Psychother*, 93 (1), 134–159. <https://doi.org/10.1111/papt.12198>
- Breed, W. (1972). *Five Components of a Basic Suicide Syndrome. Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2 (1), 3–18. <https://doi.org/10.1111/j.1943-278X.1972.tb00451.x>
- Brevard, A., Lester, D., & Yang, B. J. (1990). A comparison of suicide notes written by suicide completers and suicide attempters. *Crisis*, 11 (1), 7–11.
- Burney, J., & Irwin, H. J. (2000). Shame and guilt in women with eating-disorder symptomatology. *J. Clin. Psychol*, 56 (1), 51–61. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4679\(200001\)56](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4679(200001)56)
- Cardi, V., Di Matteo, R., Gilbert, P., & Treasure, J. (2014). Rank perception and self-evaluation in eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 47 (5), 543–552. <https://doi.org/10.1002/eat.22261>
- Cavalera, C., Pagnini, F., Zurloni, V., Diana, B., & Realdon et al. (2016). Shame proneness and eating disorders: a comparison between clinical and non-clinical samples. *Eat Weight Disord*, 21 (4), 701–707. <https://10.1007/s40519-016-0328-y>
- Crowe, M. (2004). Never good enough, part 1: shame or borderline personality disorder? *J. Psychiatr. Ment. Health Nurs*, 11 (3), 327–334.
- Davitz, J. R. (1969). *The language of emotion*. New York: Academic Press.
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™, 5th ed.* (2013). <https://doi/book/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Doran, J., & Lewis, C. A. (2012). Components of shame and eating disturbance among clinical and non-clinical populations. *Eur Eat Disord Rev.*, 20 (4), 265–270. <https://10.1002/erv.1142>
- Duggan, J., Heath, N., & Hu, T. (2015). Non-suicidal self-injury maintenance and cessation among adolescents: a one-year longitudinal investigation of the role of objectified body consciousness, depression and emotion dysregulation. *Child Adolesc Psychiatry Ment. Health*, 9 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1186/s13034-015-0052-9>
- Favaro, A., & Santonastaso, P. (2000). Self-injurious behavior in anorexia nervosa. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 188 (8), 537–542. <https://doi.org/10.1097/00005053-200008000-00010>
- Foster, T. (2003). Suicide note themes and suicide prevention. *Int J Psychiatry Med*, 33 (4), 323–331. <https://doi.org/10.2190/T210-E2V5-A5M0-QLJU>
- Glassman, L. H., Weierich, M. R., Hooley, J. M., Deliberto, T. L., & Nock, M. K. (2007). Child maltreatment, non-suicidal self-injury, and the mediating role of self-criticism. *Behaviour Research and Therapy*, 45 (10), 2483–2490. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2007.04.002>
- Harder, D. W., Rockart, L., & Cutler, L. (1993). Additional validity evidence for the Harder Personal Feelings Questionnaire-2 (PFQ2): a measure of shame and guilt proneness. *J. Clin. Psychol.*, 49 (3), 345–348.
- Harder, D. W., Strauss, J. S., Kokes, R. F., & Ritzler, B. A. (1984). Self-derogation and psychopathology. *Genetic Psychology Monographs*, 109 (2D Half), 223–249.
- Kaplan, H. B. (1975). Increase in self-rejection as an antecedent of deviant responses. *Journal of Youth and Adolescence*, 4, 281–292. <https://doi.org/10.1007/BF01537168>
- Kim, S., Thibodeau, R., & Jorgensen, R. S. (2011). Shame, guilt, and depressive symptoms: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 137 (1), 68–96. <https://doi.org/10.1037/a0021466>
- Klonsky, E. D. (2009). The functions of self-injury in young adults who cut themselves: Clarifying the evidence for affect-regulation. *Psychiatry Research*, 166 (2–3), 260–268. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.02.008>
- Lewis, H. B. (1971). *Shame and guilt in neurosis*. New York: International Universities Press.

- Lieb, K., Zanarini, M. C., Schmahl, C., Linehan, M. M., & Bohus, M. (2004). Borderline personality disorder. *Lancet*, 364 (9432), 453–461. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(04\)16770-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(04)16770-6)
- Messner, B. A., & Buckrop, J. J. (2000). Restoring order: Interpreting suicide through a Burkean lens. *Communication Quarterly*, 48 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1080/01463370009385575>
- Milligan, R.-J., & Andrews, B. (2005). Suicidal and other self-harming behaviour in offender women: The role of shame, anger and childhood abuse. *Legal and Criminological Psychology*, 10 (1), 13–25. <https://doi.org/10.1348/135532504X15439>
- Nathanson, D. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of the Self*. New York: Norton.
- Nock, M. K. (2009). Why do people hurt themselves? New insights into the nature and functions of self-injury. *Current Directions in Psychological Science*, 18 (2), 78–83. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01613.x>
- Ollivier, F., Soubelet, A., Duhem, S., & Thümmel, S. (2022). Shame and guilt in the suicidality related to traumatic events: A systematic literature review. *Front Psychiatry*, 13, 951632. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.951632>
- Oluyori, T. (2013). Research Paper A systematic review of qualitative studies on shame, guilt and eating disorders. *Counselling Psychology Review*, 28, 47–59. <https://doi.org/10.53841/bp-scpr.2013.28.4.47>
- Paul, T., Schroeter, K., Dahme, B., & Nutzinger, D. O. (2002). Self-injurious behavior in women with eating disorders. *Am J Psychiatry*, 159 (3), 408–411. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.159.3.408>
- Rockenberger, W., & Brauchle, G. (2011). The significance of shame in different diagnosis groups, with a focus on body shame. *Verhaltenstherapie*, 21 (3), 163–169. <https://doi.org/10.1159/000330732>
- Schoenleber, M. L. (2013). *Testing alternative motivational models for self-injurious behavior*: dissertation, pp.12–21. Urbana, Illinois.
- Schoenleber, M. L., & Berenbaum, H. (2012). Shame regulation in personality pathology. *Journal of Abnormal Psychology*, 121 (2), 433–446. <https://doi.org/10.1037/a0025281>
- Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., & Husain, N. et al. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Rev.*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>
- Shneidman, E. S. (1996). *The suicidal mind*. New York: Oxford University Press.
- Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). *Shame and guilt*. Guilford Press. <https://doi.org/10.4135/9781412950664.n388>
- Taylor, P. J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J. M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self injury. *Journal of Affective Disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>
- Van Orden, K. A., Witte, T. K., Cukrowicz, K. C., Braithwaite, S. R., Selby, E. A., & Joiner, T. E. (2010). The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 117 (2), 575–600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>
- VanDerhei, S., Rojahn, J., Stuewig, J., & McKnight, P. E. (2014). The effect of shame-proneness, guilt-proneness, and internalizing tendencies on nonsuicidal self-injury. *Suicide Life Threat Behav*, 44 (3), 317–330. <https://doi.org/10.1111/sltb.12069>
- Wiklander, M., Samuelsson, M., Jokinen, J., Nilsonne, A., & Wilczek et al. (2012). Shame-proneness in attempted suicide patients. *BMC Psychiatry*, 12 (50). <https://doi.org/10.1186/1471-244X-12-50>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Горбатов – ведущий специалист Регионального центра судебной экспертизы, кандидат психологических наук, доцент.

Елена Николаевна Арбузова – доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Вера Владимировна Тураносова – ассистент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета.

About the authors

Sergey V. Gorbatov – Leading specialist at the Regional Centre for Forensic Examination, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Elena N. Arbuzova – Associate Professor of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Vera V. Turanosova – Assistant of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.06.2025

Одобрена после рецензирования 12.09.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted June 18, 2025

Approved after reviewing September 12, 2025

Accepted October 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 159.9

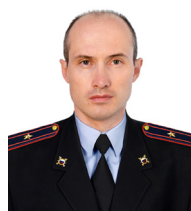
Шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности»: разработка, психометрическая характеристика и возможности использования

Сергей Витальевич Духновский

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Александр Сергеевич Цимбал

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
tsi-m-ball@rambler.ru

ORCID: 0009-0002-7994-484X

Аннотация

Введение. В статье с привлечением эмпирического материала раскрывается проблема измерения информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел в континууме «устойчивость – уязвимость». В информационном пространстве служебной деятельности снижение информационно-психологической устойчивости приводит к повышению уязвимости и виктимности, что негативно влияет на качество оперативно-служебной деятельности. Ранняя психодиагностика позволяет принять своевременные меры для повышения устойчивости и профилактики информационно-психологической уязвимости и виктимности. Для этого предлагается использовать авторскую шкалу «Информационно-психологическая уязвимость личности». Основное назначение шкалы – оценка подверженности влиянию информационного воздействия (прямого и / или косвенного) в континууме «устойчивость – виктимность». Опросник представляет собой набор из 13 пунктов, каждый из которых оценивается по пятибалльной шкале (где 1 – полностью не согласен, 5 – согласен полностью.). Итоговый балл по шкале вычисляется суммированием баллов по всем пунктам опросника. В зависимости от выраженности итогового показателя оценивается уровень информационно-психологической уязвимости в континууме «устойчивость – виктимность». Чем выше балл, тем больше оценки отклоняются в сторону виктимности, низкие значения говорят об информационно-психологической устойчивости. **Методы исследования.** Корреляционный и сравнительный анализ. Оценка ретестовой надежности, а также конструктивной и критериальной валидности. **Результаты.** Шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» требует минимального времени для проведения и обработки и может применяться в различных ситуациях как с практическими, так и с исследовательскими целями. Представленная шкала отвечает основным психометрическим требованиям,

предъявляемым к разработке профессиональных психологических тестов. Разработанную шкалу необходимо использовать для профилактики информационно-психологической уязвимости и виктимности в рамках морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова

информационно-психологическая устойчивость, уязвимость, виктимность, психометрика, психодиагностика

Для цитирования: Духновский, С. В., Цимбал, А. С. (2025). Шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности»: разработка, психометрическая характеристика и возможности использования. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 433–445.

Original paper

The “Information-Psychological Vulnerability of the Individual” Scale: development, psychometric characteristics and potential applications

Sergey V. Dukhnovsky

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Alexander S. Tsimbal

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
tsi-m-ball@rambler.ru

ORCID: 0009-0002-7994-484X

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of measuring the informational and psychological vulnerability of law enforcement officers on a continuum “resilience – vulnerability” drawing on empirical data. This decline in informational and psychological resilience leads to increased vulnerability and victimisation in the information space of service activities, reducing the quality of operational and service activities. Early psychodiagnostics makes it possible to take timely measures to increase resilience and prevent informational and psychological vulnerability and victimisation. The authors’ scale “Informational and Psychological Vulnerability of the Individual” is proposed for this purpose. The main aim of the scale is to assess susceptibility to informational influence (direct and/or indirect) on a continuum of “resilience-victimisation”. The questionnaire consists of a set of 13 items, each of which is rated on a five-point scale (where 1 means “strongly disagree”, 5 means “strongly agree”). The final score for the scale is calculated by adding up the scores for all items in the questionnaire. Depending on the expressiveness of the final indicator, the level of informational and psychological vulnerability is assessed on a continuum “resilience – victimization”. The higher the score, the more the assessments deviate towards victimisation; low values indicate informational and psychological resilience. **Research methods.** Correlational and comparative analysis. Assessment of retest reliability,

as well as construct and criterion validity. **Results.** The ‘Information-Psychological Vulnerability of the Individual’ scale requires minimal time to be conducted and processed, and can be used in various situations, both for practical and research purposes. The presented scale corresponds to the basic psychometric requirements for the development of professional psychological tests. The developed scale should be used to prevent information and psychological vulnerability and victimisation within the framework of moral and psychological support for the activities of internal affairs officers.

Keywords

informational and psychological resilience, vulnerability, victimisation, psychometrics, psychodiagnostics

For citation: Dukhnovsky, S. V., Tsimbal, A. S. (2025). The “Information-Psychological Vulnerability of the Individual” Scale: development, psychometric characteristics and potential applications. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 433–445.

Введение

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, цифровизация различных областей оперативно-служебной деятельности, беспрецедентный объем информации, с которым приходится сталкиваться сотрудникам органов внутренних дел в настоящее время, – все это обуславливает дополнительные требования к обеспечению информационно-психологической устойчивости. Ключевыми направлениями рассматриваемой деятельности выступают обеспечение профилактики и предотвращение формирования информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел. Достижение данной цели возможно посредством своевременного проведения психодиагностических мероприятий, эффективность которых во многом определяется качеством используемых психодиагностических инструментов. В связи с этим целесообразно применение разработанного авторского опросника «Информационно-психологическая уязвимость личности», в котором показатели низкого уровня информационно-психологической уязвимости интерпретируются как свидетельство высокой степени информационно-психологической устойчивости, тогда как их значимое выражение отражает наличие признаков информационно-психологической виктимности.

Ниже рассмотрим теоретическое обоснование, ход конструирования и психометрической проверки опросника, приведем примеры использования авторской методики «Информационно-психологическая уязвимость личности».

Теоретическое обоснование опросника

В рамках изучения вопросов, связанных с информационным и, в частности, информационно-психологическим воздействием, устойчивостью и уязвимостью, рассматривались различные аспекты аксиологической готовности молодежи к восприятию информационного влияния (Купрейченко, 2008).

Психическое здоровье является основополагающим компонентом благополучия человека. Более того, психические расстройства в настоящее время представляют одну из наиболее серьезных проблем общественного здравоохранения. С 1990 г. по 2017 г. организация «Глобальное бремя болезней, травм и факторов риска» проводила исследование, в котором оценивались заболеваемость, распространенность и количество лет, прожитых с инвалидностью, для 354 клинических состояний в 195 странах и территориях (Касюк, 2021). Психические расстройства стабильно составляют более 14 % лет, прожитых с инвалидностью на протяжении почти трех десятилетий, и имеют распространенность более 10 % во всех регионах, включенных в исследование (Пулко, Кивайко, 2024).

Работа имеет основополагающее значение для психического здоровья человека, однако неблагоприятная рабочая среда может привести к проблемам с физическим и психическим здоровьем (Касюк, 2021). Здоровье, безопасность и благополучие работников приобретают все большее значение во всем мире (Батурин и др., 2015). Проблемы с психическим здоровьем распространены среди работающего населения и вызывают растущую обеспокоенность на международном уровне (Караяни, 2022). Связь между психическими заболеваниями и рабочей средой сложна и многогранна. Проблемы с психическим здоровьем снижают производительность труда, а неблагоприятные условия труда влияют на психическое здоровье (Виноградов, Ульянина, 2020).

Депрессия и тревожность – наиболее распространенные расстройства психического здоровья в мире (Владимирова, 2015), и крайне важно определить связанные с ними факторы риска. Стресс, связанный с работой, может увеличить риск развития депрессии, тревожности, профессионального выгорания и нарушений сна (Воробьева, Кружкова, 2016).

На физическое и психическое здоровье людей могут негативно влиять факторы риска, связанные с рабочим местом, которое не только способствует развитию физических и психических проблем, но и предоставляет значительные возможности для внедрения и разработки профилактических мер для их решения. В связи с этим внедрение мер, направленных на укрепление психического здоровья на рабочем месте, является убедительным ответом на постоянные вызовы в этой области (Духновский, Шелепина, 2024; Духновский, Злоказов, 2024; Караяни, 2022)¹.

По данным Всемирной организации здравоохранения (Баранов, 2017), неадекватная политика в области охраны труда и техники безопасности, неэффективные методы коммуникации и управления, ограниченное участие работников в принятии решений, низкий уровень поддержки работников, негибкие графики работы и нечеткие организационные задачи или цели относятся к факторам риска, связанным с рабочим местом, которые могут негативно повлиять на психическое здоровье. Здоровое рабочее место – это такое место, где все сотрудники вовлечены в процесс постоянного совершенствования, направленного на защиту и укрепление здоровья, безопасности и благополучия (Куликов, 1997).

Работа является неотъемлемой частью жизни человека в обществе, влияя на различные аспекты социального благополучия, такие как качество жизни, здоровье, достоинство и общее благополучие (Астахова, Кошкарова, 2019). Сотрудники органов внутренних дел ежедневно сталкиваются с опасностью и риском для жизни и здоровья на фоне значительной рабочей нагрузки и организационных сложностей (Баранов, 2017). Данные факторы оказывают выраженное психическое и эмоциональное воздействие, вызывают развитие стресса, профессиональное выгорание и депрессию, что негативно влияет как на их личную жизнь, так и на производительность труда. Следовательно, забота о психическом здоровье сотрудников органов внутренних дел имеет решающее значение, поскольку эта профессия сопряжена с высокими психологическими рисками, а нарушения психического здоровья могут ослабить их способность эффективно выполнять обязанности по обеспечению общественной безопасности (Батурин и др., 2015; Бобров, Файзрахманова, 2017; Виноградов, Ульянина, 2020).

На базе изложенных теоретических положений была создана шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» (ИПУ-13).

Назначение шкалы – оценка подверженности информационному воздействию (прямому и / или косвенному). Данная шкала состоит из 13 пунктов, каждый из которых респондент должен оценить по пятибалльной шкале в промежутке от 1 – «не согласен» до 5 – «согласен полностью».

¹ Духновский, С. В. (2016). *Психодиагностическая методика «Переживание кризиса личностью»*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.

Конструирование шкалы «Информационно-психологическая уязвимость личности». Разработка опросника была инициирована при проведении обзорно-аналитического исследования, направленного на изучение проблем информационно-психологического воздействия, а также аспектов психологической устойчивости, виктимности и восприимчивости к влиянию информации на личность, представленных в специализированной научной и практической литературе. На следующем этапе были сформулированы суждения, отражающие ключевые признаки информационно-психологической уязвимости, что позволило выделить 33 утверждения. Далее была проведена оценка дифференцирующей способности каждого суждения. Затем на выборке сотрудников полиции (107 участников в возрасте 25–45 лет) для каждого пункта шкалы был рассчитан индекс трудности по формуле:

$ИТ = Nв/ап$, где $Nв$ – суммарное количество баллов, полученных всеми участниками по данному утверждению;

a – максимально возможный балл по шкале ответов;

n – общее число респондентов.

На следующем этапе проведен факторный анализ, результаты которого позволили сформировать окончательный вариант шкалы «Информационно-психологическая уязвимость». Однородность шкалы подтверждена применением однофакторного анализа, затем была сконструирована финальная версия, включающая 13 утверждений. Факторный вес пунктов шкалы варьировался от 0,71 до 0,83, что подтверждает обоснованность включения каждого из них. Показатели индекса трудности и факторной нагрузки всех утверждений были признаны оптимальными. Высокие значения коэффициентов корреляции между пунктами и итоговым баллом по шкале свидетельствуют о ее выраженной дискриминативной способности и внутренней гомогенности, являющейся важным элементом конструктивной валидности.

Психометрическая оценка шкалы включала оценку ретестовой надежности, внутренней согласованности и валидности. Ретестовая надежность измерялась на выборке из 110 сотрудников органов внутренних дел (75 мужчин и 35 женщин) со стажем службы от 15 до 20 лет методом повторного тестирования с интервалом в четыре недели.

Внутренняя согласованность исследовалась на выборке из 150 сотрудников органов внутренних дел (85 мужчин и 65 женщин) с одинаковым стажем службы – от 15 до 20 лет. Результаты показали, что коэффициент альфа Кронбаха составил 0,73, а значение, рассчитанное по полной версии формулы Спирмена–Брауна, – 0,76, что свидетельствует об удовлетворительной внутренней согласованности.

Конструктивная (логическая) валидность, направленная на выявление внутренней природы измеряемого конструкта, оценивалась с участием 30 экспертов – сотрудников кафедры психологии и педагогики и кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России. Эксперты заполняли анкету от имени гипотетического респондента с высоким и низким уровнем информационно-психологической уязвимости.

Далее определялась статистическая значимость различий средних значений, полученных экспертами в двух вариантах. Результаты показали достоверно значимые различия – $27,0 \pm 3,1$ против $55,6 \pm 5,2$ при значении t -критерия 5,1 и $p \leq 0,001$. Это позволило заключить, что шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» обладает высокой надежностью по критерию логической валидности.

Проверка конструктивной валидности оценивалась также в ряде корреляционных исследований на выборке из 175 сотрудников органов внутренних дел (89 респондентов мужского и 86 женского пола со стажем службы от 5 до 15 лет). Для ее проверки были использованы методики:

– опросник когнитивных ошибок, авторы А. Freeman, R. Dewolf (Фриман, Девульф, 2011) (адаптированный А. Е. Бобровым, Е. В. Файзрахмановой (Бобров, Файзрахманова, 2017)), цель

которого – обнаружение когнитивных искажений, связанных с неверной интерпретацией смысловых контекстов;

– опросник «Переживание кризиса личностью» (ППК, автор С. В. Духновский) (Духновский, 2016)²;

– опросник «Тест жизнестойкости» (ТЖС) (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой), предназначенный для оценки способности человека активно и гибко действовать в трудных, стрессовых ситуациях или, наоборот, для оценки его уязвимости к переживаниям стресса и депрессии³;

– опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ), авторы С. В. Духновский, Э. К. Шелепина (Духновский, Шелепина, 2024);

– методика «Определение доминирующего состояния» (ДС-8) (автор Л. В. Куликов), позволяющая оценить относительно устойчивые характеристики (доминирующие) состояния и виды настроения с помощью субъективных оценок обследуемого⁴;

– опросник доверия / недоверия личности миру, себе, другим людям, автор А. Б. Купрейченко (Купрейченко, 2008).

Ниже рассмотрим наиболее важные корреляции показателя шкалы «Информационно-психологическая уязвимость личности» со значениями указанных психодиагностических методик. Начнем анализ с результатов.

Выявлено соотношение значения «информационно-психологическая устойчивость (уязвимость)» со значением по шкалам опросника когнитивных ошибок. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Корреляционные связи показателя «информационно-психологическая уязвимость» с показателями опросника когнитивных ошибок (ОКО)

Table 1. Correlations between the indicator “information-psychological vulnerability” and the indicators of the “Cognitive Errors” questionnaire

Шкалы ОКО	Информационно-психологическая уязвимость
Персонализация	0,39
Морализаторство	0,39
Катастрофизация	0,55
Выученная беспомощность	0,58
Максимализм	0,41
Преувеличение опасности	0,39

Примечание: коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$

² Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Москва: Смысл.

³ Там же.

⁴ Куликов, Л. В. (2003). *Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.

Данные, представленные в таблице 1, иллюстрируют корреляционные связи между показателем «Информационно-психологическая уязвимость» и шкалами опросника когнитивных ошибок (ОКО). Все коэффициенты корреляции статистически значимы на уровне $p \leq 0,01$, что свидетельствует о неслучайности выявленных связей и наличии значимых психологических связей.

Результаты демонстрируют положительные корреляции по всем измеряемым измерениям когнитивных ошибок. Наибольшая корреляция наблюдается со шкалой «Выученная беспомощность» ($r = 0,58$), за которой следует «Катастрофизация» ($r = 0,55$). Это свидетельствует о том, что лица с высокой информационно-психологической уязвимостью более склонны к моделям мышления, характеризующимся восприятием ситуаций как неконтролируемых или ожиданием наихудших возможных исходов. Такие когнитивные тенденции могут усиливать восприимчивость к негативному информационному влиянию и препятствовать эффективно-му совладанию со стрессом. Шкала «Максимализм» также демонстрирует относительно сильную положительную корреляцию ($r = 0,53$); это свидетельствует о том, что ригидные модели мышления, основанные на принципе «всё или ничего», чаще встречаются у людей с повышенным уровнем уязвимости. Корреляции между шкалами «Персонализация» и «Морализация» составляют $r = 0,39$; это указывает на то, что люди с повышенной уязвимостью могут быть склонны интерпретировать события в чрезмерно самореферентных терминах или оценивать ситуации преимущественно через моральные суждения, что может исказить восприятие информации.

Наконец, корреляция со шкалой «Преувеличение опасности» составляет $r = 0,39$, что указывает на тенденцию к переоценке угроз в окружающей среде у людей с повышенной уязвимостью. Такое искажение в оценке угроз может повышать эмоциональную реактивность и снижать стрессоустойчивость, особенно в профессиональных ситуациях с высоким уровнем риска, в частности, у сотрудников органов внутренних дел.

Далее рассмотрим корреляционные связи показателя «Информационно-психологическая уязвимость» с показателями опросника «Тест жизнестойкости» в таблице 2.

Показатель «Информационно-психологическая уязвимость» имеет статистически значимые отрицательные корреляции с показателями теста жизнестойкости: «Вовлеченность»

Таблица 2. Корреляционные связи показателя «информационно-психологическая уязвимость» с показателями опросника «Тест жизнестойкости»

Table 2. Correlations between the indicator “information-psychological vulnerability” and the indicators “Resilience Test” and “psychological resilience”

Показатели жизнестойкости	Информационно-психологическая уязвимость
Вовлеченность (методика ТЖС)	-0,39
Контроль (методика ТЖС)	-0,40
Принятие риска (методика ТЖС)	-0,44
Общий показатель жизнестойкости (методика ТЖС)	-0,49
Психологическая устойчивость (методика ППК)	-0,55

Примечание: коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$

($r = -0,39$, $p \leq 0,01$), «Контроль» ($r = -0,40$, $p \leq 0,01$), «Принятие риска» ($r = -0,44$, $p \leq 0,01$), а также с общим уровнем жизнестойкости ($r = -0,45$, $p \leq 0,01$). Сделан вывод, что более высокие значения психологической устойчивости, включающей эмоциональную стабильность, сопротивляемость стрессу, способность к восстановлению и сохранению работоспособности, сопровождаются снижением восприимчивости к негативному информационно-психологическому воздействию.

В ходе исследований установлены связи показателя «Информационно-психологическая уязвимость» с показателями по шкалам методики «Доминирующее состояние» (ДС-8), а также с показателем опросника «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ). Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Корреляционные связи показателя «информационно-психологическая уязвимость» с показателями опросника «Доминирующее состояние» (ДС-8) и «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ)

Table 3. Correlations between the indicator “information-psychological vulnerability” and the indicators of the questionnaire “Dominant State” (DS-8) and “Subjective Assessment of Personal Fatigue”

Шкалы ДС-8 и СОУ	Информационно-психологическая уязвимость
Активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации (методика ДС-8)	-0,40
Бодрость – уныние (методика ДС-8)	0,41
Тонус высокий – низкий (методика ДС-8)	0,41
Спокойствие – тревога (методика ДС-8)	0,43
Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона	0,42
Удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью	0,45
Утомленность (методика СОУ)	0,45

Примечание: коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$

Очевидно наличие статистически значимых корреляций между показателем «Информационно-психологическая уязвимость» и параметрами состояния по методике ДС-8 в диапазоне от $-0,40$ до $0,45$ при $p \leq 0,01$. Уменьшение устойчивости к стрессу и рост тревожности сопровождаются повышением информационно-психологической уязвимости. Такие состояния характеризуются повышенной восприимчивостью к деструктивным информационным воздействиям, что приводит к снижению психологической устойчивости, повышенной утомляемости и затруднениям в адаптации к меняющимся условиям.

Выявлена положительная корреляция между показателем «Информационно-психологическая уязвимость» и шкалой «Уязвленность» методики «СОУ» ($r = 0,45$, $p \leq 0,01$). Этот результат свидетельствует, что возрастание негативных эмоциональных реакций, снижение субъективной удовлетворенности, ухудшение работоспособности и общего самочувствия сопровождаются повышением восприимчивости субъекта к негативному информационному влиянию, что усиливает риск формирования или углубления информационно-психологической уязвимости.

Таблица 4. Корреляции показателя «информационно-психологическая уязвимость» с показателями опросника доверия/недоверия личности себе, миру, другим людям

Table 4. Correlations between the indicators of the “Methodology of trust/distrust to the world, other people, oneself” (by A.V. Kupreichenko) and the indicator “information-psychological vulnerability”

Показатель ИПУ	Показатели доверия				КМ
	другим	миру	себе	общий	
Информационно-психологическая уязвимость	-0,33**	-0,23	-0,40*	-0,43*	-0,47*

Примечание: КМ – показатель критического мышления, ** – коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,05$; * – коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,01$

В корреляционных исследованиях выявлены взаимосвязи показателя «Информационно-психологическая уязвимость» с показателями доверия к себе, миру и другим. Результаты представлены в таблице 4.

Полученные данные демонстрируют, что информационно-психологическая уязвимость имеет статистически значимые отрицательные корреляции с общим уровнем доверия и его составляющими – доверием миру, другим людям и себе, с коэффициентами в диапазоне от $-0,33$ до $-0,47$ при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$. Уменьшение доверия сопровождается повышенной восприимчивостью к деструктивному информационному влиянию, что ведет к усилению неуверенности, тревожности и опасений, а также повышает вероятность того, что субъект станет мишенью негативных информационных воздействий. Одновременно это усиливает риск отказа от конструктивного взаимодействия, ограничения помощи и поддержки со стороны других людей при одновременном ослаблении доверия к себе.

Проведенный корреляционный анализ позволяет утверждать, что шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» характеризуется наличием конструктивной валидности.

В процессе психометрической верификации шкалы была проведена оценка критериальной валидности, реализованная посредством метода сравнения контрастных групп. В качестве критериального основания использовались различия между двумя выборками сотрудников органов внутренних дел. Первая группа включала 53 сотрудника подразделений информации и общественных связей территориальных органов МВД России, вторая – 55 слушателей программ первоначальной подготовки на базе Санкт-Петербургского университета МВД России.

Таким образом, совокупность эмпирических данных подтверждает, что шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» обладает как конструктивной, так и критериальной валидностью.

Проведенная психометрическая верификация шкалы «Информационно-психологическая уязвимость личности» предоставляет исчерпывающее эмпирическое подтверждение ее применимости в качестве надежного и валидного инструмента измерения. Сочетание корреляционного анализа, оценки конструктивной валидности и критериальной валидации на контрастных группах обеспечивает прочную методологическую основу для подтверждения диагностической ценности шкалы. Результаты сравнительного анализа, проведенного среди сотрудников служб информации и связей с общественностью и слушателей программ начальной подготовки полиции, демонстрируют способность шкалы выделять людей с разным уровнем информа-

ционно-психологической устойчивости. В частности, значительно более низкие средние баллы, наблюдаемые в первой группе по сравнению со второй, свидетельствуют о повышенной способности противостоять негативным информационным и психологическим воздействиям, подтверждая прогностическую эффективность шкалы в оперативных условиях.

Подтверждение конструктивной валидности доказывает, что пункты шкалы теоретически согласованы с концептуальной областью информационно-психологической уязвимости. Эта согласованность гарантирует, что инструмент измеряет именно те психологические характеристики, для оценки которых он предназначен, без существенных отклонений от предполагаемого конструкта. Наблюдаемые взаимосвязи между результатами шкалы и внешними психологическими переменными дополнительно подтверждают ее теоретическую устойчивость.

Доказательства критериальной валидности, особенно посредством статистически значимых различий в средних баллах между контрастными группами, подтверждают практическую ценность инструмента в прикладной психологической диагностике. Способность выявлять различия в уровнях уязвимости в различных профессиональных подгруппах сотрудников правоохранительных органов подчеркивает потенциальную роль шкалы в оценке персонала, анализе потребностей в обучении и разработке целевых вмешательств, направленных на повышение психологической устойчивости.

Предварительный расчет нормативных данных на основе репрезентативной выборки сотрудников правоохранительных органов добавляет важный аспект стандартизации. Использование шкалы STEN для сопоставления с нормами гарантирует возможность использования инструмента как для диагностики на индивидуальном уровне, так и для крупномасштабных организационных оценок. Такая стандартизация не только повышает интерпретируемость, но и облегчает использование шкалы для лонгитюдного мониторинга тенденций уязвимости.

Заключение

В заключение следует отметить, что шкала «Информационно-психологическая уязвимость личности» демонстрирует сильные психометрические свойства, включая внутреннюю согласованность, конструктивную и критериальную валидность. Методологическая строгость и эмпирическая обоснованность шкалы делают ее ценным инструментом для исследовательских, клинических и организационных применений, особенно в области психологии труда и управления персоналом правоохранительных органов. Стандартизированные нормы шкалы способствуют ее широкому использованию как в превентивной, так и в коррекционной психологической работе.

Список литературы

- Астахова, А. А., Кошкарова, Ю. А. (2019). Формирование психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к деструктивным информационным воздействиям как составляющим профессионального мастерства. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8 (3 (28)), 25–27.
- Баранов, Е. Г. (2017). Информационно-психологическая устойчивость: сущность и психологическое содержание. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 10 (1), 58–64.
- Батурин, Н. А., Вучетич, Е. В., Костромина, С. Н., Кукаркин, Б. А. и др. (2015). Российский стандарт тестирования персонала. *Организационная психология*, 5 (2), 67–138.
- Бобров, А. Е., Файзрахманова, Е. В. (2017). Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги. *Доктор.Ру*, 8 (137), 59–65.
- Виноградов, М. В., Ульянина, О. А. (2020). Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел. *Психология и право*, 10 (1), 8–29.

- Владимирова, М. Б. (2015). Информационное воздействие: механизмы и защита. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 5 (360), 64–70.
- Воробьева, И. В., Кружкова, О. В. (2016). Аксиологическая готовность молодежи к информационному воздействию интернета. *Педагогическое образование в России*, 10, 85–91.
- Духновский, С. В., Шелепина, Э. К. (2024). Опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 144–160.
- Духновский, С. В., Злоказов, К. В. (2024). Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности. *Психология и право*, 14 (4), 50–67.
- Караяни, А. Г. (2022). К вопросу об информационно-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел. В Ю. А. Шаранов (ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2022): материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 года, стр. 282–287). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Касюк, А. Я. (2021). Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 1 (842), 22–34.
- Куликов, Л. В. (1997). *Психология настроения*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Купрейченко, А. Б. (2008). *Психология доверия и недоверия*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Пулко, Т. А., Кивайко, В. Н. (2024). Информационные манипуляции и психологическая уязвимость в условиях кризисной информационной среды. *Endless Light in Science*, S1, 151–154.
- Фер, Р. М., Бакарак, В. Р. (2010). *Психометрика: Введение*. (пер с англ. А. С. Науменко, А. Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.
- Фриман, А., Девульф, Р. (2011). *Десять глупейших ошибок, которые совершают люди*. Санкт-Петербург: Питер.

References

- Astahova, A. A., Koshkarova, Yu. A. (2019). Formirovanie psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del k destruktivnym informacionnym vozdejstviyam kak sostavlyayushchim professional'nogo masterstva. *Azimet nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 8 (3 (28)), 25–27.
- Baranov, E. G. (2017). Informacionno-psihologicheskaya ustojchivost': sushchnost' i psihologicheskoe sodержание. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 10 (1), 58–64.
- Baturin, N. A., Vuchetich, E. V., Kostromina, S. N., Kukarkin, B. A. i dr. (2015) Rossijskij standart testirovaniya personala. *Organizacionnaya psihologiya*, 5 (2), 67–138.
- Bobrov, A. E., Fajzrahmanova, E. V. (2017). Oprosnik kognitivnyh oshibok kak instrument ocenki komponentov patologicheskoy trevogi. *Doktor.Ru*, 8 (137), 59–65.
- Vinogradov, M. V., Ul'yanina, O. A. (2020). Psihologicheskie aspekty informacionnogo vozdejstviya na sotrudnikov organov vnutrennih del. *Psihologiya i pravo*, 10 (1), 8–29.

- Vladimirova, M. B. (2015). Informacionnoe vozdejstvie: mekhanizmy i zashchita. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 5 (360), 64–70.
- Vorob'eva, I. V., Kruzhkova, O. V. (2016). Aksiologicheskaya gotovnost' molodezhi k informacionnomu vozdejstviyu interneta. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 10, 85–91.
- Dukhnovskij, S. V., Shelepina, E. K. (2024). Oprosnik «Sub"ektivnaya ocenka urovnya utomlennosti lichnosti»: razrabotka, psihometricheskaya harakteristika, primenenie. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 4 (2), 144–160.
- Dukhnovskij, S. V., Zlokazov, K. V. (2024). Informacionno-psihologicheskaya uyazvimost' sotrudnikov organov vnutrennih del raznym urovnem ustojchivosti i utomlennosti. *Psihologiya i pravo*, 14 (4), 50–67.
- Karayani, A. G. (2022). K voprosu ob informacionno-psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del. V Yu. A. Sharanov (red.), *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya-2022): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2022 goda, str. 282–287). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Kasyuk, A. Ya. (2021). Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v informacionnom protivoborstve. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 1 (842), 22–34.
- Kulikov, L. V. (1997). *Psihologiya nastroyeniya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Kuprejchenko, A. B. (2008). *Psihologiya doveriya i nedoveriya*. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN».
- Pulko, T. A., Kivajko, V. N. (2024). Informacionnye manipuljaccii i psihologicheskaya uyazvimost' v usloviyah krizisnoj informacionnoj sredy. *Endless Light in Science*, S1, 151–154.
- Fer, R. M., Bakararak, V. R. (2010). *Psihometrika: Vvedenie*. (per s angl. A. S. Naumenko, A. Yu. Popova; pod red. N.A. Baturina, E.V. Ejdmama). Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUURGU.
- Friman, A., Devul'f, R. (2011). *Desyat' glupejsih oshibok, kotorye sovershayut lyudi*. Saint Petersburg: Piter.

Информация об авторах

Сергей Витальевич Духновский – профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

Александр Сергеевич Цимбал – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the authors

Sergey V. Dukhnovsky – Professor of the Department of Legal Psychology at the Educational and Scientific Complex for Research on Human Resources Management and Moral and Psychological Support for Law Enforcement Activities, St. Petersburg University of the MIA of Russia, Doctor of Psychology, Docent.

Alexander S. Tsimbal – Postgraduate, St. Petersburg University of the MIA of Russia.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.04.2025

Одобрена после рецензирования 10.07.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted April 10, 2025

Approved after reviewing July 10, 2025

Accepted October 28, 2025

УДК 159.9.072

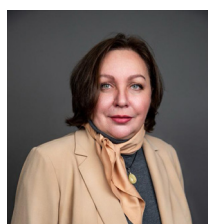
Закономерности и механизмы проявления прокрастинации в студенческом возрасте

Михаил Николаевич Есаулов

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(Москва, Россия)
MNEsaulov@mephi.ru

ORCID: 0000-0002-3062-8005

Наталья Леонидовна Омерова

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(Москва, Россия)
natalia.omerova@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4043-4021

Игорь Александрович Паршутин

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
(Москва, Россия)
pari.76@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6056-4446

Аннотация

Ведение. В статье обсуждаются вопросы возникновения академической прокрастинации, распространенность которой в студенческой выборке зависит от курса обучения. Основой формирования прокрастинации у первокурсников выступает отсутствие внешнего контроля за посещением занятий и своевременным предоставлением выполненных работ по сравнению со школьным периодом обучения. Прокрастинация не является следствием низкой академической успеваемости, так как свойственна студентам с хорошими способностями к обучению и самокритикой. Для решения данной проблемы специалисты предлагают рассматривать академическую прокрастинацию с позиции как личностных качеств студента, так и условий его обучения, способствующих психическому здоровью и профессиональному развитию. **Методы исследования.** Изучение академической прокрастинации осуществлялось в рамках когнитивного подхода, предполагающего обнаружение механизмов возникновения прокрастинации в области личных оценок и представлений о себе и окружающих. Организация исследования предполагала сравнение причин прокрастинации сознательной и бессознательной сфер личности. Исследование проводилось среди студентов 1 и 2 курсов Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (НИЯУ МИФИ). Основным диагностическим инструментом послужил опросник «Степень выраженности прокрастинации». Помимо него использовались диагностические методики, отражающие замысел исследования в части решения поставленных задач: опросник «Степень выраженности прокрастинации», «Индекс жизненного стиля» и «Личностный опросник Айзенка»; методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере. **Результаты.** В рамках

проведенного исследования показано, что тревожность выступает главным фактором возникновения академической прокрастинации. Доказано, что выявленные причины прокрастинации у студентов обусловлены мало осознаваемыми механизмами психологической защиты личности, такими как регресс, интеллектуализация и подавление. Обнаружено, что личные объяснения причин прокрастинации не соответствуют результатам объективных тестовых измерений.

Ключевые слова

прокрастинация, студенчество, перфекционизм, тревожность, мотивационная недостаточность, закономерности, механизмы и профилактика прокрастинации

Для цитирования: Есаулов, М. Н., Омерова, Н. Л., Паршутин, И. А. (2025). Закономерности и механизмы проявления прокрастинации в студенческом возрасте. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 446–464.

Original paper

Patterns and mechanisms of procrastination in student age

Mikhail N. Esaulov

National Research Nuclear University MEPhI

(Moscow, Russia)

MNEsaulov@mephi.ru

ORCID: 0000-0002-3062-8005

Natalia L. Omerova

National Research Nuclear University MEPhI

(Moscow, Russia)

natalia.omerova@gmail.com

ORCID: 0009-0007-4043-4021

Igor A. Parshutin

National Research Nuclear University MEPhI

(Moscow, Russia)

pari.76@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6056-4446

Abstract

Introduction. The article discusses issues related to academic procrastination, the prevalence of which in the student sample depends on the course of study. The basis for the formation of procrastination among first-year students is the lack of external control over class attendance and the timely submission of completed work compared to the school period of study. Procrastination is not a consequence of poor academic performance, as it is common among students with good learning abilities and self-criticism. To solve this problem, experts suggest considering academic procrastination from the perspective of both the student's personal qualities and the conditions of their education that contribute to mental health and professional development. **Research methods.** The study of academic procrastination was conducted within the framework of a cognitive approach, which involves identifying the mechanisms of procrastination in the area of personal assessments and perceptions of oneself and others. The study was designed to compare the causes of conscious and

unconscious procrastination. The study was conducted among first- and second-year students at the National Research Nuclear University MEPhI (NRNU MEPhI). The main diagnostic tool used was the “Degree of Procrastination” questionnaire. In addition, diagnostic methods were used that reflected the research design in terms of solving the tasks set: the “Degree of Procrastination” questionnaire, the “Lifestyle Index” and the “Eysenck Personality Questionnaire”; a method for diagnosing the socio-psychological attitudes of the individual in the motivational-need sphere. **Results.** The study shows that anxiety is the main factor contributing to academic procrastination. It has been proven that the identified causes of procrastination among students are due to poorly understood mechanisms of psychological defence, such as regression, intellectualisation and suppression. It has been found that personal explanations for procrastination do not correspond to the results of objective test measurements.

Keywords

procrastination, student life, perfectionism, anxiety, motivational insufficiency, patterns, mechanism and prevention of procrastination

For citation: Esaulov, M. N., Omerova, N. L., Parshutin, I. A. (2025). Patterns and mechanisms of procrastination in student age. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 446–464.

Введение

Ничто так не портит настроение, как недовольство самим собой из-за постоянно отложенных дел и решений. Актуальность работы обусловлена не только проблемой несвоевременного выполнения задач в академической или профессиональной деятельности, что привносит напряжение в ее организацию и влияет на качество итогового результата, но и психологическими трудностями, приводящими к занижению самооценки и неспособности самостоятельно принимать решения (Ковылин, 2013).

Прокрастинация (лат. *pro* – вместо и *crastinus* – завтрашний) – привычка откладывать выполнение задач на неопределенное время. Книга «Прокрастинация в жизни человека» П. Рингенбаха стала отправной точкой изучения причин постоянного переноса решения дел «на потом» (Ковылин, 2013). Сразу после выхода книги внимание ученых приковала проблема академической прокрастинации, в которой сильнее всего ощущаются ее негативные последствия (Lay, 1986).

Изучение проблемы прокрастинации подводит к ряду важных вопросов, решение которых способствует обнаружению закономерностей ее проявления: *Прокрастинация – это субкультурный феномен или серьезная психологическая проблема?, Индивидуальная особенность отдельно взятой личности или обыденная привычка в мире людей?*

Распространенность прокрастинации в студенческой выборке колеблется в пределах 50–87 % (Микляева, Реброва, Савинская, 2017; Панкратова, Кузнецова, 2018; Южакова, Басалаева, 2019; Ветрова, 2022). В научном сообществе принято выделять два возрастных пика прокрастинации — 17–23 и 30–45 лет. Первый пик приходится на студенческий возраст, когда могут появиться проблемы с целеполаганием в учебе, а отсутствие строгих требований к посещению занятий, внешнему виду, срокам предоставления обязательных работ в некоторых случаях формируют привычку откладывать дела «на потом». При этом статистические срезы показывают, что прокрастинация свойственна студентам с хорошими способностями к обучению и самокритикой (Rahimi, 2023). Вторым периодом сопряжен с кризисом среднего возраста, когда состоявшиеся специалисты достигают определенного «профессионального потолка» и не могут найти мотивы для дальнейшего развития себя на работе (Соловьева, 2024).

Половые различия не оказывают сильного влияния на формирование прокрастинации (Ветрова, 2022; Шевченко, 2024). Можно отметить, что в выборке мужчин склонность

оставлять дела «на завтра» определена недостатками волевой регуляции и неумением сделать «первый шаг» на пути к решению проблемы, а у женщин – отвлечением на второстепенные задачи.

Обзор литературы

Прокрастинация может принимать различные формы: «1) когнитивная прокрастинация (к примеру, выполнение курсовых работ или подготовка к экзаменам в «последнюю минуту»); 2) прокрастинация принятия решений (неспособность принимать своевременные решения); 3) невротическая прокрастинация (склонность откладывать важные жизненные решения); 4) компульсивная прокрастинация (откладывание принятия решения и совершения соответствующего поступка); 5) рутинная прокрастинация в повседневной жизни (испытываемые трудности в принятии рядовых решений, в планировании того, когда выполнять повторяющиеся домашние дела)» (Milgram, Batori, & Mowrer, 1993, с. 487).

В академической среде студенты как никто другие подвержены такому явлению, как прокрастинация. Как подмечено отечественными исследователями, *«учеба в вузе и студенческий досуг некоторых людей расслабляет, а некоторых “заставляет” работать еще усерднее. Чем больше человек откладывает свои дела на “завтра”, на потом, тем больше у него проявляется тревожность, страх что-то не успеть, и из этого возникает чувство неудовлетворенности собой, своими делами и ему необходимо сделать все по максимуму хорошо, идеально»* (Куприянчук, 2019, с. 202). Некоторые ученые предлагают рассматривать прокрастинацию в двух аспектах: в положительном, как мотивированную отсрочку решения поставленных задач в целях повышения вероятности успеха, а также самооценки личности в целом, и отрицательном, как деструктивное поведение, затрудняющее достижение поставленных целей и влекущее возникновение негативных эмоциональных состояний (Болотова, 2023). Как установили зарубежные исследователи, в студенческом возрасте проявления академической прокрастинации заметно влияют на уровень самооценки обучающихся (Sujadi & Sulistiyo, 2025).

Изучение закономерностей проявления прокрастинации требует определения четкого теоретического определения данного феномена, который позволил бы подобрать нужный диагностический инструментарий исследования. В современной психологической науке можно выделить ряд направлений исследования прокрастинации, каждое из которых определяет свой ключевой фактор возникновения данного феномена.

Когнитивная психология рассматривает прокрастинацию с позиции когнитивного искажения, т. е. иррациональных установок, которые формируют у человека ложные представления о себе (вера в собственную ничтожность) и мире (убежденность, что мир слишком сложен и требователен).

Иррациональные суждения формируют стереотипные, устоявшиеся подходы к решению проблемы, лишая субъекта деятельности временного ресурса, сил и не предоставляя взамен никаких мотивационных ценностей, помогающих преодолеть возникающие трудности (Кукла, 2023).

Данные суждения, которые приобретают характер автоматических мыслей, можно распределить на несколько групп по содержанию: 1) представления о своей несостоятельности и некомпетентности; 2) представления об избытке / отсутствии времени и неумении им правильно распорядиться; 3) представления о других людях как неприятных и отталкивающих от себя в общении или каком-то взаимодействии с ними; 4) представления о мире, диктующем определенные правила жизни, поведения (Рызова, 2018). Данная классификация находит подтверждение в современных исследованиях академической прокрастинации. Например, была обнаружена *«прямая корреляционная связь между прокрастинацией и катастрофикацией»*.

Чем выше у студентов склонность преувеличивать значимость проблем и эмоционально бурно на них реагировать вследствие столкновения идеализированных представлений о себе и окружающих с реальностью, тем выше уровень прокрастинации. Также выявлена прямая корреляционная связь между прокрастинацией и гипернормативностью. Иными словами, отождествление себя с социальными нормами, перфекционизм, стремление обезопасить себя за счет тщательного следования нормам и социальным предписаниям приводит к повышению уровня прокрастинации» (Кондрашихина, 2023, с. 373).

Тем не менее высокий уровень прокрастинации не всегда является следствием тех или иных иррациональных установок личности, поэтому нельзя их рассматривать как ключевой предиктор когнитивной сферы у прокрастинатора (Сманов, 2023).

Гештальтпсихология также большое внимание уделяет когнитивной сфере, но основным индикатором прокрастинации считается уход от актуальных дел и мысленное возвращением к ним в памяти, т. е. формирование незавершенного гештальта, мучающего своего автора и приводящего к невротизации и деструкции личности.

Прокрастинация здесь рассматривается как нарушение основного принципа жизни здоровой личности – «здесь и сейчас», помогающего развить навыки саморазвития и саморегуляции. Согласно позиции отечественных ученых, «успеваемость и деструктивные проявления личности взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Процесс развития деструктивных тенденций у слабоуспевающих студентов происходит в связи с незрелостью регуляторных механизмов в учебной деятельности, что характеризуется низкой успеваемостью, развитием дезадаптивных тенденций – снижением самооценки, отрицанием учебной деятельности, негативизмом» (Злоказов, 2011, с. 111). Данная закономерность (влияние уровня волевой саморегуляции на академическую прокрастинацию) отмечается в ряде отечественных исследований (Теплов, 2024; Платонова, 2025). При этом «студенты-прокрастинаторы проявляют большую склонность к анализу прошлого опыта в целом и собственных ошибок в частности. Кроме того, прокрастинаторы не всегда могут оценить, насколько их действия соответствуют текущей ситуации, и своевременно вносить необходимые изменения в свою деятельность» (Теплов, 2024, с. 81).

В отечественной **теории деятельности** прокрастинация объясняется неумением видеть успех в достижении поставленной цели из-за отсутствия способности к поэтапному ее достижению через решение конкретных задач.

Навыки планирования и постепенного решения вопросов формируют убежденность в достижении поставленной цели и уверенность в собственных силах. Такие мотивационные факторы, как ориентация на себя, цель и процесс могут вызвать различные трудности в учебной и профессиональной деятельности: нежелание выходить из «зоны комфорта», отсутствие перспектив и смысла развития в своем деле, проблемы с поэтапным достижением через постановку и решение ряда задач, соответственно.

При этом не стоит забывать, что активность личности может быть predetermined в равной степени как желанием достичь успеха, так и опасением потерпеть неудачу, которая «закрывает дверь в комнату личного комфорта, но одновременно открывает окно для возникновения тревожных состояний, свойственных прокрастинации»¹. Понимание необходимости изменения и принятие идеи о том, что личностно значимая цель делает жизнь более интересной и эмоционально насыщенной, борьба мотивов является нормой, сопровождающей личность на пути к успеху, а опыт планирования в других важных делах становится помощником, закладывает определенную базу для формирования самостоятельности и ответственности как в учебной, так и в профессиональной деятельности.

¹ Реан, А. А. (2013). *Психология личности: учебное пособие*. Издательство «Питер».

Исследование, проведенное на взрослой выборке испытуемых в возрасте от 21 до 53 лет с высшим образованием, показало, что мотивация на успех, с одной стороны, и уровень прокрастинации с неадаптивными проявлениями перфекционизма – с другой, образуют отрицательную корреляционную связь, при этом отмечаются положительные корреляции между дезадаптивными параметрами перфекционизма (беспокойством о чужих оценках и негативном отборе) и прокрастинацией (Medina Brakamonte et al., 2024).

Китайскими спортивными психологами были получены интересные результаты исследования, подчеркивающие роль прокрастинации в выполнении физических упражнений, когда длительный временной разрыв между намерением и поведением спортсмена влияет на его физическую активность и желание заниматься спортом. По мнению авторов исследования, прокрастинация в спортивной деятельности выступает промежуточным звеном между намерением заниматься спортом и самим занятием спортом. Таким образом, чтобы избежать прокрастинации в вопросах спорта и укрепления здоровья, необходимо развивать навыки саморегуляции, позволяющие незамедлительно переходить от намерения к действию (Miao, Chen, & Zhou, 2024).

Глубинная психология объясняет причины прокрастинации работами Эриха Фромма, где конфликт двух разнонаправленных мотивов – быть самостоятельным, ответственным за свою жизнь и при этом иметь возможность радоваться, развлекаться, наслаждаться жизнью – является удобной площадкой для формирования прокрастинации. По мнению Фромма, свободное время, которое сам человек высвобождает для себя, уходя от решения насущных дел, «стало объектом манипулирования со стороны индустрии потребления», лишая человека самостоятельности и подсаживая на иглу потребления (Фромм, 2015, с. 320).

Эволюционно-структурная психология, описанная в работах М. А. Щербакова, выделяет прежде всего различия в восприятии времени: линейном и мгновенном, что может выступить фактором возникновения прокрастинации (Щербаков, 1998).

Прокрастинация основывается на мгновенном восприятии времени, поэтому свойственна людям со слабыми навыками планирования и со слабой способностью видеть жизнь в более или менее далекой перспективе. Пока проблема не проявилась со всеми сопутствующими ей переживаниями, прокрастинатор не только не пытается ее разрешить, но и не думает о ней. Иными словами, студенты-прокрастинаторы действуют, ориентируясь на спонтанное поведение и текущее бесцельное времяпровождение, откладывая достижение личностных, учебных и профессиональных целей на более поздний, неопределенный срок (Ветрова, 2022).

В линейной парадигме восприятия времени наоборот подчеркивается необходимость, во-первых, нахождения способа изменить ситуацию так, чтобы она больше не была проблемой, во-вторых, принятия на себя ответственности за свою жизнь.

Социальная психология подчеркивает важность активного взаимодействия и взаимозависимость субъектов деятельности в групповой работе, сопровождающейся активным стремлением завершить поставленную задачу вовремя. Как было показано зарубежными исследованиями, совместная работа в группе повышает у студентов положительный настрой и снижает проявления академической прокрастинации (Korpenborg & Klingsieck, 2022).

Таким образом, при многообразии различных точек зрения о причинах возникновения прокрастинации, авторы едины в одном – данный феномен не может быть однобоко рассмотрен характерологическим описанием ленивого человека, так как механизм возникновения привычки откладывать дела «на потом» затрагивает и когнитивную, и эмоционально-волевую сферы личности.

Методология, методы и материалы исследования

Академическая прокрастинация сегодня подробно изучена отечественными и зарубежными специалистами. Исходя из проведенного анализа актуальных работ по данной проблеме, теоретическая модель проведенного исследования в большей степени опиралась на когнитивный подход к изучению данного феномена, т. е. была ориентирована на обнаружение механизмов возникновения прокрастинации в области личных оценок, суждений и представлений о себе и окружающих. При этом методология исследования предполагала сравнение причин прокрастинации сознательной и бессознательной сферы личности.

Цель исследования заключалась в изучении психологических механизмов возникновения прокрастинации и обнаружении закономерностей ее проявления в студенческом возрасте.

Задачи исследования состояли в определении причин, вызывающих феномен прокрастинации у студентов; понимании роли самой прокрастинации в формировании у студентов социально-психологических установок, характеризующих отношение к учебе и сравнении возможных причин прокрастинации, лежащих в области сознательного контроля и неосознаваемых мотивов.

Психологическое исследование проводилось на базе Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» среди студентов 1 и 2 курсов. Выбор испытуемых неслучаен, так как именно на младших курсах чаще всего фиксируются проявления академической прокрастинации.

В исследовании приняли участие 100 человек. Предварительно выборка испытуемых по курсам и полу была равная: по 25 мужчин и женщин как первокурсников, так и второкурсников.

Анализ данных проводился при помощи непараметрических инструментов статистики:

1. Корреляционный анализ – коэффициент Спирмена (R).
2. Выявление различий в независимых выборках исследования (обнаружение причинной обусловленности): критерия Манна–Уитни (U) и Крускала–Уоллиса (H).

Методами исследования выступили:

- 1) опросник «Степень выраженности прокрастинации» (М. А. Киселева);
- 2) опросник «Life Style Index» («Индекс жизненного стиля»), позволяющий диагностировать систему механизмов психологической защиты личности (адаптация Е. С. Романовой);
- 3) методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О. Ф. Потемкина);
- 4) «Eysenck Personality Inventory» («Личностный опросник Айзенка»), диагностирующий уровень экстраверсии-интроверсии и нейротизма;
- 5) метод ранжирования представлений о причинах прокрастинации (иррациональные негативные суждения; трудности на начальном этапе работы; сложности планирования самой работы; проблемы со вниманием; перфекционизм; недостатки воли, борьба двух мотивов; опасение за будущие результаты, неуверенность в собственных силах).

Результаты исследования

Результаты исследования представлены в рисунках и таблицах, с последующим их пояснением.

На первом этапе исследования были получены данные по опроснику «Степень выраженности прокрастинации».

Как видно на рисунке 1, в выборке испытуемых отсутствуют данные с низкой степенью выраженности по шкале «Общая прокрастинация».

Результаты диагностики показали, что высокий уровень тревожности и обеспокоенности перед принятием важных решений встречается у каждого третьего участника исследо-

вания (рис. 2). Примерно такой же статистический показатель высокого уровня и у шкалы «Перфекционизм» (29 %). Менее существенным фактором, влияющим на возникновение прокрастинации, является мотивационная недостаточность студентов, т. е. низкая волевая саморегуляция.

Средние значения факторов общей прокрастинации студентов находятся в диапазоне умеренной степени выраженности (4–6 баллов), при максимально возможном показателе по диагностике в 10 баллов. Женщины в большей степени проявляют обеспокоенность и пассивность в ситуации решения важных дел (рис. 3).

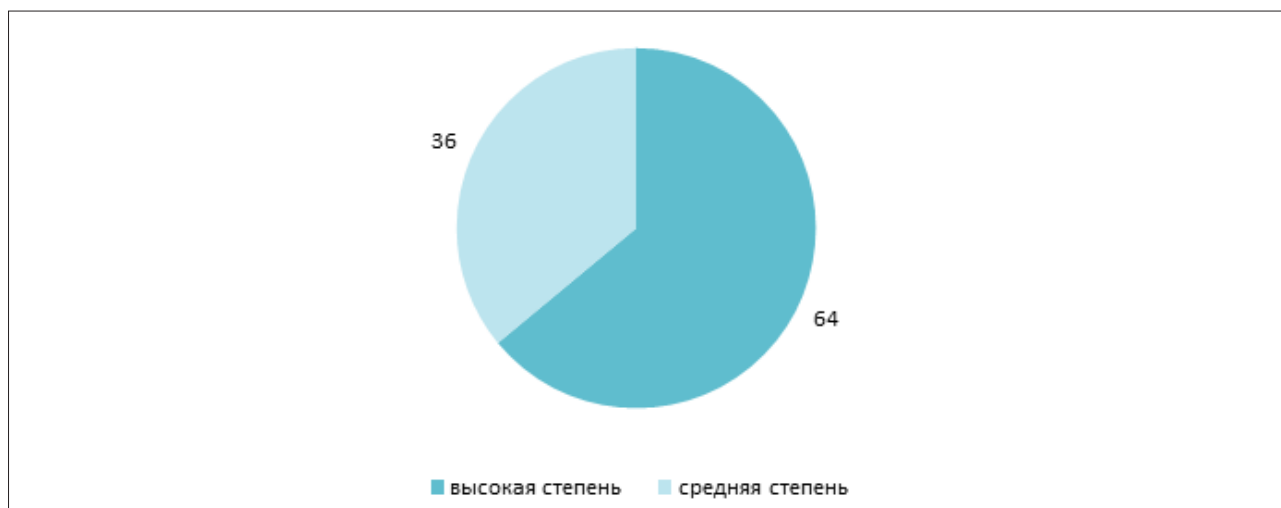

Рис. 1. Результаты исследования общей прокрастинации (%)

Fig. 1. Results of the study of general procrastination (%)

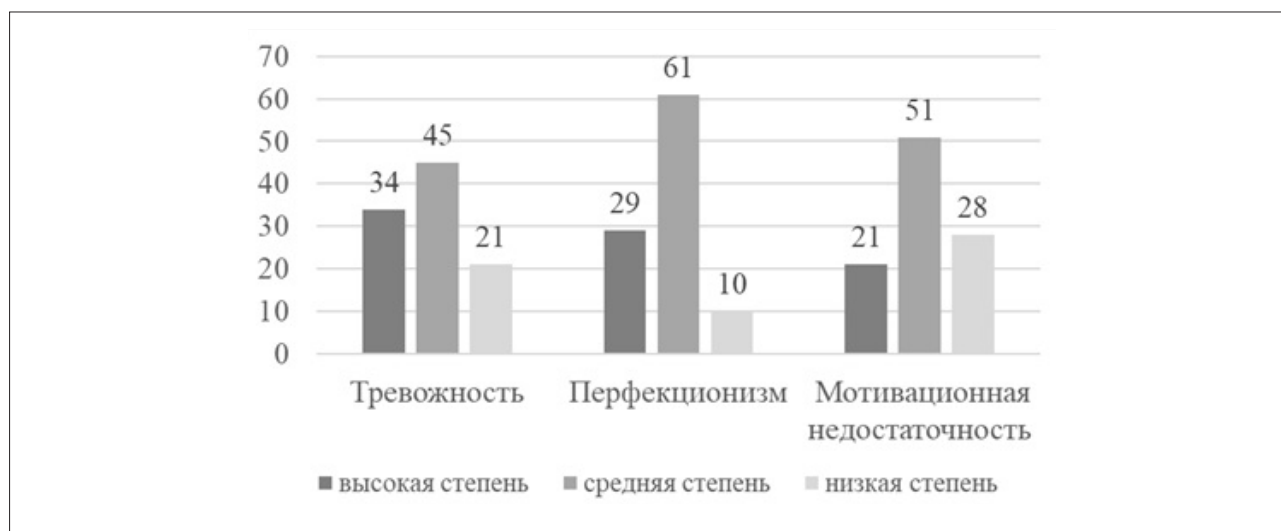

Рис. 2. Результаты исследования факторов* прокрастинации (%)

Fig. 2. Results of the study of procrastination factors (%)

* термин введен автором М. А. Киселевой в 2015 году.

Есаулов М. Н., Омерова Н. Л., Паршутин И. А. / Esaulov M. N., Omerova N. L., Parshutin I. A.

Анализ изменений факторов общей прокрастинации студентов за два года* (2024 и 2025 гг. набора) показал, что ко второму курсу возрастают значения перфекционизма, при этом отмечается снижение тревожности обучающихся; мотивационная недостаточность как фактор общей прокрастинации не претерпевает изменений (рис. 4).

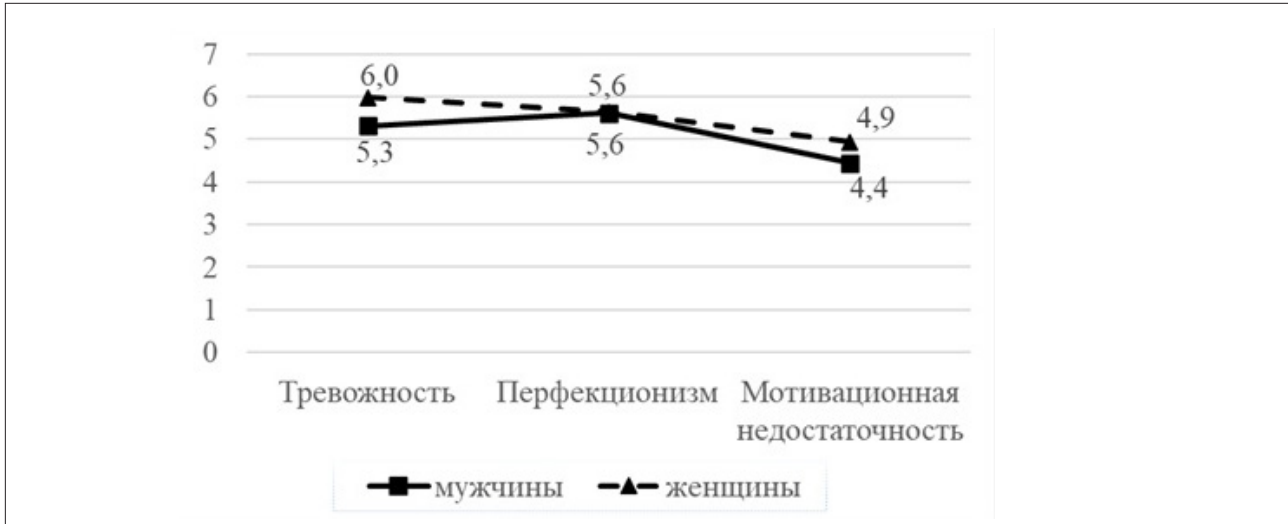

Рис. 3. Половые отличия факторов прокрастинации (ср. знач.)

Fig. 3. Gender differences in procrastination factors (mean values)

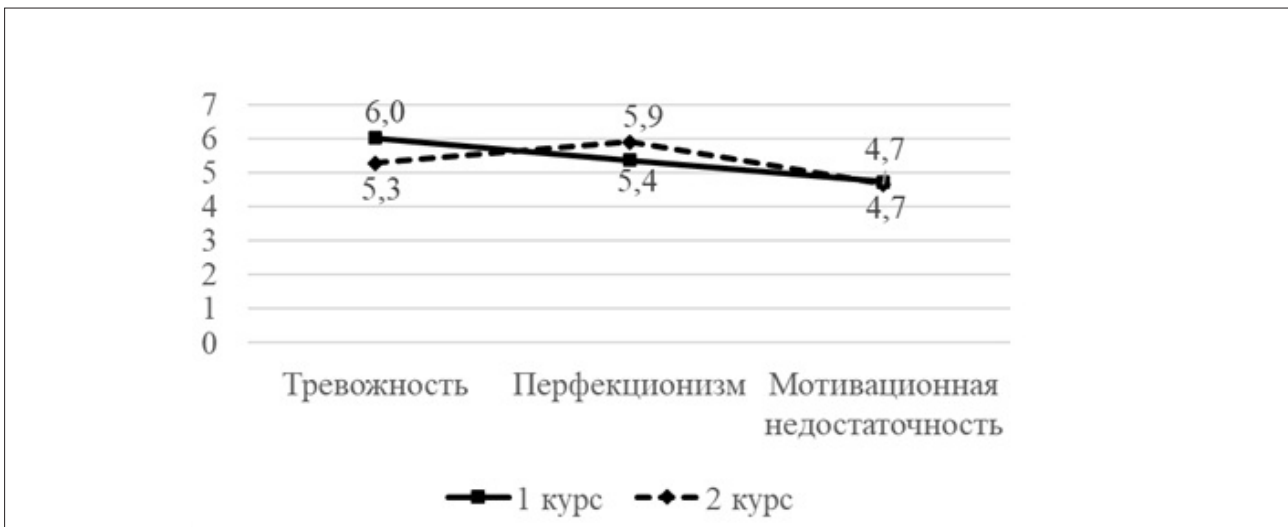

Рис. 4. Динамика факторов прокрастинации (ср. знач.)

Fig. 4. Dynamics of procrastination factors (mean values)

* Студенты 1 и 2 курсов в исследовании представляют несвязанные выборки; возможность анализа динамики прокрастинации на двух несвязанных группах продиктована фактом схожести психологического портрета абитуриентов, поступающих в МИФИ.

Выявленные значения студентов по годам обучения также находятся в диапазоне средней степени выраженности (4–6 баллов).

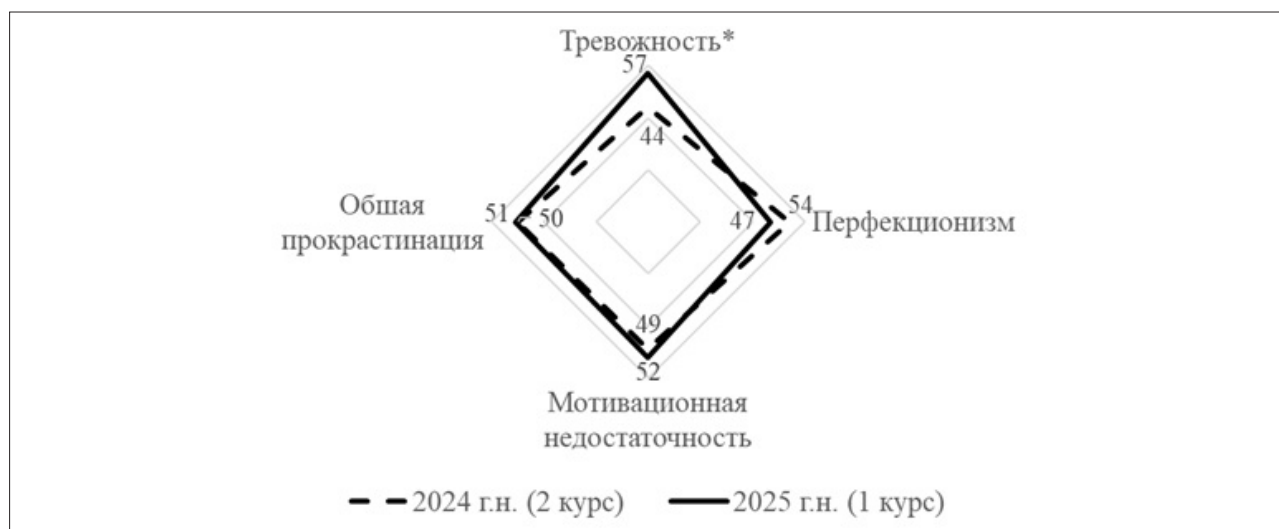
Результаты статистического анализа показали, что студенты 1 и 2 курсов заметно отличаются друг от друга только по такому компоненту прокрастинации, как фактор тревожности. По остальным показателям прокрастинации достоверных различий не выявлено (рис. 5).

На втором этапе при помощи критерия Крускала-Уоллиса (H) – альтернативы однофакторного дисперсионного анализа – были выявлены причинно-следственные закономерности, относящиеся к теме исследования (табл. 1). Группы сравнения независимой переменной («причины») комплектовались в соответствии с тремя уровнями диагностических значений: низкими, средними, высокими, за исключением ранговых показателей представлений о причинах прокрастинации, где использовалось семизначное деление на группы сравнения.

Таблица 1. Результаты применения статистического метода ANOVA

Table 1. Results of applying the ANOVA statistical method

Причина	Следствие	Kruskal-Wallis test (H)	p-level
Регрессия	Тревожность	9,2	<0,01
Подавление	Мотивационная недостаточность	11,4	<0,01
Интеллектуализация		5,9	<0,05
Нейрогизм	Перфекционизм	7,8	<0,05
	Тревожность	13,2	<0,01
Иррациональные негативные суждения	Перфекционизм	11,9	<0,05

*p<0,05 (критерий Манна-Уитни, U)

Рис. 5. Отличительные особенности прокрастинации студентов 1 и 2 курсов (ср. ранги)

Fig. 5. Distinctive features of procrastination among first- and second-year students (mean ranks)

Есаулов М. Н., Омерова Н. Л., Паршутин И. А. / Esaulov M. N., Omerova N. L., Parshutin I. A.

Поскольку диагностика общей прокрастинации студентов выявила наличие только двух диапазонов значений (средняя и высокая степень, рис. 1), для решения задачи о роли общей прокрастинации в формировании социально-психологических установок использовался ранговой критерий различий Манна-Уитни (рис. 6).

Рис. 6. Особенности социально-психологических установок (ср. ранги)

Fig. 6. Features of socio-psychological attitudes (mean ranks)

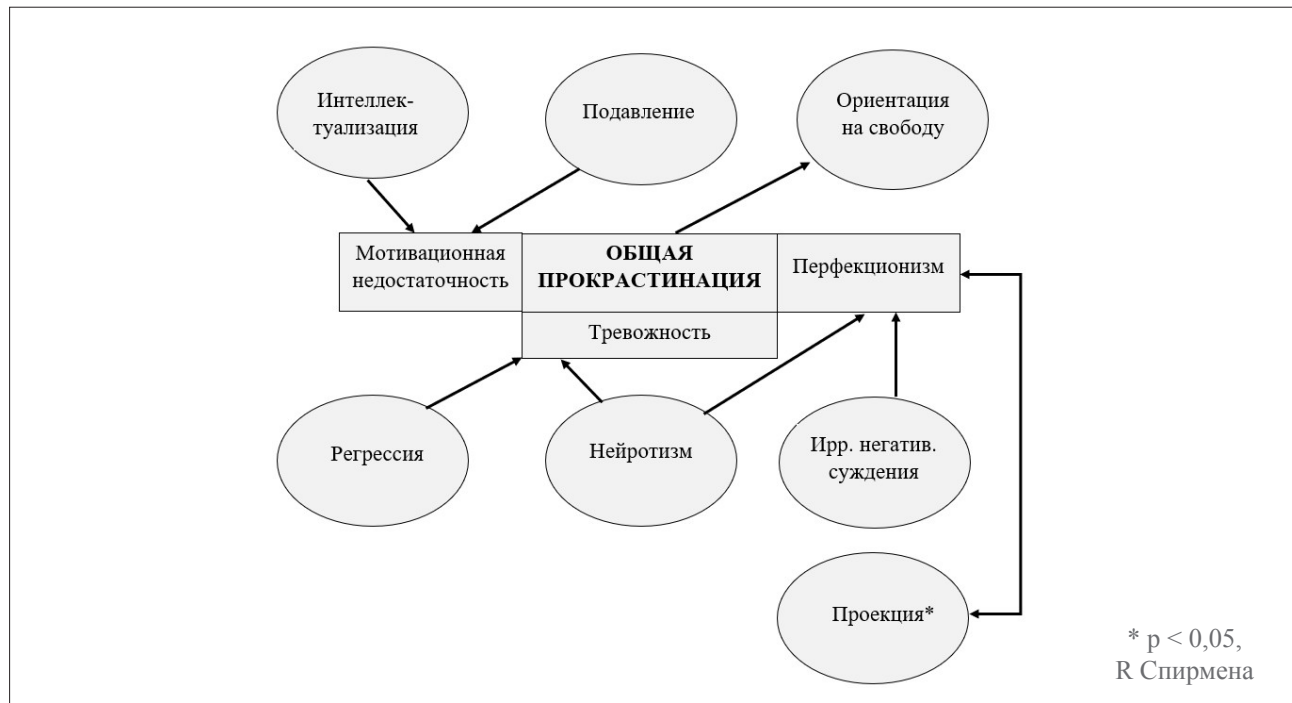

Рис. 7. Механизмы общей прокрастинации

Fig. 7. Mechanisms of general procrastination

Таблица 2. Корреляционные зависимости факторов общей прокрастинации

Table 2. Correlation dependencies of general procrastination factors

Общая выборка				
	1	2	3	4
1. Тревожность				
2. Перфекционизм	0,16			
3. Мотивационная недостаточность	0,33*	0,17		
4. Общая прокрастинация	0,73*	0,57*	0,72*	
Мужчины				
1. Тревожность				
2. Перфекционизм	0,05			
3. Мотивационная недостаточность	0,27	0,05		
4. Общая прокрастинация	0,66*	0,56*	0,68*	
Женщины				
1. Тревожность				
2. Перфекционизм	0,25			
3. Мотивационная недостаточность	0,37*	0,25		
4. Общая прокрастинация	0,79*	0,59*	0,73*	

* $p < 0,01$ (коэффициент Спирмена, R)

На третьем этапе исследования были получены результаты корреляционного анализа, позволившего, с одной стороны, уточнить характер выявленных статистически значимых различий предыдущего этапа оценки данных (причинно-следственные связи), а с другой – подтвердить их объективность, т. е. убедиться в согласованности полученных результатов.

Как видно из данных таблицы 2, в общей выборке испытуемых фактор тревожности сильнее всего определяет степень проявления прокрастинации, при этом он снижает мотивацию к деятельности у студентов, преимущественно женского пола.

Рисунок 7 демонстрирует механизмы прокрастинации на двух уровнях установления причинно-следственных связей: 1) влияние самой прокрастинации на поведение студентов; 2) причинная обусловленность факторов общей прокрастинации, что определено поставленной задачей исследования.

Поскольку совместить в одном рисунке результаты проведенного статистического анализа данных исследования технически сложно, в данной иллюстрации предусмотрены условные обозначения, которые помогают лучше ориентироваться в представленных связях: односторонние стрелки указывают на результаты обнаружения причинной обусловленности (критерий Краскела-Уоллиса или Манна-Уитни), обратные стрелки – взаимозависимости (коэффициент Спирмена).

Как видно на рисунке 7, общая прокрастинация в студенческой выборке определяет ориентацию на свободу, что в академической среде может привести к независимой позиции в отношении сроков выполнения необходимых учебных работ.

Фактор тревожности обусловлен, с одной стороны, бессознательным обращением личности к более ранним, но менее зрелым формам поведения или эмоционального реагирования на возникающие трудности и проблемы в студенческой жизни (регресс); с другой стороны, низкой эмоциональной устойчивостью студента, проявляющейся в сложностях адаптации к типичным стрессорам обучения (нейротизм).

Мотивационная недостаточность также имеет мало осознаваемую природу возникновения. В ее основе лежат такие механизмы защиты личности, как интеллектуализация, т. е. «удобное» объяснение собственного простоя в учебе, и подавление – мотивированное забывание необходимости выполнения важных дел.

Перфекционизм, как и тревожность, характерен для студентов с более выраженными показателями нейротизма. Психологическую основу перфекционизма составляют иррациональные суждения студентов о собственной некомпетентности в решении учебных задач. Проведенный корреляционный анализ позволил дополнить картину возникновения перфекционизма в студенческом возрасте. Испытуемые, склонные к проявлению перфекционизма, отличаются более высокими диагностическими значениями по шкале проекции. В работе данная закономерность подтвердилась на уровне выявленной корреляционной связи между значениями фактора перфекционизма и проекции ($p < 0,05$, $R = 0,21$).

Стоит отметить, что причинная обусловленность прокрастинации факторами тревожности, перфекционизма и мотивационной недостаточности специально не проверялась статистическими методами, так как данная связь априори предусмотрена теоретическим обоснованием опросника «Степень выраженности прокрастинации» (Киселева, 2015).

В завершение исследования были проранжированы представления студентов о семи причинах прокрастинации, которые находят подтверждение в многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях (рис. 8). Для простоты анализа данных на рисунке 8 выборы испытуемых сокращены до трех рангов вместо семи изначальных. По мнению студентов, основными причинами прокрастинации являются проблемы со вниманием (отвлекаемость, переключаемость на другие задачи) и сложности в планировании работы, неясность ее конкретного результата (цели).

Рис. 8. Ранжирование представлений о причинах прокрастинации (%)

Fig. 8. Ranking of perceptions of the causes of procrastination (%)

Обсуждение результатов исследования

Последовательность обсуждения результатов проведенного исследования соответствует трем этапам, представленным выше: 1) средние значения прокрастинации, ее половые различия и динамика за два года; 2) закономерности проявления прокрастинации, выступающей в качестве как причины, так и следствия полученных результатов исследования; 3) анализ данных, позволяющий опередить механизмы возникновения и проявления прокрастинации в студенческом возрасте.

Во-первых, подчеркнем, что отсутствие по итогам диагностического обследования испытуемых с низкой степенью выраженности общей прокрастинации свидетельствует об актуальности проблемы исследования и значимости полученных результатов, раскрывающих механизм возникновения данного феномена в студенческом возрасте.

Как отмечалось зарубежными и отечественными исследователями, половые отличия в оценках прокрастинации не являются значимыми. Тем не менее тревожное состояние как причина и спутник прокрастинации отчетливее выражено в выборке женщин.

Особенности динамики факторов общей прокрастинации позволяют прийти к мнению о том, что опыт решения первокурсниками актуальных учебных задач, связанных с оперативным предоставлением выполненных зачетных работ, помогает студентам обрести уверенность в собственных силах и снизить тревожность. При этом рост перфекционизма ко второму курсу может объясняться усилением учебной конкуренции в группах, где после сессий первого курса остались наиболее сильные и адаптивные к нагрузкам студенты.

Во-вторых, фактор тревожности студентов необходимо рассматривать как главную причину, «локомотив», который разгоняет академическую прокрастинацию. Если рассматривать прокрастинацию не как следствие чего-либо, а наоборот, как причину тех или иных личностных характеристик студентов, заслуживает внимания факт, что в группе с высокими показателями общей прокрастинации статистически достоверно выше значение установки на свободу, независимость в поступках и принятии решений ($p < 0,05$, U Манна-Уитни). В то же время студенты с умеренной степенью прокрастинации, наоборот, ценят возможность влиять на других, показывать свою власть, и стремятся к увеличению своего благосостояния.

В-третьих, перфекционизм студентов как один из трех основных факторов прокрастинации берет начало из самокритики, личного объяснения затягивания дел наличием негативных иррациональных установок в отношении своей состоятельности решить те или иные учебные вопросы. При этом не стоит отбрасывать и неосознаваемые механизмы – через защитный характер проекции ответственный и «сильный» студент не желает разделять судьбу своих товарищей, которые начинают немного отставать в учебе, и через упрек самому себе старается быть лучше, чем они, стремясь к более высокому результату.

В свою очередь, фактор тревожности, сопровождающий каждого третьего студента, обусловлен бессознательным обращением в сложных ситуациях обучения в вузе к такому механизму психологической защиты личности, как регрессия, которая позволяет справиться с тревогой с помощью «детского багажа» реакций (снижение критичности, эмоциональная незрелость, импульсивность, избегание ответственности). Также велика роль и нейротизма (низкой эмоциональной устойчивости), определяющего возникновение тревожно-беспокойного состояния и снижающего адаптацию первокурсников к новым условиям и требованиям обучения, что мешает преодолению стрессовых ситуаций в академической среде.

Наконец, фактор мотивационной недостаточности оказывает самое непосредственное влияние на закрепление привычки «откладывать все на потом». Причины мотивационной недостаточности находятся в мало осознаваемой области такого механизма психологической защиты, как интеллектуализация, предлагающего «удобные» объяснения и оправдания прокрастинации.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать ряд основных выводов.

1. В ходе исследования выяснилось, что факторы общей прокрастинации студентов являются второстепенной причиной возникновения данного феномена, так как обусловлены мало осознаваемыми механизмами психологической защиты личности.

2. Изложенный вывод подтверждается тем, что объективные тестовые оценки условий возникновения прокрастинации расходятся с личными представлениями самих студентов о ее причинах, где проблема с вниманием считается ключевой.

3. Первый год обучения в престижном инженерно-техническом вузе во многом сопряжен с тревожными ожиданиями студентов о результатах сессионных экзаменов, что выступает ключевым фактором, провоцирующим возникновение академической прокрастинации. Но высокая личностная тревожность, как показало исследование, может быть конституционной особенностью личности, связанной с повышенной лабильностью нервной системы.

4. Высокая степень прокрастинации способствует формированию у студентов установки на независимость в принятии решений и поступках, в то время как умеренная раскрывает стремление к власти, лидерству и материальному благополучию.

Анализ литературы по проблеме академической прокрастинации и результаты проведенного исследования позволяют обозначить существенные направления ее профилактики:

– отказ от иррационально негативных суждений, формирующих автоматические представления о собственной некомпетентности в решении таких вопросов, где необходимо приложение волевых усилий;

– ориентация на проживание и решение насущных проблем в настоящем времени, «здесь и сейчас», так как значимость собственного эмоционального одобрения выполненных задач в настоящем гораздо сильнее, чем при отсроченным решением;

– формирование способности постепенного психологического погружения в умственную деятельность через планирование пошагового достижения цели и понимания механизма возникновения послепроизвольного внимания, для поддержания которого уже не требуются волевые усилия;

– нахождение баланса между желанием развлечься, расслабиться и зрелым, самостоятельным поступком и решением;

– осознание времени как невозможного ресурса, что формирует бережное к нему отношение;

– снижение зависимости от мнения авторитарных личностей, в отношении которых отмечается гиперчувствительностью к любым замечаниям, например, к оценкам авторитарных преподавателей;

– использование художественных форм воспитания волевых качеств через кинофильмы и книги, например, пятиминутный фрагмент из фильма «Мы купили зоопарк», где герой говорит о том, что «...однажды в жизни нужно сделать важное решение, и хватает двадцати секунд безумной храбрости для того, чтобы произошло чудо».

Список литературы

- Болотова, А. К. (2023). Феномен прокрастинации в различных видах профессиональной деятельности. В *Приверженность вопросам психического здоровья: материалы IV Международной научно-практической конференции* (Москва, 05–07 октября 2023 года, стр. 31–39). Москва: Российский университет дружбы народов.
- Ветрова, О. А. (2022). Академическая прокрастинация в студенческой среде: социологический анализ. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 12 (1), 167–181. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-167-181>

- Денисенко, Ю. С. (2021). Механизмы прокрастинации в парадигме глубинной психологии. *Психология и педагогика в Крыму: пути развития*, 1, 45–52.
- Злоказов, К. В. (2011). Исследование уровня успеваемости студентов в связи с особенностями деструктивности личности. *Педагогическое образование в России*, 1, 106–112.
- Киселева, М. А. (2015). Теоретическое обоснование опросника «Степень выраженности прокрастинации» (СВП). *Сборники конференций НИЦ Социосфера*, 10, 23–27.
- Ковылин, В. С. (2013). Теоретические основы изучения феномена прокрастинации. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 2 (2), 22–41.
- Кондрашихина, О. А. (2023). Взаимосвязь когнитивных искажений и прокрастинации у студентов в контексте современного образования. *Осовские педагогические чтения "Образование в современном мире: новое время – новые решения"*, 1, 370–374.
- Кукла, А. (2023). *Ментальные ловушки: Глупости, которые делают разумные люди, чтобы испортить себе жизнь*. Москва: Альпина Паблишер.
- Куприянчук, Е. В. (2019). Особенности прокрастинации студенческой молодежи. *Страховские чтения*, 27, 197–203.
- Микляева, А. В., Реброва, Д. С., Савинская, А. С. (2017). Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, 19, 59–66.
- Панкратова, А. М., Кузнецова М. Н. (2018). Прокрастинация в студенческой среде. *Форум молодых ученых*, 6-2 (22), 1069–1072.
- Платонова, Е. С. (2025). Взаимосвязь волевой саморегуляции и прокрастинации студентов. В О. К. Ирисханова (отв. ред.), *Collegium Linguisticum – 2025: тезисы докладов Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ* (Москва, 11–13 марта 2025 года, стр. 240). Москва: Московский государственный лингвистический университет.
- Рызова, С. В. (2018). Особенности автоматических мыслей при прокрастинации у студентов гуманитарных вузов. *Евразийский союз ученых*, 2-3 (47), 48–50.
- Сманов, Д. А. (2023). Когнитивные особенности и предикторы прокрастинации. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, 9 (2), 97–109. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-2-0-8>
- Соловьева, С. Д. (2024). Прокрастинация: что это такое и чем она отличается от лени. *Юный ученый*, 3 (77), 254–259.
- Теплов, А. В. (2024). Исследование специфики рефлексивности студентов с разным уровнем академической прокрастинации. *Ярославский психологический вестник*, 2 (59), 78–82.
- Фромм, Э. (2015). *Анатомия человеческой деструктивности* (пер. с нем. Э. М. Телятниковой). Москва: Издательство АСТ.
- Шевченко, К. И. (2024). Половые различия прокрастинации и смысловых ориентаций у студентов гуманитарных направлений обучения. В *Наука. Технологии. Инновации: сборник трудов XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых* (в 11-ти частях, часть 8, Новосибирск, 04–08 декабря 2023 года, стр. 158–161). Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет.
- Щербаков, М. А. (1998). *7 путешествий в структуру сознания. Теория и практика развития личности*. Москва: Институт развития личности.
- Южакова, И. О., Басалаева, Н. В. (2019). Изучение прокрастинации в студенческой популяции. В *Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: материалы VI-й Международной научно-практической конференции* (Красноярск, 22–23 ноября 2019 года, стр. 504–510). Красноярск: Издательство «Версо».

- Koppenborg, M., & Klingsieck, K. B. (2022). Social factors of procrastination: group work can reduce procrastination among students. *Social Psychology of Education*, 25 (1), 249–274. <https://doi.org/10.1007/s11218-021-09682-3>
- Lay, C. H. (1986). At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*, 20 (4), 474–495. [https://doi.org/10.1016/0092-6566\(86\)90127-3](https://doi.org/10.1016/0092-6566(86)90127-3)
- Medina Brakamonte, N. A., Kitaeva, E. M., Medina Brakamonte, D. D., & Chubun, I. Yu. (2024). Personal disposition to perfectionism and procrastination as a factor for motivation toward success: Adult students' case (In English). *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (4), 731–742. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.410>
- Miao, M., Chen, Y., & Zhou, Zh. (2024). Procrastination in the Intention–Behaviour gap: Exercise procrastination and the moderating role of emotion. *Psychology of Sport and Exercise*, 74, 102672. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2024.102672>
- Milgram, N. A., Batori, G., & Mowrer, D. (1993). Correlates of Academic Procrastination. *Journal of School Psychology*, 31 (4), 487–500. [https://doi.org/10.1016/0022-4405\(93\)90033-F](https://doi.org/10.1016/0022-4405(93)90033-F)
- Rahimi, S., Hall, N. C., & Sticca, F. (2023). Understanding academic procrastination: A Longitudinal analysis of procrastination and emotions in undergraduate and graduate students. *Motivation and Emotion*, 47 (4), 554–574. <https://doi.org/10.1007/s11031-023-10010-9>
- Sujadi, E., & Sulistiyo, U. (2025). Smartphone Addiction, Religiosity, and Academic Procrastination among College Students: The Mediating Role of Self-esteem and Self-regulated Learning. *Psychological Science and Education*, 30 (1), 67–80. <https://doi.org/10.17759/pse.2025300105>

References

- Bolotova, A. K. (2023). Fenomen prokrastinacii v razlichnyh vidah professional'noj deyatel'nosti. V *Priverzhennost' voprosam psichicheskogo zdorov'ya: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Moskva, 05–07 oktyabrya 2023 goda, str. 31–39). Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov.
- Vetrova, O. A. (2022). Akademicheskaya prokrastinaciya v studencheskoj srede: sociologicheskij analiz. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, 12 (1), 167–181. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-167-181>
- Denisenko, Yu. S. (2021). Mekhanizmy prokrastinacii v paradigme glubinoj psihologii. *Psihologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya*, 1, 45–52.
- Zlokazov, K. V. (2011). Issledovanie urovnya uspevaemosti studentov v svyazi s osobennostyami destruktivnosti lichnosti. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 1, 106–112.
- Kiseleva, M. A. (2015). Teoreticheskoe obosnovanie oprosnika «Stepen' vyrazhennosti prokrastinacii» (SVP). *Sborniki konferencij NIC Sociofera*, 10, 23–27.
- Kovylin, V. S. (2013). Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena prokrastinacii. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie*, 2 (2), 22–41.
- Kondrashihina, O. A. (2023). Vzaimosvyaz' kognitivnyh iskazhenij i prokrastinacii u studentov v kontekste sovremennogo obrazovaniya. *Osovskie pedagogicheskie chteniya "Obrazovanie v sovremennom mire: novoe vremya – novye resheniya"*, 1, 370–374.
- Kukla, A. (2023). *Mental'nye lovushki: Gluposti, kotorye delayut razumnye lyudi, chtoby isportit' sebe zhizn'*. Moscow: Al'pina Publisher.
- Kupriyanchuk, E. V. (2019). Osobennosti prokrastinacii studencheskoj molodezhi. *Strahovskie chteniya*, 27, 197–203.
- Miklyaeva, A. V., Rebrova, D. S., Savinskaya, A. S. (2017). Akademicheskaya prokrastinaciya v studencheskoj srede: rezul'taty empiricheskogo. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 19, 59–66.

- Pankratova, A. M., Kuznecova M. N. (2018). Prokrastinaciya v studencheskoj srede. *Forum molodyh uchenyh*, 6-2 (22), 1069–1072.
- Platonova, E. S. (2025). Vzaimosvyaz' volevoj samoregulyacii i prokrastinacii studentov. V O. K. Iriskhanova (otv. red.), *Collegium Linguisticum – 2025: tezisy dokladov Ezhegodnoj konferencii Studencheskogo nauchnogo obshchestva MGLU (Moskva, 11–13 marta 2025 goda, str. 240)*. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticeskij universitet.
- Ryzova, S. V. (2018). Osobennosti avtomaticheskikh myslej pri prokrastinacii u studentov gumanitarnyh vuzov. *Evrazijskij soyuz uchenyh*, 2-3 (47), 48–50.
- Smanov, D. A. (2023). Kognitivnye osobennosti i prediktory prokrastinacii. Nauchnyj rezul'tat. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*, 9 (2), 97–109. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-2-0-8>
- Solov'eva, S. D. (2024). Prokrastinaciya: chto eto takoe i chem ona otlichaetsya ot leni. *Yunyj uchenyj*, 3 (77), 254–259.
- Teplov, A. V. (2024). Issledovanie specifiky refleksivnosti studentov s raznym urovnem akademicheskoy prokrastinacii. *Yaroslavskij psihologicheskij vestnik*, 2 (59), 78–82.
- Fromm, E. (2015). *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* (per. s nem. E. M. Telyatnikovoj). Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Shevchenko, K. I. (2024). Polovye razlichiya prokrastinacii i smyslovyh orientacij u studentov gumanitarnyh napravlenij obucheniya. V *Nauka. Tekhnologii. Innovacii: sbornik trudov XVII Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh (v 11-ti chastyah, chast' 8, Novosibirsk, 04–08 dekabrya 2023 goda, str. 158–161)*. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet.
- Shcherbakov, M. A. (1998). *7 putestestvij v strukturu soznaniya. Teoriya i praktika razvitiya lichnosti*. Moscow: Institut razvitiya lichnosti.
- Yuzhakova, I. O., Basalaeva, N. V. (2019). Izuchenie prokrastinacii v studencheskoj populyacii. V *Psihologicheskoe zdorov'e cheloveka: zhiznennyj resurs i zhiznennyj potencial: materialy VI-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Krasnoyarsk, 22–23 noyabrya 2019 goda, str. 504–510)*. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo «Verso».
- Koppenborg, M., & Klingsieck, K. B. (2022). Social factors of procrastination: group work can reduce procrastination among students. *Social Psychology of Education*, 25 (1), 249–274. <https://doi.org/10.1007/s11218-021-09682-3>
- Lay, C. H. (1986). At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*, 20 (4), 474–495. [https://doi.org/10.1016/0092-6566\(86\)90127-3](https://doi.org/10.1016/0092-6566(86)90127-3)
- Medina Brakamonte, N. A., Kitaeva, E. M., Medina Brakamonte, D. D., & Chubun, I. Yu. (2024). Personal disposition to perfectionism and procrastination as a factor for motivation toward success: Adult students' case (In English). *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 14 (4), 731–742. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.410>
- Miao, M., Chen, Y., & Zhou, Zh. (2024). Procrastination in the Intention–Behaviour gap: Exercise procrastination and the moderating role of emotion. *Psychology of Sport and Exercise*, 74, 102672. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2024.102672>
- Milgram, N. A., Batori, G., & Mowrer, D. (1993). Correlates of Academic Procrastination. *Journal of School Psychology*, 31 (4), 487–500. [https://doi.org/10.1016/0022-4405\(93\)90033-F](https://doi.org/10.1016/0022-4405(93)90033-F)
- Rahimi, S., Hall, N. C., & Sticca, F. (2023). Understanding academic procrastination: A Longitudinal analysis of procrastination and emotions in undergraduate and graduate students. *Motivation and Emotion*, 47 (4), 554–574. <https://doi.org/10.1007/s11031-023-10010-9>
- Sujadi, E., & Sulistiyo, U. (2025). Smartphone Addiction, Religiosity, and Academic Procrastination among College Students: The Mediating Role of Self-esteem and Self-regulated Learning. *Psychological Science and Education*, 30 (1), 67–80. <https://doi.org/10.17759/pse.2025300105>

Есаулов М. Н., Омерова Н. Л., Паршутин И. А. / Esaulov M. N., Omerova N. L., Parshutin I. A.

Информация об авторах

Михаил Николаевич Есаулов – заведующий кафедрой физического воспитания Института общей профессиональной подготовки Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», кандидат технических наук, доцент.

Наталья Леонидовна Омерова – психолог Психологического центра Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

Игорь Александрович Паршутин – доцент кафедры психологии, социологии и антропологии Института фундаментальных проблем социо-гуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», кандидат психологических наук, доцент.

About the authors

Mikhail N. Esaulov – Head of the Department of Physical Education of National Research Nuclear University MEPHI, Cand. Sci. (Tech.), Docent

Natalia L. Omerova – Psychologist of the Psychological Center of National Research Nuclear University MEPHI.

Igor A. Parshutin – Associate Professor at the Department of Psychology, Sociology and Anthropology of Institute of Fundamental Problems of Social Sciences and Humanities of National Research Nuclear University MEPHI, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 11.07.2025

Одобрена после рецензирования 20.09.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted July 11, 2025

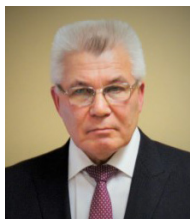
Approved after reviewing September 20, 2025

Accepted October 28, 2025

УДК 159.99

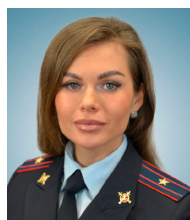
Основные направления деятельности руководителя в органах внутренних дел по разрешению конфликтов в коллективе

Михаил Иванович Марьин

Московский государственный психолого-педагогический университет
(Москва, Россия)
marin_misha@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1142-8857

Оксана Азатовна Терегулова

Академия управления МВД России
(Москва, Россия)
Ksunchik.88@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9309-1690

Аннотация

Введение. В статье изучены и обобщены основные подходы к понятию «конфликт в коллективе», рассмотрены причины и общая характеристика межличностных конфликтов в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, исследованы функции и классификации таких конфликтов. Определено, что деятельность руководителей подразделений органов внутренних дел требует не только высокого уровня профессиональной компетентности, но и готовности оказать помощь в решении разного рода межличностных и внутриличностных проблем. Работа руководителей по предотвращению и разрешению межличностных конфликтов имеет высокий уровень значимости и востребованности в связи с тем, что от профилактики и своевременной коррекции зависит успешность и результативность деятельности коллектива. **Методы исследования.** Анализ научных источников показывает значимость деятельности руководителя в предупреждении и преодолении конфликтов между сотрудниками, а также между руководством и сотрудниками. В статье проанализированы способы предотвращения, урегулирования и разрешения межличностных конфликтов. **Результаты.** Исследование стратегий поведения в конфликте позволило заключить, что в ситуации конфликта участники исследования ориентированы на использование конструктивных стратегий компромисса и сотрудничества. В ходе исследования агрессивности межличностных отношений определено, что для большинства участников исследования характерен средний и низкий уровень данного показателя, что позволяет предположить о недостаточном уровне проявления агрессии в открытом виде и проявления неблагоприятных конфликтных тенденций.

Ключевые слова

конфликты, полиция, стратегии поведения, органы внутренних дел, роль руководителя, конфликтологическая компетентность, компромисс, сотрудничество, участники конфликта

Для цитирования: Марьин, М. И., Терегулова, О. А. (2025). Основные направления деятельности руководителя в органах внутренних дел по разрешению конфликтов в коллективе. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 465–476.

Original paper

Main activities of heads of internal affairs departments in resolving conflicts in their staff

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology and Pedagogy

(Moscow, Russia)

marin_misha@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1142-8857

Oksana A. Teregulova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

(Moscow, Russia)

Ksunchik.88@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9309-1690

Abstract

Introduction. The article provides an overview and summary of the main approaches to the concept of “conflict in the staff”, examines the causes and general characteristics of interpersonal conflicts in the departments of the internal affairs agencies of the Russian Federation, and studies the functions and classifications of such conflicts. The authors conclude that the activities of heads of internal affairs departments require not only a high level of professional competence, but also a readiness to provide assistance in resolving various interpersonal and intrapersonal problems. The work of heads in preventing and resolving interpersonal conflicts is highly significant and required, as the success and effectiveness of the staff’s activities depend on prevention and timely correction. **Research methods.** The analysis of scientific literature reveals the importance of a head’s actions in preventing and resolving conflicts between employees, as well as between superiors and employees. The authors analyse the ways of preventing, regulating and resolving interpersonal conflicts. **Results.** The study of conflict behavioural strategies made it possible to conclude that, in conflict situations, the research participants are oriented towards using constructive strategies of compromise and cooperation. During the study of aggression in interpersonal relationships, it was determined that most research participants have medium and low levels of this indicator. It enables to assume an insufficient level of overt aggression and unfavourable conflict tendencies.

Keywords

conflicts, police, behavioural strategies, internal affairs agencies, leadership role, conflict management skills, compromise, cooperation, conflict participants

For citation: Maryin, M. I., Teregulova, O. A. (2025). Main activities of heads of internal affairs departments in resolving conflicts in their staff. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 465–476.

Вопросы, связанные с конфликтами, давно привлекают внимание исследователей в психологии. Конфликт – это многогранный и сложный феномен, который в той или иной мере присутствует в жизни любого индивида. Конфликтные ситуации играют существенную роль в урегулировании разногласий в социуме и снижении уровня стресса.

Обычно основное внимание уделяется отрицательным сторонам конфликта. Однако стоит отметить, что конфликт и его удачное разрешение нередко стимулируют прогресс в социальных связях (Бочкова, Мешкова, 2018, с. 50). Не менее важен и тот факт, что успешное разрешение внутренних противоречий способствует совершенствованию и развитию личности.

Конфликт в основном понимается как специфический вид социального взаимодействия, разворачивающийся между несколькими участниками. Этими участниками могут быть как отдельные личности, так и группы людей (Лапшин, Шаманин, 2023, с. 204). К числу наиболее распространенных причин возникновения конфликтов относятся различия в интересах, ценностях, устремлениях, желаниях, установках и мотивах (James, James, & Vila, 2018, с. 115). Кроме того, важную роль в возникновении и развитии конфликтной ситуации играют особенности восприятия конфликта его участниками, а также степень их осведомленности о стратегиях урегулирования конфликтов. Эти факторы в совокупности определяют потенциальные пути разрешения и преодоления конфликтных ситуаций.

Можно рассматривать конфликт как проявление существующих противоречий в социальной группе или среде. Именно противоречие является ключевой характеристикой конфликта, отличающей его от других форм взаимодействия. Среди многообразия оснований и причин конфликтов можно выделить четыре основные категории: причины, связанные со статусом, ориентацией, ценностями и интересами сторон. Конфликты в разной степени проявляются во всех сферах жизни, включая профессиональную деятельность, семейные отношения, личную жизнь и межличностное общение (Ситников, 2024, с. 695).

В процессе осуществления профессиональных обязанностей возникают различные конфликтные ситуации, которые могут проявляться не только между руководителем и подчиненными, но и между отдельными группами сотрудников (Sloman, 1996, с. 10). Коллектив органов внутренних дел характеризуется рядом специфических качеств и характеристик (Вахнина, Нуриев, 2023, с. 20), среди которых следует отметить особую психологическую атмосферу, мобильность, нормативность взаимоотношений, ненормированность рабочего дня. Взаимоотношения в таких коллективах характеризуются наличием профессиональной общности, общих целей деятельности, ответственности друг за друга, чувства доверия, товарищества и уважения¹.

Кроме того, имеется определенная конкуренция вследствие неравной оплаты труда, стремления к карьерному продвижению. На разрешение конфликтов влияют разнообразные факторы, на многие из которых сложно повлиять напрямую (Бессонова, Обознов, Петрович, 2018, с. 630). Люди, вовлеченные в любой конфликт, отличаются в социальном и психологическом плане, каждый из них по-своему реагирует на различные обстоятельства (Hubbeling & Bertram, 2012, с. 21). На индивидуальном уровне важно учитывать особенности человека, его мотивацию, цели, ценности, установки и уровень его коммуникативных навыков.

Кроме того, на пути эффективного урегулирования конфликтов немало препятствий, таких как предрассудки, иллюзии, неправильные представления и устоявшиеся стереотипы поведения. Природа конфликта, его тип и характеристики вовлеченных сторон определяют, кто может участвовать в разрешении конфликта, будь то отдельные лица или подразделения (Бессонова, 2020, с. 39). Как правило, разрешению конфликтов способствуют руководитель, психолог, определенный отдел внутри организации (например, отдел кадров) или внешняя организация, такая как ситуационный кризисный центр (психологическая служба).

Разрешение конфликтов включает в себя ряд сложных задач, направленных на выявление коренных причин, сопутствующих факторов и динамики, лежащих в основе конфликта

¹ Степанищев, А. Г. (2017). *Психологические особенности деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях*: учебно-методическое пособие (стр. 25). Барнаулский юридический институт МВД России.

(Парфенова, Авилова, Ледовская, 2019, с. 235). С другой стороны, управление конфликтом предполагает целенаправленные действия по устранению, корректировке и поддержанию оптимального уровня конфликтов и позитивных взаимоотношений в организации.

Изучая методы разрешения конфликтов в органах внутренних дел, их возможно разделить на две группы: структурные методы и методы межличностного общения (Dong & Wang, 2023, с. 53). Рассмотрим эти методологические категории.

Структурные методы в управлении конфликтами в органах внутренних дел предполагают изменение условий взаимодействия в целях эффективного разрешения конфликта, что включает четкое распределение полномочий, обязанностей и ограничений в деятельности для эффективного отслеживания и контроля конфликтных ситуаций (Изард, 2016, с. 355). Координация и интеграция действий руководителя играют решающую роль в управлении конфликтами. Организации, особенно те, которые работают в условиях повышенного риска, такие как органы внутренних дел, как правило, имеют четко определенную иерархию управления, которая может влиять на исход конфликтов (Рыбников, Марьин, 2005, с. 112). Структурные подходы к разрешению конфликтов включают управленческую иерархию, дисциплинарные меры, использование коммуникационных служб, вовлечение целевых групп и укрепление коллегиальности.

В дополнение к структурным методам важно учитывать механизмы вознаграждения (Иванова, Кодиркулов, 2024, с. 148). Стимулируя позитивное поведение, этот подход помогает смягчить негативные последствия конфликтов и направить их к конструктивному разрешению (Brender-Plan & Sheaffer, 2019, с. 221).

Разрешение конфликта предполагает применение различных поведенческих стратегий, адаптированных к конкретным ситуационным обстоятельствам. Это уклонение, сглаживание, принуждение, компромисс и решение проблем (Kehr, 2004, с. 479).

Уклонение означает, что одна из сторон выходит из конфликта, не принимая на себя ответственности за разрешение.

Сглаживание требует активного участия, чтобы свести к минимуму негативные последствия и снизить интенсивность конфронтации (Lee, Liu, & Maertz, 2022, с. 1018).

Принуждение предполагает активное подавление конфликта с использованием организационных и управленческих методов для ограничения его развития (Rengifo & Laham, 2022, с. 184).

Компромисс заключается в анализе конфликта и создании условий для того, чтобы каждая из сторон могла высказать свои требования.

Решение проблем предполагает признание противоположных точек зрения и целенаправленные усилия по преодолению конфликта путем устранения его первопричины.

Важную роль играет психологическая поддержка. Вследствие стрессогенного характера своей работы, а также повышенного уровня опасности сотрудники органов внутренних дел подвержены эмоциональному выгоранию, что негативным образом сказывается на здоровье и профессиональной деятельности (Мешкова и др., 2020, с. 63). Психологическая поддержка помогает сотрудникам справиться с эмоциональными проблемами и предотвратить эскалацию конфликта. Индивидуальные консультации и групповые занятия являются эффективными инструментами для улучшения психического здоровья сотрудников.

Методы исследования

В качестве респондентов выступили 100 сотрудников Управления внутренних дел по г. Москве, а также Управления внутренних дел по Республике Калмыкия в возрасте от 26 до 45 лет. Для диагностики были использованы следующие методики:

Личностная агрессивность и конфликтность (Е. П. Ильин и П. А. Ковалев). Данная методика позволяет оценить особенности проявления личностной агрессивности и конфликтности как устойчивые характеристики субъекта. В качестве стимульного материала этого диагностического средства выступает 81 утверждение, предполагающее возможность согласия или несогласия. Методика позволяет определять такие аспекты личностной агрессивности и конфликтности, как: вспыльчивость, обидчивость, напористость, бескомпромиссность, неуступчивость, мстительность, подозрительность и нетерпимость к мнению других.

Тест Томаса-Килманна: тип поведения в конфликте. Данная психодиагностическая методика позволяет определить особенности выраженности таких стилей поведения в конфликте, как: соперничество, компромисс, приспособление, сотрудничество, а также избегание. Каждый из указанных пяти стилей поведения описывает по 12 суждений, которые группируются в сочетаниях с другими в 30 пар.

Результаты исследования

После выполнения процедуры психодиагностического исследования первичные данные были сведены в таблицу 1. Сначала рассмотрим результаты психодиагностического исследования по методике «Личностная агрессивность и конфликтность».

Таблица 1. Результаты исследования личностной агрессивности и конфликтности

Table 1. Results of the study of personal aggression and conflictiveness

	М	SD
Вспыльчивость	5,18	2,29
Наступательность, напористость	6,74	1,73
Обидчивость	4,59	2,37
Неуступчивость	4,69	2,34
Бескомпромиссность	4,62	2,21
Мстительность	3,64	1,78
Нетерпимость к мнению других	4,44	2,28
Нетерпимость и подозрительность	4,90	2,38
Позитивная агрессивность	11,43	2,76
Негативная агрессивность	8,08	2,85
Конфликтность	19,29	5,02

Данные показывают, что в структуре личностной агрессивности и конфликтности в выборке исследования ведущими являются показатели наступательности, напористости, вспыльчивости, а также показатель нетерпимости и подозрительности. Наименьшие значения имеют показатели мстительности и обидчивости. Полученные результаты можно объяснить тем, что сотрудники правоохранительных органов работают в опасной и напряженной обстановке, которая не может не сказываться на их индивидуальных особенностях, способствуя изменению степени проявления личностных качеств.

Высокие показатели наступательности, напористости, а также вспыльчивости в значительной степени объясняются необходимостью быстрого реагирования на ситуации, требующие немедленных действий. В ситуациях, когда дорога каждая секунда, способность делать

быстрый и решительный выбор имеет определяющее значение. Специфика профессиональной деятельности часто предполагает взаимодействие с неадекватными и непредсказуемыми в поведении людьми, что требует уверенности и решимости.

Более того, напряженный характер профессиональной деятельности способствует повышенной вспыльчивости сотрудников. Ежедневное пребывание в конфликтных и стрессовых ситуациях может вызвать эмоциональную реакцию. Лица, ставшие свидетелями преступлений и других неприятных событий, могут накапливать стресс, что приводит к эмоциональному перенапряжению. Нетерпимость и подозрительность также могут рассматриваться как особенности, формирующиеся под влиянием профессиональной деятельности.

Кроме того, в своей деятельности сотрудники должны постоянно оценивать поведение других людей на предмет потенциальных угроз. Это может вызвать настороженность по отношению к лицам, которые кажутся подозрительными или ведут себя неподобающим образом. Более того, необходимость поддержания правопорядка может вынудить сотрудников полиции принимать строгие меры в отношении правонарушителей, что может трактоваться как нетерпимость.

Помимо указанного, следует отметить исключительно высокий уровень регламентированности деятельности. Сотрудники правоохранительных органов часто сталкиваются с пристальным вниманием общественности и негативной реакцией на свои действия. Если бы сотрудники органов внутренних дел были склонны обижаться или мстить, это негативно сказалось бы на их способности эффективно выполнять свои обязанности. Кроме того, работа в правоохранительных органах требует исключительного самоконтроля и эмоциональной регуляции. Мстительность противоречит фундаментальным принципам правоохранительной деятельности. Сотрудники должны быть беспристрастны и справедливы по отношению ко всем гражданам. На рисунке 1 представлен профиль средневзвешенных значений показателей по рассматриваемой методике.

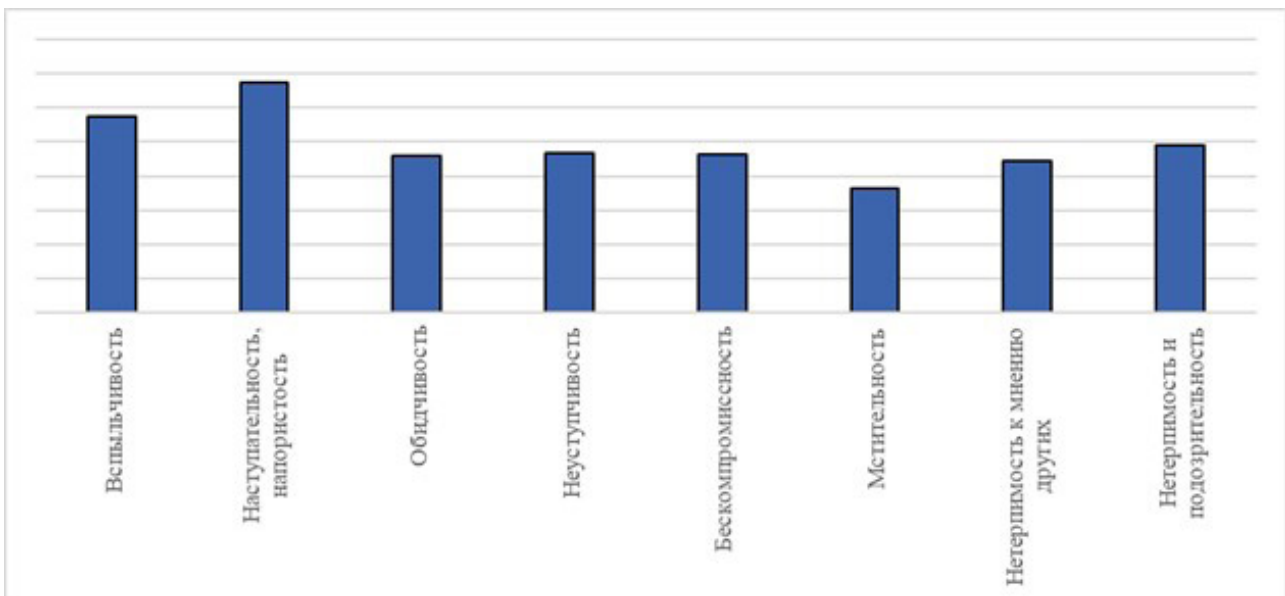

Рис. 1. Профиль средневзвешенных значений базовых показателей личностной агрессивности и конфликтности

Fig. 1. Profile of weighted average values of basic indicators of personal aggression and conflictiveness

В ходе оценки интегральных показателей личностной агрессивности и конфликтности было определено, что для участников исследования характерно преобладание позитивной агрессивности, а также низкий уровень негативной агрессивности.

Иными словами, решительность, настойчивость, последовательность и высокий уровень профессиональной ответственности, а также регламентированность службы и ее направленность на соблюдение этических норм обеспечивают проявление такой структуры личностной агрессивности и конфликтности (рис. 2).

Выполненное исследование личностной агрессивности и конфликтности у сотрудников правоохранительных органов позволяет говорить о том, что для них характерно преобладание позитивной агрессивности. Также можно говорить об умеренном уровне конфликтности и негативной агрессивности. Напористость, вспыльчивость, нетерпимость и подозрительность – ведущие аспекты в структуре личностной агрессивности и конфликтности участников исследования.

В таблице 2 представлены результаты диагностики типов поведения в конфликте по тесту К. Томаса.

Таблица 2. Результаты диагностики поведения в конфликте

Table 2. Results of conflict behavior diagnosis

	М	SD
Соперничество	3,90	3,95
Сотрудничество	7,32	1,90
Компромисс	8,63	2,61
Избегание	4,98	1,50
Приспособление	5,17	1,54

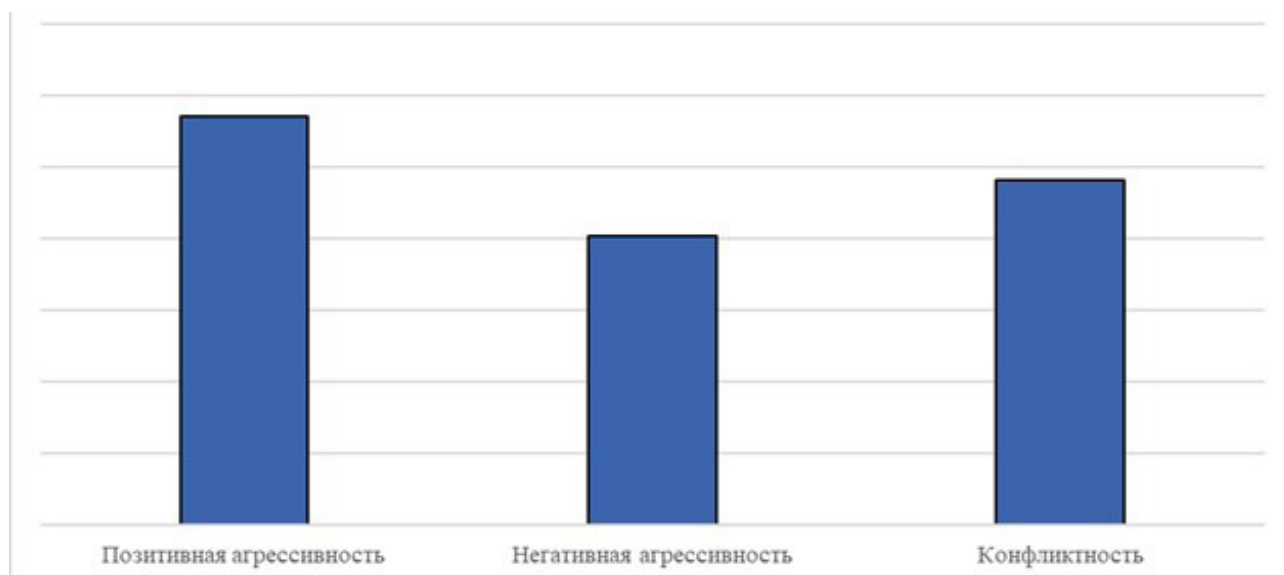

Рис. 2. Профиль интегральных показателей личностной агрессивности и конфликтности

Fig. 2. Profile of integral indicators of personal aggression and conflictiveness

В ряду ведущих стратегий поведения в ситуации конфликта можно выделить стратегии компромисса (8,63) и сотрудничества (7,32). Стратегии по типу соперничества (3,90), избегания (4,98), а также приспособления (5,17) имеют меньшую выраженность.

Можно предположить, что полученные результаты обусловлены характером профессиональной деятельности, прежде всего высоким уровнем ее регламентированности и общего стрессового характера труда. Так, сотрудники полиции часто сталкиваются с конфликтными ситуациями, которые требуют не только профессионализма, но и умения находить эффективные решения. В связи с этим особое значение приобретают такие стратегии разрешения конфликтов, как «компромисс» и «сотрудничество». Распространенность этих подходов можно объяснить несколькими ключевыми факторами.

Работа правоохранительных органов предполагает взаимодействие с различными слоями населения, включая жертв преступлений, подозреваемых, свидетелей и обычных граждан (в рамках непосредственной помощи и профилактической деятельности). При таком взаимодействии крайне важно разрешать конфликты, одновременно укрепляя доверие и уважение к правоохранительным органам. Стратегия компромисса способствует достижению взаимовыгодных результатов, которые удовлетворяют потребности обеих сторон, тем самым повышая доверие общественности к полиции. В свою очередь, стратегия сотрудничества предполагает значимость совместных усилий конфликтующих сторон для достижения общих целей. Сотрудники полиции часто действуют в составе рабочих групп, подразделений, отделов и координируют свои действия с различными ведомствами и организациями.

Подобный совместный подход позволяет интегрировать усилия для решения таких сложных задач, как предупреждение преступности и обеспечение общественной безопасности.

Стратегия «соперничество», напротив, может привести к эскалации конфликтов и нанести ущерб отношениям с обществом. Соперничество часто проявляется как борьба за доминирование, что может быть истолковано как агрессивное поведение, потенциально наносящее ущерб общественному восприятию и приводящее к недовольству граждан.

В целом преобладание стратегий компромисса и сотрудничества среди сотрудников полиции обусловлено необходимостью поддержания общественного доверия, эффективного взаимодействия с различными участниками конфликта и деэскалации напряженных ситуаций.

Таким образом, в структуре личностной агрессивности и конфликтности в выборке исследования ведущими являются показатели наступательности, напористости, вспыльчивости, а также показатель нетерпимости и подозрительности. Наименьшие значения имеют показатели мстительности и обидчивости.

В ситуации конфликта участники исследования ориентированы на использование конструктивных стратегий компромисса и сотрудничества. Стратегия соперничества характеризуется сравнительно низким уровнем проявления.

Исследование стилевых характеристик поведения в конфликте у сотрудников правоохранительных органов позволило заключить, что в ряду ведущих стратегий поведения в ситуации конфликта можно выделить стратегии компромисса и сотрудничества. Стратегии по типу соперничества, избегания, а также приспособления имеют меньшую выраженность.

Работа, направленная на профилактику и разрешение межличностных конфликтов в органах внутренних дел, требует комплексного подхода, который включает организационную культуру, обучение, психологическую поддержку, механизмы обратной связи, вовлечение руководства, командную работу и признание индивидуальных различий.

Подводя итог, можно заключить, что работа по профилактике и предотвращению межличностных конфликтов в коллективах правоохранительных органов является важной обязанностью их руководителя. Комплексная и систематическая профилактическая и мониторинговая

работа не только способствует созданию благоприятной рабочей атмосферы, но и повышает эффективность деятельности. Эффективно управляя конфликтами, руководители могут укрепить командный дух, повысить уровень доверия между сотрудниками, формировать благоприятный морально-психологический климат, создавать эффективный кадровый резерв.

В профилактике конфликтных ситуаций в деятельности сотрудников ОВД особое внимание уделяется использованию метода убеждения. Эффективность использования данного метода в значительной степени зависит от авторитета руководителя, глубины конфликта, а также особенностей характера сторон конфликта. Действенным средством разрешения конфликтов в коллективе сотрудников ОВД может стать привлечение к разрешению конфликта членов коллектива, которые пользуются доверием и пребывают с участниками конфликта в равных отношениях, не находясь в отношениях зависимости ни морально, ни материально.

Список литературы

- Бессонова, Ю. В., Обознов, А. А., Петрович, Д. Л. (2018). Психологическое благополучие профессионала в организациях повышенного риска. В *Человеческий фактор в сложных технических системах и средах (ЭРГО-2018)*: труды Третьей международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 07 июля 2018 года, стр. 627–635). Тверь: Межрегиональная общественная организация "Эргономическая ассоциация".
- Бессонова, Ю. В. (2020). Становление профессионального менталитета безопасности в организациях повышенного риска. В *Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков*: материалы X Всероссийской научной конференции (г. Сочи, 09–10 октября 2020 г., стр. 38–48). Москва: Издательство "Мир науки".
- Бочкова, М. Н., Мешкова, Н. В. (2018). Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования. *Современная зарубежная психология*, 7 (2), 49–59. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070205>
- Вахнина, В. В., Нуриев, Р. Р. (2023). Психологические особенности саморегуляции сотрудников органов внутренних дел с различными типами поведенческой активности. *Академическая мысль*, 1 (22), 20–26.
- Иванова, А. М., Кодиркулов, А. С. (2024). Организационная культура и контрпродуктивное поведение сотрудников полиции. *Человеческий капитал*, 4 (184), 147–155. <https://doi.org/10.25629/НС.2024.04.15>
- Изард, К. Э. (2016). *Психология эмоций* (пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева). Санкт-Петербург: Издательство «Питер».
- Лапшин, В. Е., Шаманин, Н. В. (2023). Профилактика профессиональных деструкций сотрудников федеральной службы исполнения наказаний как фактор успешности их профессиональной деятельности. *Пенитенциарная наука*, 17 (2 (62)), 203–211. <https://doi.org/10.46741/26869764.2023.62.2.010>
- Мешкова, Н. В., Ениколопов, С. Н., Кудрявцев, В. Т., Кравцов О. Г. и др. (2020). Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17 (1), 60–72. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-60-72>
- Парфенова, Е. Н., Авилова, Ж. Н., Ледовская, И. И. (2019). К вопросу о современных мотивационных рычагах воздействия на персонал организации. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, 4 (77), 234–246.
- Рыбников, В. Ю., Марьин, М. И. (2005). Копинг-поведение сотрудников МВД России и их индивидуальная устойчивость в экстремальных и чрезвычайных ситуациях. *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики*, 3 (32), 54–58.

- Ситников, В. Л. (2024). Об актуальности исследования социально-перцептивных образов сотрудников полиции. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения – 2024): материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2024 года, стр. 692–697)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Brender-Ilan, Y., & Sheafer, Z. (2019). How do self-efficacy, narcissism and autonomy mediate the link between destructive leadership and counterproductive work behaviour. *Asia Pac Manag Rev*, 24 (3), 212–222. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2018.05.003>
- Dong, H. R., & Wang, S. H. (2023). Construction of Psychological Crisis Intervention Models for Police Officers During Major Public Emergencies. *Journal of Chifeng University (Natural Science Edition)*, 39 (1), 51–55.
- James, L., James, S., & Vila, B. (2018). The impact of work shift and fatigue on police officer response in simulated interactions with citizens. *J Exp Criminol*, 14, 111–120. <https://doi.org/10.1007/s11292-017-9294-2>
- Hubbeling, D., & Bertram, R. (2012). Crisis resolution teams in the UK and elsewhere. *Journal of Mental Health*, 21 (3), 285–295. <https://doi.org/10.3109/09638237.2011.637999>
- Kehr, H. M. (2004). Integrating implicit motives, explicit motives, and perceived abilities: The compensatory model of work motivation and volition. *Academy of Management Review*, 29 (3), 479–499.
- Sloman, S. A. (1996). The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119 (1), 3–22. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.119.1.3>
- Lee, S. B., Liu, S. H., & Maertz, C. (2022). The relative impact of employees' discrete emotions on employees' negative word-of-mouth (NWOM) and counterproductive workplace behavior (CWB). *The Journal of Product & Brand Management*, 31 (7), 1018–1032. <https://doi.org/10.1108/JPBM-07-2021-3555>
- Rengifo, M., & Laham, S. M. (2022). Big Five personality predictors of moral disengagement: A comprehensive aspect-level approach. *Personality and Individual Differences*, 184, 111176. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111176>

References

- Bessonova, Yu. V., Oboznov, A. A., Petrovich, D. L. (2018). Psihologicheskoe blagopoluchie professionala v organizacijah povyshennogo riska. V *Chelovecheskij faktor v slozhnyh tekhnicheskikh sistemah i sredah (ERGO-2018): trudy Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 07 iyulya 2018 goda, str. 627–635)*. Tver': Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizaciya "Ergonomicheskaya asociaciya".
- Bessonova, Yu. V. (2020). Stanovlenie professional'nogo mentaliteta bezopasnosti v organizacijah povyshennogo riska. V *Psihologiya bezopasnosti i psihologicheskaya bezopasnost': problemy vzaimodejstviya teoretikov i praktikov: materialy X Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Sochi, 09–10 oktyabrya 2020 g., str. 38–48)*. Moscow: Izdatel'stvo "Mir nauki".
- Bochkova, M. N., Meshkova, N. V. (2018). Emocional'nyj intellekt i social'noe vzaimodejstvie: zarubezhnye issledovaniya. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 7 (2), 49–59. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070205>
- Vahnina, V. V., Nuriev, R. R. (2023). Psihologicheskie osobennosti samoregulyacii sotrudnikov organov vnutrennih del s razlichnymi tipami povedencheskoj aktivnosti. *Akademicheskaya mysl'*, 1 (22), 20–26.

- Ivanova, A. M., Kodirkulov, A. S. (2024). Organizacionnaya kul'tura i kontrproduktivnoe povedenie sotrudnikov policii. *Chelovecheskij kapital*, 4 (184), 147–155. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.04.15>
- Izard, K. E. (2016). *Psihologiya emocij* (per. s angl. V. Misnik, A. Tatlybaeva). Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Piter».
- Lapshin, V. E., Shamanin, N. V. (2023). Profilaktika professional'nyh destrukcij sotrudnikov federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy kak faktor uspešnosti ih professional'noj deyatelnosti. *Penitenciar'naya nauka*, 17 (2 (62)), 203–211. <https://doi.org/10.46741/26869764.2023.62.2.010>
- Meshkova, N. V., Enikolopov, S. N., Kudryavcev, V. T., Kravcov O. G. i dr. (2020). Vozrastnye i polovye osobennosti lichnostnyh prediktorov antisocial'noj kreativnosti. *Psihologiya. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki*, 17 (1), 60–72. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-60-72>
- Parfenova, E. N., Avilova, Zh. N., Ledovskaya, I. I. (2019). K voprosu o sovremennyh motivacionnyh ryčagah vozdejstviya na personal organizacii. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava*, 4 (77), 234–246.
- Rybnikov, V. Yu, Mar'in, M. I. (2005). Koping-povedenie sotrudnikov MVD Rossii i ih individual'naya ustojchivost' v ekstremal'nyh i chrezvychajnyh situacijah. *Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ergonomiki*, 3 (32), 54–58.
- Sitnikov, V. L. (2024). *Ob aktual'nosti issledovaniya social'no-perceptivnyh obrazov sotrudnikov policii. V Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatelnosti: koncepcii i tekhnologii resheniya (Vasil'evskie chteniya – 2024): materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* (g. Sankt-Peterburg, 26–27 aprelya 2024 goda, str. 692–697). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Brender-Ilan, Y., & Sheaffer, Z. (2019). How do self-efficacy, narcissism and autonomy mediate the link between destructive leadership and counterproductive work behaviour. *Asia Pac Manag Rev*, 24 (3), 212–222. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2018.05.003>
- Dong, H. R., & Wang, S. H. (2023). Construction of Psychological Crisis Intervention Models for Police Officers During Major Public Emergencies. *Journal of Chifeng University (Natural Science Edition)*, 39 (1), 51–55.
- James, L., James, S., & Vila, B. (2018). The impact of work shift and fatigue on police officer response in simulated interactions with citizens. *J Exp Criminol*, 14, 111–120. <https://doi.org/10.1007/s11292-017-9294-2>
- Hubbeling, D., & Bertram, R. (2012). Crisis resolution teams in the UK and elsewhere. *Journal of Mental Health*, 21 (3), 285–295. <https://doi.org/10.3109/09638237.2011.637999>
- Kehr, H. M. (2004). Integrating implicit motives, explicit motives, and perceived abilities: The compensatory model of work motivation and volition. *Academy of Management Review*, 29 (3), 479–499.
- Sloman, S. A. (1996). The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119 (1), 3–22. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.119.1.3>
- Lee, S. B., Liu, S. H., & Maertz, C. (2022). The relative impact of employees' discrete emotions on employees' negative word-of-mouth (NWOM) and counterproductive workplace behavior (CWB). *The Journal of Product & Brand Management*, 31 (7), 1018–1032. <https://doi.org/10.1108/JPBM-07-2021-3555>
- Rengifo, M., & Laham, S. M. (2022). Big Five personality predictors of moral disengagement: A comprehensive aspect-level approach. *Personality and Individual Differences*, 184, 111176. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111176>

Информация об авторах

Михаил Иванович Марьин – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.

Оксана Азатовна Терегулова – доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, кандидат психологических наук.

About the authors

Mikhail I. Maryin – Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

Oksana A. Teregulova – Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and HR Management, Academy of Management of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psy.)

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Одобрена после рецензирования 12.08.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted June 03, 2025

Approved after reviewing August 12, 2025

Accepted October 28, 2025

УДК 159.99

Подростки группы риска: эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей

Светлана Владимировна Хусаинова

Институт педагогики, психологии и социальных проблем
(Казань, Россия)
sv_husainova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8121-0549

Аннотация

Введение. В последние десятилетия наблюдается тревожная тенденция – увеличение числа подростков, входящих в группу риска девиантного поведения. Необходимость совершенствования психолого-педагогической работы с ними возлагается на специалистов сферы образования и правоохранительные органы. Решением задачи выступает расширение научных представлений об индивидуально-психологических особенностях подростков, склонных к девиантному поведению. **Цель исследования** – изучение индивидуально-психологических особенностей подростков группы риска через призму соматических характеристик их психического состояния. **Методы исследования:** нейрофизиологические и психофизиологические исследования уровня нейромедиаторов и гормонов, а также измерение электроэнцефалографической активности мозга (ЭЭГ). Выборку исследования составили 30 подростков группы риска. **Результаты.** Выявлены нейро- и психофизиологические особенности, свойственные группе риска по показателям уровня гормонов-катехоламинов, уровня 17-гидроксипротогенстерона, тета-активности головного мозга (ЭЭГ), дана их психологическая интерпретация в контексте предпосылок девиантного поведения. Выводы исследования обращены к организации превентивно-профилактической работы с подростками, отнесенными к группе риска. Намечены дальнейшие направления теоретических и прикладных исследований индивидуально-психологических особенностей данной категории несовершеннолетних.

Ключевые слова

группа риска, подростковый возраст, агрессивное поведение, профилактика, тревожность

Для цитирования: Хусаинова, С. В. (2025). Подростки группы риска: эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 477–487.

Original paper

Adolescents at risk: an empirical study of individual psychological characteristics

Svetlana V. Khusainova

Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems
(Kazan, Russia)

sv_husainova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8121-0549

Abstract

Introduction. In recent decades, there has been a worrying trend – an increase in the number of adolescents at risk of deviant behavior. Specialists in the field of education and law enforcement agencies are responsible for improving psychological and pedagogical work with such individuals. The solution to this problem lies in expanding scientific understanding of the individual psychological characteristics of adolescents prone to deviant behavior. **The aim of the study** is to examine the individual psychological characteristics of adolescents at risk through the prism of somatic characteristics of their mental state. **Research methods.** Neurophysiological and psychophysiological studies of neurotransmitter and hormone levels, as well as measurement of electroencephalographic brain activity (EEG). The study sample involved 30 adolescents at risk. **Results.** Neurophysiological and psychophysiological characteristics specific to the risk group have been identified based on the indicators such as catecholamine hormone levels, 17-hydroxyprogesterone levels, and theta brain activity (EEG). These characteristics have been interpreted psychologically in the context of the prerequisites for deviant behavior. The conclusions of the study are directed towards the organisation of preventive and proactive work with adolescents classified as being at risk. Further directions for theoretical and applied research into the individual psychological characteristics of this category of minors have been outlined.

Keywords

risk group, adolescence, aggressive behavior, prevention, anxiety

For citation: Khusainova, S. V. (2025). Adolescents at risk: an empirical study of individual psychological characteristics. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 477–487.

Введение

Новые формы девиантного поведения отражают вызовы цифровой эпохи и требуют комплексного подхода по их предупреждению и профилактике, сочетающего образовательные, социальные и правовые меры. Ключевая роль в проведении этой работы с подростками принадлежит ранней диагностике рисков, установлению стандартов безопасной городской, образовательной, развлекательно-неформальной среды и ее поддержанию. Профилактика и интервенция в области агрессии требуют многоуровневых стратегий, направленных на работу как с подростками, так и с их окружением. Для правильного понимания девиантного поведения подростков, определения специфики его видов и форм, особенно связанных с агрессией, необходим комплексный подход, учитывающий и индивидуальные особенности подростков, и влияние социальных и культурных факторов, характерных для современного состояния общества.

Для описания выраженности данных явлений в генеральной совокупности подростков в статье используется термин «группа риска». Термин отграничивает подростков, чье поведение характеризуется высоким уровнем агрессивных проявлений, находящимся на грани между отклонением от общепризнанной нормы, с одной стороны, и уголовно наказуемым деянием – с другой. Его применение позволяет рассматривать группу риска дифференцированно от подростков с нормативным поведением и подростков, преступивших закон. Сформированная по критерию выраженности и стабильности агрессивного девиантного поведения «группа риска» может быть также криминогенной, поскольку проявление агрессивности связано с антиобщественным характером девиаций и их последствиями. Выделение группы риска является методическим приемом, позволяющим сегментировать подростков и эмпирически изучить тех из них, чье поведение уже вышло за рамки эпизодических девиаций, но еще не перешло в разряд запрещенных уголовным законом.

Объектом исследования, представленного в статье, выступают виды и формы агрессивного девиантного поведения подростков, а предметом – их индивидуально-психологические особенности. Целью статьи является обобщение научных представлений об агрессивных проявлениях девиантного поведения в его видах и формах, свойственных современным подросткам.

Задачи статьи заключаются в описании девиантного поведения, его теоретико-методологического аппарата; эмпирическое исследование индивидуально-психологических особенностей, присущих подросткам, входящим в группу риска по агрессивным девиациям.

Теоретические основания исследования

Ретроспектива изучения агрессивных видов и форм девиаций указывает на то, что первые научные исследования начались в первой половине XX в. Фундамент этих исследований составляли научные теории психоанализа и эволюционной психологии, рассматривавшие агрессию как врожденное качество человека. Позже в рамках теории социального научения агрессивные девиации были изучены с позиций воздействия окружающей среды и наблюдения за поведением других людей. Эти теории легли в основу современных подходов к изучению агрессивного поведения у подростков.

Анализ зарубежной научной литературы показал, что основное внимание уделяется исследованию биологических и социальных факторов (Hayes, 1997). Корпус социальных факторов девиантного поведения представлен теориями аномии и социальной дезорганизации, социального неравенства и социального конфликта. Биопсихологический подход представлен психоаналитическими, поведенческими, социально-экологическими концепциями факторов, обуславливающими девиации в поведении.

Стоит отметить, что параллелизм в изучении факторов, характерный для начала XX в., ко второй трети XX в. сменился на конвергенцию. Так, синтетические теории объединяют биологические, психологические и социокультурные факторы (Смелзер, 1994; Гишинский, 2009)¹². Применение к девиантному поведению методология динамического, системного, структурного подходов позволяет не прерывать взаимосвязей внутренних (причинных) факторов и внешних (модерирующих) условий. Благодаря этому девиации рассматриваются через призму многомерных связей между нейро- и психо-физиологическими компонентами, с одной стороны, личностными и социально-психологическими компонентами – с другой.

Расширяются исследования семейных дисфункций с акцентированием влияния ближайшего окружения на девиантное поведение. С. А. Беличева рассматривает девиантное поведение как результат нарушения социализации и неблагоприятных социальных условий³. И. А. Невский определяет девиацию как форму социального поведения, противоречащую общепринятым стандартам данного общества (Невский, 1993). Исследования Д. И. Фельдштейна и А. А. Реана подчеркивают важность педагогического воздействия, роли и значения образовательной организации в предупреждении и профилактике девиаций (Фельдштейн, 2008; Реан, 2015). Развитие научного знания о девиациях, появление новых объяснений причин и механизмов их появления сказывается на практическом противодействии проявлениям девиантного поведения.

Современные исследования направлены на разработку комплексных мер профилактики, сочетающих психолого-педагогическую коррекцию, работу с семьей и создание поддерживающей

¹ Змановская, Е. В. (2004). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений, 2-е изд., испр. Издательский центр «Академия».

² Менделевич, В. Д. (2005). *Психология девиантного поведения*: учебное пособие. Издательство «Речь».

³ Беличева, С. А., Белинская, А. Б. (2025). *Социально-педагогическая диагностика и сопровождение социализации несовершеннолетних*: учебник для среднего профессионального образования, 2-е изд. Издательство «Юрайт».

среды (Lee, Moon, & Garcia, 2019). Несмотря на достигнутые успехи, изучение девиантного поведения остается актуальным в научном, методическом и прикладном аспектах. Объяснение этому видится в социально-культурных изменениях форм взаимодействия, приводящих к повышению уровня динамичности, многосторонней направленности и неопределенности процессов общественного развития, с одной стороны; увеличению возможностей самореализации и вместе с тем снижению влияния социального контроля над индивидуальной жизнью, поощрением антиобщественных форм поведения и расширением противозаконных способов удовлетворения потребностей – с другой.

Характерное для культуры потребления поощрение индивидуальности с отрицанием традиционных духовно-нравственных ценностей, насаждение идеалов гедонизма и эгоцентризма дезориентирует подростков, провоцируя девиантные модели поведения. Такие девиации проявляются, например, в бесцельном просмотре интернет-страниц, поглощении негативных новостей, что формирует тревожность и стресс (веб-серфинг и думскроллинг); неконтролируемых покупках в интернет-магазинах; в желании «быть в тренде» (ониомания); совершении магазинных краж с последующей демонстрацией украденного в соцсетях ради повышения статуса в глазах сверстников (шоплифтинг).

Отдельного внимания заслуживают агрессивные и противоправные действия в цифровой среде, в том числе в отношении социального окружения. Следует отметить трансляцию шокирующего контента (физического, психологического и сексуального насилия, опасных экспериментов), а также розыгрышей («пранков»), нацеленных на унижение окружающих, нарушающих общественную нравственность и общественный порядок; лазание по высотным объектам или перемещение на поездах ради острых ощущений и публикации видео в соцсетях (руфтинг и зацепинг).

К числу общественно опасных деяний относятся: кибербулинг, включающий троллинг, флейминг, киберсталкинг и распространение оскорбительного контента; мошенничество, нацеленное на присвоение денежных средств и имущества путем введения в заблуждение и подавления воли («deer fake»); интернет-группы и сообщества, пропагандирующие девиантные идеи отказа от брака и рождения детей, транслирующие насилие в отношении детей, членов семьи и старших родственников; присвоение мнимых диагнозов с имитацией психических расстройств; поощрение опасных для здоровья и жизни практик (вдыхание токсичных веществ (клея, газа); употребление микродоз ядовитых растений и грибов для достижения кратковременного эйфории и пр.).

Развитие цифровых технологий, сочетающееся с временной неэффективностью контроля за содержанием информации, распространяемой в сетях коммуникации, обуславливает риск девиантного поведения в его наиболее общественно опасном проявлении – агрессивных девиациях. Следует признать, что их негативное влияние на личность подростка в настоящее время подвергается активному осмыслению и изучению. Однако, как правило, лица, склонные к девиантному поведению, изучаются в сопоставлении с социально нормативными и право-послушными лицами. В таком контексте углубленное исследование влияния внешних факторов на лиц, ранее уже реализовывавших модели девиантного поведения, но не переступивших границы противоправного, изучить сложно. Выделение категории группы риска среди подростков позволяет перейти к оценке индивидуально-психологических особенностей, к изучению их в состоянии перехода от девиантного поведения к антиобщественному. В результате становится возможным выявить риски их вовлечения в преступление, в первую очередь, в качестве исполнителя (Kroese et al., 2020), а затем изучать иные антиобщественные формы поведения, принуждение к участию в которых осуществляется снижением порога критичности (внушением, лишением сна, использованием наркотических веществ и пр.) (Суслонов, 2014).

В связи с изложенным было проведено эмпирическое исследование группы риска.

Цель исследования – изучение индивидуально-психологических особенностей подростков группы риска путем анализа соматических характеристик их психического состояния.

Задачей исследования выступало изучение нейрофизиологических процессов посредством магнитно-резонансной томографии (МРТ), электроэнцефалографии (ЭЭГ), уровня гормонов, неврологической и терапевтической характеристики состояния здоровья. Интерпретация результатов осуществлялась посредством психологической характеристики сомато-, нейро-, физио- и психологических показателей лиц, достоверно отнесенных к группе риска.

Критерии определения группы риска

Характеристика подростков, составляющих группу риска, определена нами на основании ряда эмпирических исследований. В частности, А. А. Чипан относит к группе риска тех индивидов, которые испытывают уязвимость, подвергаются негативному воздействию со стороны социума (Чипан, 2023). Л. Р. Аптикиева причисляет к категории риска: многодетные и неполные семьи; родителей, воспитывающих малолетних граждан с ограниченными возможностями здоровья; детей, лишившихся опеки со стороны родителей; обучающихся, страдающих от предрасположенности по наследственным, физиологическим и социальным причинам (Аптикиева, 2019). И. Ф. Дементьева подчеркивает роль биологических, психологических и социальных факторов, определяя девиантное поведение как аномалию, противоречащую общественным нормам (Дементьева, 2006). Исследователи отмечают, что в общении с другими подростками у лиц, входящих в группу риска, возникают трудности, особенно это заметно при контактах со взрослыми, не входящими в ближайший круг общения, которые выражаются в виде утраты собственного Я (Sun et al., 2024; Jacobsen & Zaatut, 2020).

Таким образом, основным критерием включения в группу риска выступает склонность к девиантному поведению, трудности в общении со сверстниками, низкая самооценка, подверженность влиянию негативных интернет-сообществ. Особое внимание уделяется подросткам, которые проявляют интерес к теме насилия, обсуждают агрессивные сценарии или испытывают трудности в эмоциональной сфере.

Выборку исследования составили 30 подростков группы риска.

Процедура исследования: исследование выполнено на базе федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт педагогики, психологии и социальных проблем» (г. Казань) в 2022 году сотрудниками лаборатории изучения отклонений в поведении личности. Исследование заключалось в выполнении нейрофизиологических и психофизиологических обследований выборки подростков.

Результаты исследования

Обработка результатов осуществлялась по квазиэкспериментальному плану с сопоставлением показателей, выявленных в выборке группы риска, и нормативных показателей, присутствующих в возрастной группе с нормальным уровнем здоровья. Интерпретации подвергались показатели, соответствующие выборке, но выходящие за пределы нормы, установленной для лиц подросткового возраста без отклонений в уровне здоровья.

1. В исследовании были выявлены различия по показателям гормонов-катехоламинов, имеющим значение для оценки индивидуально-психологических особенностей группы риска. В обычных условиях организм содержит лишь незначительные доли катехоламинов и продуктов их разложения. Увеличение их уровня происходит лишь временно во время сильных нагрузок, в результате физического либо эмоционального стресса. Эти вещества играют

ключевую роль в передаче нервного сигнала к головному мозгу, стимулируют выделение глюкозы и липидов для энергетических нужд организма.

Установлен низкий уровень дофамина. Дофамин является медиатором нейронов среднего мозга гипоталамуса. Его снижение говорит о деактивации некоторых отделов «системы поощрения», в том числе префронтальной коры головного мозга человека, отвечающей за движение и принятие решений, и влияющей на целенаправленность и волевой контроль деятельности. В целом недостаточность дофаминергической передачи приводит к повышенной инертности, вызывает социальную тревожность, формирование чувства удовольствия, т. е. нарушаются связи позитивного подкрепления в адаптации к стрессовым ситуациям.

Выявлен повышенный уровень серотонина. Его функция заключается в поддержании гомеостаза, терморегуляции и режима сна; в психической активности его влияние прослеживается в регуляции психических процессов запоминания и обучения.

2. По стероидному профилю мочи установлено снижение уровня 17-гидроксипротогестерона (промежуточный продукт синтеза кортизола и андростендиола), что свидетельствует о снижении проводящих путей механизма обратной связи в гипоталамусе, указывающих на нарушение контроля гомеостаза, а также о снижении роли положительного подкрепления и понижении мотивации в регуляции деятельности.

3. По результатам измерения электроэнцефалографической активности (ЭЭГ) выявлено расхождение с нормой по показателю тета-ритма (активность). Это приводит к состоянию сонливости и утомления обследованных подростков группы риска, что может быть проявлением астенического синдрома и (или) хронического стресса.

Обсуждение результатов

Изучение индивидуально-психологических особенностей группы риска является важным направлением предупреждения дальнейшей криминализации поведения этой категории лиц и основанием для осуществления профилактической работы с ними. Результатом эмпирического исследования стала оценка комплекса нейро- и физиологических составляющих, объясняющих психологическое состояние данной категории подростков. Полученные данные дополняют знания о нейрофизиологических механизмах психологического состояния и поведенческой активности лиц группы риска.

Во-первых, они объясняют причины девиаций нарушениями в регуляции на уровне нейрофизиологических механизмов медиации возбуждения в центральной нервной системе. Выступая основанием психической активности и психологического состояния личности, нейрофизиологические дисфункции могут влиять на энергетический и регулятивный потенциал человека (Andrew, 1981). На уровне психологических процессов и состояний ярче всего дисфункции могут проявляться в эмоциональной лабильности подростка. Колебания эмоционального фона и неадекватность реагирования на объективную реальность могут провоцировать конфликты и проявления агрессии в ситуациях повышенного стресса. Безусловно, неустойчивость эмоционального фона затрудняет создание здоровых межличностных связей и снижает успешность социальной адаптации. В результате такие люди чаще оказываются вовлеченными в конфликтные ситуации, испытывают трудности в обучении и работе, а также подвержены риску развития зависимостей. Кроме того, нейрофизиологически обусловленный низкий уровень самоконтроля затрудняет формирование устойчивых социальных связей и успешную адаптацию в обществе (Мачинская, Фарбер, 2023). Неспособность к самоконтролю поведения препятствует эффективному решению проблем и снижает способность к долгосрочному планированию. Это может привести к частым неудачам в достижении поставленных целей и усугублению чувства неудовлетворенности собой, что, в свою очередь, способствует формированию замкнутого круга негативного поведения.

Во-вторых, результаты эмпирического исследования указывают на переживаемый стресс у подростков группы риска, выраженный в виде отклонений в уровне катехоламинов. Выявление гормональной картины стресса может интерпретироваться двояко, поскольку его проявление может быть обусловлено нейрофизиологическими причинами и не зависеть от объективно существующих источников стресса, а может являться следствием социальных факторов как результат социально-психологической дезадаптации подростка в неблагоприятных условиях. Психолого-педагогическая работа для каждого из изложенных предположений должна строиться по отдельному плану, однако развитие механизмов самоуправления поведением следует относить к общим задачам (Baek, Posadas, & Kwak, 2022).

Современные исследования подчеркивают, что агрессивное поведение подростков часто связано с социальными и психологическими проблемами: буллингом, семейными конфликтами, психическими расстройствами, а также влиянием интернет-сообществ. Профилактика включает в себя создание благоприятной школьной среды, развитие эмоционального интеллекта, обучение навыкам конструктивного общения и раннее выявление подростков, входящих в группу риска.

В-третьих, результаты через установленные различия по показателю ЭЭГ активности в тета-диапазоне подтверждают предположения о нарушении функционирования регуляторных систем мозга (Мачинская, Захарова, Ломакин, 2020). Следует отметить, что существующие представления о медленно-волновой активности связывают ее отклонения от нормы со снижением функционального состояния мозга (Изнак и др., 2023), агрессивным поведением (Семенов, 2016) и суицидальными намерениями (Yoshii, Ishiwara, & Tani, 1964). Подчеркнем, что выявленные особенности не следует рассматривать однозначной детерминантой девиантного поведения, целесообразно соотносить их с социально-психологическими факторами, в их числе: неблагоприятная семейная обстановка, недостаток внимания и поддержки со стороны взрослых, насилие в семье; психологические особенности: низкая самооценка, неумение выражать эмоции конструктивным образом, трудности в коммуникации; влияние окружающей среды: негативные примеры сверстников, влияние субкультур, доступность информации о насилии в СМИ и интернете (Хусаинова, 2021).

Таким образом, полученные результаты, с одной стороны, подтверждают академические представления о причинах девиантного поведения, с другой стороны, позволяют сделать предположения о наличии нейропсихологических механизмов его формирования и, как следствие, о направлениях совершенствования превентивно-профилактической работы (Хусаинова, Чернова, 2023). Оценивая возможности модернизации превентивной деятельности с подростками группы риска на основании эмпирического исследования, можно указать на эффективные формы ее проведения:

- индивидуальная и групповая психологическая работа (тренинги, арт-терапия, психокоррекционные занятия), ориентированная на компенсацию, восстановление и развитие регулятивных функций;
- вовлечение семьи в процесс коррекции, повышение педагогической культуры родителей;
- организация досуга, развитие интересов и создание условий для самореализации подростков с учетом особенностей их нейро- и психофизиологического статуса;
- взаимодействие с социальными службами, педагогами, психологами.

Заключение

Проблема преодоления девиантного поведения подростков, находящихся в трудных жизненных условиях, требует пристального внимания со стороны общества, педагогов и специалистов. Как показало исследование, девиантное поведение может быть детерминиро-

вано нейро- и психофизиологическими особенностями, которые усиливают социальную дезадаптацию несовершеннолетнего, повышая риск его криминализации.

Полученные результаты уточняют и расширяют теорию девиантного поведения, показывая перспективность дальнейшей разработки концептуализации перехода девиации в антиобщественное (криминальное) поведение, которое учитывало бы влияние нейро- и психофизиологических отклонений от нормативных показателей.

Методологическим результатом выступает целесообразность расширения исследований, дифференцирующих гетерогенную группу девиантных подростков, исходя из риска их криминализации. В дальнейшем видится целесообразным исследование группы несовершеннолетних с подтвержденным антиобщественным поведением и похожими нейро- и психофизиологическими характеристиками.

Прикладным итогом исследования является комплекс результатов и выводов об индивидуально-психологических особенностях подростков группы риска, подкрепленных нейро- и психофизиологическими показателями. Их применение в превентивно-профилактической работе позволит повысить ее методическое обеспечение, учитывающее особенности нейро- и психофизиологической регуляции поведения у подростков группы риска.

Полагаем, исследование будет полезно в работе академического сообщества специалистов, педагогов и психологов, нацеленных на обеспечение безопасного развития подростков, входящих в группу риска.

Список литературы

- Аптикиева, Л. Р. (2019). Различия подростков «группы риска» и типичных подростков: психолого-педагогический аспект. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 3 (221), 6–14.
- Гилинский, Я. И. (2009). Социология девиантности (новеллы и перспективы). *Социологические исследования*, 8 (304), 70–73.
- Дементьева, И. Ф. (2006). *Социализация детей в семье в условиях трансформации: тенденции, факторы, детерминанты*: автореф. дис. ... д. социол. н. Москва.
- Изнак, А. Ф., Изнак, Е. В., Дамянович, Е. В., Олейчик, И. В. (2023). ЭЭГ-корреляты суицидальных намерений у больных депрессией, болевших и не болевших COVID-19. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 123 (11-2), 92–95. <https://doi.org/10.17116/jnevro202312311292>
- Мачинская, Р. И., Фарбер, Д. А. (2023). *Регуляция поведения и когнитивной деятельности в подростковом возрасте. Мозговые механизмы*: монография. Москва: Московский психолого-социальный университет.
- Мачинская, Р. И., Захарова, М. Н., Ломакин, Д. И. (2020). Регуляторные системы мозга у подростков с признаками девиантного поведения. Междисциплинарный анализ. *Физиология человека*, 46 (3), 37–55. <https://doi.org/10.31857/S0131164620030121>
- Невский, И. А. (1993). *Учителю о детях с отклонениями в поведении*. Москва: Издательство «Просвещение».
- Реан, А. А. (2015). Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст. *Национальный психологический журнал*, 4 (20), 105–110.
- Семенов, А. В. (2016). Нейрофизиологические корреляты агрессии и агрессивности. *Вестник Курганского государственного университета*, 2 (41), 14–18.
- Смелзер, Н. (1994). *Социология* (пер. с англ.). Москва: Издательство «Феникс».
- Суслонов, П. Е. (2014). Теоретико-методологические аспекты изучения социальной психологии политического экстремизма и терроризма. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8, 215–218.

- Фельдштейн, Д. И. (2008). *Трудный подросток*. Москва: Издательство Московского психолого-социального института.
- Хусаинова, С. В. (2021). Агрессивность обучающихся как фактор социальной устойчивости. В Р. Х. Гильмеева, Л. А. Шибанкова (ред.), *Гуманитарный вектор образования в эпоху цифровизации: материалы международной научно-практической конференции* (г. Казань, 22 сентября 2021 года, стр. 310–314). Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем.
- Хусаинова, С. В., Чернова, Е. О. (2023). Проблемы организации методической и профилактической работы с несовершеннолетними. *Казанский педагогический журнал*, 3 (158), 213–218.
- Чипан, А. А. (2023). Основные подходы к рассмотрению научного понятия «подростки группы риска». *Мир науки, культуры, образования*, 4 (101), 197–202.
- Andrew, J. M. (1981). Reading and Cerebral Dysfunction Among Juvenile Delinquents. *Criminal Justice and Behavior*, 8 (2), 131–144. <https://doi.org/10.1177/009385488100800201> (Original work published 1981).
- Baek, H., Posadas, C. E., & Kwak, D. H. (2022). Parental Management on Juvenile Delinquency through Low Self-control And Misperception. *Deviant Behavior*, 44 (4), 510–527. <https://doi.org/10.1080/01639625.2022.2061390>
- Hayes, H. D. (1997). Using integrated theory to explain the movement into juvenile delinquency. *Deviant Behavior*, 18 (2), 161–184. <https://doi.org/10.1080/01639625.1997.9968051>
- Jacobsen, S. K., & Zaatut, A. (2020). Quantity or Quality?: Assessing the Role of Household Structure and Parent-Child Relationship in Juvenile Delinquency. *Deviant Behavior*, 43 (1), 30–43. <https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1774241>
- Kroese, J., Bernasco, W., Liefbroer, A. C., & Rouwendal, J. (2020). Growing up in single-parent families and the criminal involvement of adolescents: a systematic review. *Psychology, Crime & Law*, 27 (1), 61–75. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2020.1774589>
- Lee, W., Moon, J., & Garcia, V. (2019). The Pathways to Desistance: A Longitudinal Study of Juvenile Delinquency. *Deviant Behavior*, 41 (1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/01639625.2018.1519138>
- Sun, W., Wang, M., Zheng, F., & Wang, Y. (2024). From Nurture to Deviance: A Study on Parenting Style and Juvenile Delinquency. *Deviant Behavior*, 46 (5), 639–655. <https://doi.org/10.1080/01639625.2024.2361051>
- Yoshii, N., Ishiwara, T., & Tani, K. (1964). Juvenile delinquents and their abnormal eeg's (2) continuous theta waves. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 18 (2), 161–167. <https://doi.org/10.1111/j.1440-1819.1964.tb00021.x>

References

- Aptikieva, L. R. (2019). Razlichiya podrostkov «gruppy riska» i tipichnyh podrostkov: psihologo-pedagogicheskij aspekt. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (221), 6–14.
- Gilinskij, Ya. I. (2009). Sociologiya deviantnosti (novelly i perspektivy). *Sociologicheskie issledovaniya*, 8 (304), 70–73.
- Dement'eva, I. F. (2006). *Socializaciya detej v sem'e v usloviyah transformacii: tendencii, faktory, determinanty*: avtoref. dis. ... d. sociol. n. Moskow.
- Iznak, A. F., Iznak, E. V., Damyanovich, E. V., Olejchik, I. V. (2023). EEG-korrelyaty suicidal'nyh namerenij u bol'nyh depressiej, bolevshih i ne bolevshih COVID-19. *Zhurnal nevrologii i psixiatrii im. S.S. Korsakova*, 123 (11-2), 92–95. <https://doi.org/10.17116/jnevro202312311292>

- Machinskaya, R. I., Farber, D. A. (2023). *Regulyaciya povedeniya i kognitivnoj deyatel'nosti v podrostkovom vozraste. Mozgovye mekhanizmy: monografiya*. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj universitet.
- Machinskaya, R. I., Zaharova, M. N., Lomakin, D. I. (2020). Regulyatornye sistemy mozga u podrostkov s priznakami deviantnogo povedeniya. Mezhdisciplinarnyj analiz. *Fiziologiya cheloveka*, 46 (3), 37–55. <https://doi.org/10.31857/S0131164620030121>
- Nevskij, I. A. (1993). *Uchitel'yu o detyah s otkloneniyami v povedenii*. Moscow: Izdatel'stvo «Prosveshchenie».
- Rean, A. A. (2015). Faktory riska deviantnogo povedeniya: semejnij kontekst. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 4 (20), 105–110.
- Semenov, A. V. (2016). Nejrofiziologicheskie korrelyaty agressii i agressivnosti. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (41), 14–18.
- Smelzer, N. (1994). *Sociologiya* (per. s angl.). Moscow: Izdatel'stvo «Feniks».
- Suslonov, P. E. (2014). Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya social'noj psihologii politicheskogo ekstremizma i terrorizma. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 8, 215–218.
- Fel'dshtejn, D. I. (2008). *Trudnyj podrostok*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta.
- Husainova, S. V. (2021). Agressivnost' obuchayushchihsya kak faktor social'noj ustojchivosti. V R. H. Gil'meeva, L. A. Shibankova (red.), *Gumanitarnyj vektor obrazovaniya v epohu cifrovizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Kazan', 22 sentyabrya 2021 goda, str. 310–314). Kazan': Institut pedagogiki, psihologii i social'nyh problem.
- Husainova, S. V., Chernova, E. O. (2023). Problemy organizacii metodicheskoy i profilakticheskoy raboty s nesovershennoletnimi. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 3 (158), 213–218.
- Chipan, A. A. (2023). Osnovnye podhody k rassmotreniyu nauchnogo ponyatiya «podrostki gruppy riska». *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4 (101), 197–202.
- Andrew, J. M. (1981). Reading and Cerebral Dysfunction Among Juvenile Delinquents. *Criminal Justice and Behavior*, 8 (2), 131–144. <https://doi.org/10.1177/009385488100800201> (Original work published 1981).
- Baek, H., Posadas, C. E., & Kwak, D. H. (2022). Parental Management on Juvenile Delinquency through Low Self-control And Misperception. *Deviant Behavior*, 44 (4), 510–527. <https://doi.org/10.1080/01639625.2022.2061390>
- Hayes, H. D. (1997). Using integrated theory to explain the movement into juvenile delinquency. *Deviant Behavior*, 18 (2), 161–184. <https://doi.org/10.1080/01639625.1997.9968051>
- Jacobsen, S. K., & Zaatut, A. (2020). Quantity or Quality?: Assessing the Role of Household Structure and Parent-Child Relationship in Juvenile Delinquency. *Deviant Behavior*, 43 (1), 30–43. <https://doi.org/10.1080/01639625.2020.1774241>
- Kroese, J., Bernasco, W., Liefbroer, A. C., & Rouwendal, J. (2020). Growing up in single-parent families and the criminal involvement of adolescents: a systematic review. *Psychology, Crime & Law*, 27 (1), 61–75. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2020.1774589>
- Lee, W., Moon, J., & Garcia, V. (2019). The Pathways to Desistance: A Longitudinal Study of Juvenile Delinquency. *Deviant Behavior*, 41 (1), 87–102. <https://doi.org/10.1080/01639625.2018.1519138>
- Sun, W., Wang, M., Zheng, F., & Wang, Y. (2024). From Nurture to Deviance: A Study on Parenting Style and Juvenile Delinquency. *Deviant Behavior*, 46 (5), 639–655. <https://doi.org/10.1080/01639625.2024.2361051>
- Yoshii, N., Ishiwara, T., & Tani, K. (1964). Juvenile delinquents and their abnormal eeg's (2) continuous theta waves. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 18 (2), 161–167. <https://doi.org/10.1111/j.1440-1819.1964.tb00021.x>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Хусаинова – ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем, доктор психологических наук.

About the author

Svetlana V. Khusainova – Leading Researcher at the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems, Dr. Sci. (Psy).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 08.09.2025

Одобрена после рецензирования 28.09.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted September 08, 2025

Approved after reviewing September 28, 2025

Accepted October 28, 2025

УДК 379.823

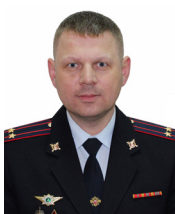
Девиантогенное воздействие медиапродукции на обучающихся

Олег Сергеевич Мантуров

Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург, Россия)
osmanturov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8252-9623

Роман Владимирович Нелюбин

Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург, Россия)
ro.nelubin@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-9995-1589

Аннотация

Введение. Массовое увлечение современной молодежи медиапродукцией нередко таит в себе деструктивные эффекты. Цель статьи – исследование факторов и степени эффективности девиантогенного воздействия медиапродукции на обучающихся. Для достижения данной цели были выявлены негативные психологические установки, пропагандируемые девиантогенной медиапродукцией, проведено эмпирическое исследование, направленное на установление связи между увлеченностью молодежи определенной медиапродукцией и формированием негативных личностных черт, оказывающих влияние как на формирование личности, так и на профессионализацию. **Методы.** В работе применялся диалектический подход к рассматриваемой проблеме, сопряженный с использованием общенаучных (формализация, анализ, моделирование) и теоретических методов социальных и гуманитарных наук (структурно-функциональный, системный методы). Проведенное авторами эмпирическое исследование было построено на сопряжении социологических и психологических методик. **Результаты.** В ходе исследования было доказано, что современная медиапродукция действительно оказывает большое влияние на процессы социализации и профессионализации молодежи. Девиантогенное воздействие медиапродукции находит подтверждение в сформированности у молодежи негативных личностных черт. Степень данного воздействия проявляет себя в формировании у молодого человека устойчивой медиазависимости – медиааддикции. Проведенное исследование позволило установить конкретные проявления медиааддикции: отрицание влияния медиапродукции на психику ее потребителя, отрицание проблем во взаимоотношениях с людьми, которые могут быть следствием медиазависимости. В ходе исследования также был установлен факт несомненного негативного влияния девиантогенной продукции на профессионализацию обучающихся: чем больше негативных черт личности демонстрировали респонденты в ходе психологического тестирования, тем отчетливее фиксировались у них скепсис в отношении будущей профессиональной деятельности, утрата интереса к ней, непонимание ее социальной значимости.

Ключевые слова

медиапродукция, медиaprостранство, медиапсихология, массмедиа, медиасоциализация, деструктивное поведение, негативное информационно-психологическое воздействие, медиазависимость, медиааддикция

Для цитирования: Мантуров, О. С., Нелюбин, Р. В. (2025). Девиантогенное воздействие медиапродукции на обучающихся. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 488–502.

Original paper

The deviant influence of media products on students

Oleg S. Manturov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Yekaterinburg, Russia)

osmanturov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8252-9623

Roman V. Nelyubin

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Yekaterinburg, Russia)

ro.nelubin@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-9995-1589

Abstract

Introduction. The widespread fascination of today's youth with media products often has destructive effects. The purpose of this article is to study the factors and degree of effectiveness of the deviantogenic influence of media products on students. To achieve this goal, negative psychological attitudes promoted by deviant media products were identified, and an empirical study was conducted to establish a link between young people's fascination with certain media products and the formation of negative personality traits influencing both personality development and professionalisation. **Methods.** The authors applied a dialectical approach to the problem under consideration, combined with the use of general scientific (formalisation, analysis, modelling) and theoretical methods of social sciences and humanities (structural-functional, systemic methods). The empirical study was based on a combination of sociological and psychological techniques. **Results.** It has been proven that modern media products do indeed have a significant impact on the socialisation and professionalisation of young people. The deviantogenic influence of media products is confirmed by the formation of negative personality traits in young people. The level of this influence manifests itself in the formation of a stable media dependence – media addiction – in young people. The study identified specific manifestations of media addiction: denial of the influence of media products on the psyche of their consumers, denial of problems in relationships with people that may be the result of media dependence. The authors of the research established the undeniable negative impact of deviant content on the professional development of students: the more negative personality traits respondents demonstrated during psychological testing, the more pronounced their scepticism about their future professional activities, loss of interest in them, and lack of understanding of their social significance.

Keywords

media production, media space, media psychology, mass media, media socialisation, destructive behavior, negative informational and psychological impact, media dependence, media addiction

For citation: Manturov, O. S., Nelyubin, R. V. (2025). The deviant influence of media products on students. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 488–502.

Введение

В научном и общественном дискурсе не первое десятилетие поднимается вопрос о том, какие деструктивные эффекты таит в себе медиапродукция. Очевидно, современная медиапродукция (практически во всех ее формах и разновидностях) оказывает не меньшее воздействие на формирующееся сознание молодежи, чем традиционные средства массовой информации на общественное сознание людей в веке прошедшем. Медиа имеет значительное влияние на протекание социализации молодого человека, выполняет важную для становления общества воспитательную функцию, формируя личность индивида, способного изменять социальное пространство.

В XXI веке, с установлением господства рыночных отношений не только в экономике, но и в общественном сознании, медиaprостранство начинает неуклонно подчиняться тем же законам, которые структурируют пространство социальное. Прежде всего, речь идет о коммерциализации медиaprостранства. А. А. Смирнов утверждает: «Исторический опыт показывает, что характерная для капиталистических стран тенденция коммерциализации массмедиа приводит к тому, что ставка делается на отбор контента по критерию его продаваемости, что способствует насыщению их негативной информацией, привлекающей внимание аудитории» (Смирнов, 2012, с. 26). Гонка за прибылью заставляет игроков медиарынка не столько формировать потребителя медиапродукции, сколько подстраиваться под его интересы и запросы. За современной медиапродукцией скрывается не ее создатель, а потребитель, со всеми своими тайными желаниями, импульсами, нереализованными комплексами.

В последние годы в научном дискурсе начинает широко использоваться новое понятие – «цифровой человек» (Homo digital). В общем смысле под этим понятием подразумевают человека, погрузившегося в мир цифровых технологий, не мыслящего своего существования без их использования. По мнению А. С. Некрасова, «современные технологии делают человека запрограммированным, так как он попадает в сетевой оборот и становится его частью. Человек начинает жить в знаково-символическом мире, т. е. не только он создает знаки и символы, но и знаки и символы формируют человека, что ведет к смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного» (Некрасов и др., 2019, с. 4). Но если «цифровой человек» является продуктом цифрового медиaprостранства, это значит, неизбежно встанет вопрос не только об изменении под влиянием медиатехнологий его собственной картины мира, но и его психофизической природы. Это явление очень точно подметил А. А. Ковалев: «Медиареальность представляет собой одну из важнейших новаций современной культуры. Но еще важнее то, что она во многом формирует и даже, выражаясь компьютерным языком, форматирует сознание современного человека, в частности таким образом, что кажется уже более реальной, чем сама исходная действительность» (Ковалев, 2010, с. 71).

В настоящий момент можно с уверенностью констатировать усиливающийся интерес к феноменам медиа со стороны существующих областей научного знания. Например, в области академической науки уже отмечено появление таких дисциплин, как медиапсихология (Winterhoff-Spurk, 2004; Жижина, 2020; Pronina, 2014), медиафилософия (Hartmann, 2000; Margreiter, 2003; Савчук, 2012), медиасоциология (Коломиец, 2023), медиапедагогика (Bazalgette, Bevort, & Savino, 1992; Hart, 1997; Федоров, 2001). Эти и многие другие исследователи отмечают, что массмедиа стала самостоятельным социальным институтом, использующим самые разнообразные технические средства и технологии в качестве посредников в коммуникации между людьми. Данный феномен проявляет себя как медиасоциализация личности (McQuail,

2010; Couldry & Hepp, 2016; Lee & Ma, 2012). Многие связывают медиасоциализацию исключительно со вторичной социализацией, мы же считаем, что медиасоциализация человека в современном мире протекает параллельно всем процессам становления его социального сознания и социальной идентичности – и первичной, и вторичной социализации, и инкультурации, и профессионализации.

В ходе медиасоциализации человек сталкивается с разнообразными угрозами и рисками. Угрозы медиасреды связаны с возможностью наступления для индивида каких-то проблем или негативных последствий, причем вероятность наступления данных последствий мы объективно оценить не можем. Степень опасности конкретной угрозы по сути сводится к характеру индивида, с ней сталкивающегося, уровню его образования и культуры, моральным и ценностным установкам, особенностям мировоззрения. Риски же отличаются от угроз тем, что основная опасность исходит от самого субъекта, принимающего решение, т. е. в случае с рисками медиасоциализации намного важнее окажутся отдаленные последствия, вызванные соприкосновением индивида с медиасредой, сама возможность принятия субъектом негативных решений, вызванных неправильным восприятием угроз.

Большой вклад в исследование девиантогенного воздействия медиапродукции на человека внесла Ю. В. Гребенкина. Говоря об угрозах медиaprостранства, она отметила следующее: «Наиболее опасным последствием медианасилия является эмоциональное притупление у зрителя, игрока, в результате которого у подростков формируется равнодушие к реальному насилию. Вторым деструктивным эффектом является формирование у подростка убеждения, что насилие является приемлемым способом решения всех затруднений. Третий эффект напрямую связан с возможностью подражательных насильственных поступков» (Гребенкина, 2019, с. 39). Добавим, что в равной мере угрозами, которые таит в себе медиaprостранство, можно считать искажение в медиаконтенте моральных и нравственных ценностей (Черникова, 2014), подавление медийным пространством свободы мировоззренческого выбора человека, культивацию в медиаконтенте ценностей и норм криминальной среды (Хисамутдинов, Шалагин, 2015).

Каждая из обозначенных угроз медиaprостранства порождает, в свою очередь, группу рисков. Во-первых, таким риском выступает систематическая десенсибилизация – постепенное уменьшение чувствительности человека к предметам, событиям или людям, вызывающим тревожность и фобии (Книжникова, 2014). Применительно к медиасоциализации можно говорить об эмоциональном притуплении медиапотребителя, прежде всего, к агрессии. По мнению М. В. Криворучко, «изучение зарубежных и отечественных медиа показывает обилие сцен, содержащих агрессию и насилие. Приблизительно в 90 % телефильмов встречаются сцены драк и насилия. В телевизионных программах США показывают 5 актов насилия в час в вечернее время и 18 актов насилия в дневное время по выходным. Очень много сцен насилия в мультфильмах, в них в среднем происходит 26 актов насилия в час. Детские мультфильмы содержали больше насилия, чем все остальные разновидности развлекательных программ, включая боевики и детективы» (Криворучко, 2019, с. 58). Современные технологии, захватывающий сюжет, игра актеров способны создать медиапродукт, в котором агрессия, насилие, жестокость перестают восприниматься как нечто негативное и нежелательное.

Во-вторых, угрозы медиасоциализации рискуют привести к подмене сочувствия жертве сопереживанием убийце или насильнику. Современная киноиндустрия поставила на поток создание образа «привлекательного маньяка». За внешне притягательным обликом героя, его характером, «благородными» мотивами зрители, не обладающие критическим мышлением, уже не замечают всю антисоциальную направленность его деяний.

В-третьих, стоит отметить такой риск на пути медиасоциализации, как привлекательность для молодых неокрепших умов альтернативных жизненных стратегий и систем ценностей. Это тесно связано и с таким явлением современности, как разрушение ролевой модели традиционной семьи.

В-четвертых, в процессе медиасоциализации у человека может сформироваться медиазависимость – патологическое тяготение к использованию информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В большинстве научных исследований (Бакулев, 2015; Шанин, 2015; Дресвянников, Чухрова, Пронин, 2015) медиазависимость связывают с попыткой удовлетворения человеком своих потребностей посредством медиа, результатом чего неизбежно возникает подчинение человека медиареальности.

Медиазависимость рискует перейти в самые разные негативные проявления личности и поведения человека, привести к утрате человеком своей идентичности, изменению его жизненных стратегий, желаемых образов будущего. На этом этапе медиазависимость приобретает новые свойства, что позволяет утверждать о ее перерастании в *медиааддикцию* – патологическую зависимость человека от медиасреды, приводящую к определенным психологическим проблемам (Шанин, 2015, с. 97). Ряд исследований интернет-аддикции был проведен коллективом авторов под руководством В. Л. Дресвянникова (Дресвянников и др., 2015). В частности, исследователями были выявлены следующие негативные последствия интернет-зависимости: уход от общения с реальными людьми, прежде всего с семьей и друзьями; игнорирование социальных видов деятельности; снижение качества профессиональной деятельности; вероятность возникновения или обострения психических заболеваний; связь с другими видами аддикций (в частности, зависимостью от алкоголя или наркотиков); длительное пребывание в депрессии вплоть до суицидальных мыслей, и др. С. В. Книжникова связывает медиааддикцию прежде всего с таким феноменом, как медианасилие. Она дает нам довольно полный список способов влияния медианасилия на сознание зрителя, среди которых значатся «призыв к применению насилия; беспричинная агрессивность по отношению к себе подобным или “инициация агрессии”; излишне детализированная демонстрация насильственных актов расправы над жертвами преступлений; намеренное акцентирование внимания аудитории на жестоких, насильственных действиях как норме повседневной жизни; культ грубой силы в СМИ, создание жестокого образа супергероя, пренебрегающего выбором средств для достижения поставленной цели; описание технологии криминальной агрессии; нагнетание чувства страха, беспомощности, размывание установок на борьбу с преступностью; стирание грани между нравственным и безнравственным в межличностных отношениях» (Книжникова, 2014, с. 194). Говоря о медианасилии, С. В. Книжникова отмечает, что его последствия могут быть как немедленными, так и отсроченными во времени. К немедленным автор исследования относит подражательные нападения, преступления-имитации, индуцированные суициды молодежи. Отложенные во времени последствия девиантогенного воздействия медиа не менее опасны и губительны для человека. Прежде всего, речь идет о кардинальных изменениях личности человека, его ценностных установках, ориентирах в жизни. Все перечисленные С. В. Книжниковой проявления девиантогенного воздействия медиапродукции можно отнести к аддиктивным формам поведения, что позволяет понимать медиааддикцию как одно из кардинальных негативных проявлений медиасоциализации личности.

Если рассматривать однозначно девиантогенное воздействие медиапродукции на человека, то это очевидная угроза для подрастающего поколения со всеми присущими ему физиологическими, социально-психологическими и демографическими особенностями. Именно молодежи свойственны поверхностность в суждениях, пренебрежение жизненным опытом, радикальность в действиях и убеждениях, подверженность новым информационным

веяниям («трендам»), попытки противодействия любому виду контроля. Все это, помноженное на кажущуюся анонимизацию человека в цифровом пространстве, приводит к тому, что именно молодежь оказывается наиболее желанным объектом негативного информационно-психологического воздействия со стороны самых разных сил.

Описание исследования

В целях исследования девиантогенного воздействия медиапродукции (под этим термином мы будем понимать устойчивую зависимость между просматриваемым человеком медиа-контентом и формированием у него конкретных негативных личностных черт) авторами настоящей работы было проведено эмпирическое исследование, объектом изучения которого выступили обучающиеся образовательной организации МВД России, в которой проходят службу авторы. Влияние девиантогенной медиапродукции на обучающихся образовательных организаций МВД России представляет двойную опасность – речь идет не только о формировании негативных личностных черт, но и об определенной доле риска, который проявит себя только в будущем, в профессиональном взаимодействии сотрудника полиции с гражданами. В связи с этим возникает необходимость профилактики любого рода девиантогенного воздействия на личность будущего правоохранителя, которая может внести существенные коррективы в процессы его профессионализации.

Программа эмпирического исследования была построена на сопряжении социологических и психологических методик. Социологическое исследование было проведено на основе традиционного («бумажного») анкетирования. К социологической анкете прилагался психологический опросник – «шкала враждебности» Кука-Медлей, позволяющая оценить уровень цинизма, агрессии и враждебности, что помогло выявить наличие взаимосвязи между увлеченностью респондента девиантогенной медиапродукцией и степенью сформированности у него обозначенных негативных социально-психологических качеств.

Акцент в исследовании делался не столько на статистических показателях социологической анкеты, сколько на отражении данных показателей в самосознании респондентов. Согласно полученным результатам мы условно выделили три группы респондентов по «шкале враждебности» Кука-Медлей: 1. «Общая группа» – включает в себя всех респондентов, принявших участие в исследовании (всего в исследовании приняли участие 195 респондентов, с первого по пятый годы обучения – рис. 1). 2. «Неблагоприятный результат» – группа респондентов, у которой уровень агрессивности, цинизма и враждебности (хотя бы два показателя) фиксируется в высокой степени выраженности. 3. «Группа риска» – набранные баллы хотя бы по одному из обозначенных выше качеств соответствуют высокому показателю согласно методике подсчета.

Первый блок вопросов в анкете был ориентирован на выявление осознания респондентами влияния современной киноиндустрии и медиасреды на морально-нравственные представления (рис. 2) и, в частности, на кризис традиционных институтов общества. Полученные результаты выглядят крайне противоречиво. Среди общего числа респондентов 47 % (практически половина) признает факт влияния современной киноиндустрии на кризис современных институтов общества, причем это же количество считает данное влияние позитивным.

Интересен для нас тот факт, что респонденты из второй и третьей групп на фоне среднестатистических обучающихся проявляют куда большую сознательность. Невольно возникает вопрос: с чем подобная «сознательность» связана? При анализе ответов на последующие вопросы нами был сделан такой вывод: в отличие от респондентов, составляющих вторую и третью группы, среднестатистические обучающиеся просто не придают значения тому медиаконтенту, который они просматривают, и не заостряют внимание на факте влияния данного контента

на их психику. Респонденты из «неблагоприятных» групп, напротив, целенаправленно выбирают к просмотру медиаконтент, содержащий сцены насилия, жестокости и т. п., искренне считая, что никакого влияния на них самих увлеченность подобным контентом оказать не может.

Более обширную трактовку данной тенденции можно получить при анализе ответов на вопрос: «Как вы считаете, оказывает ли влияние частый просмотр жестоких сцен в фильмах / сериалах / видеороликах на взаимоотношения с окружающими людьми?» (рис. 3).

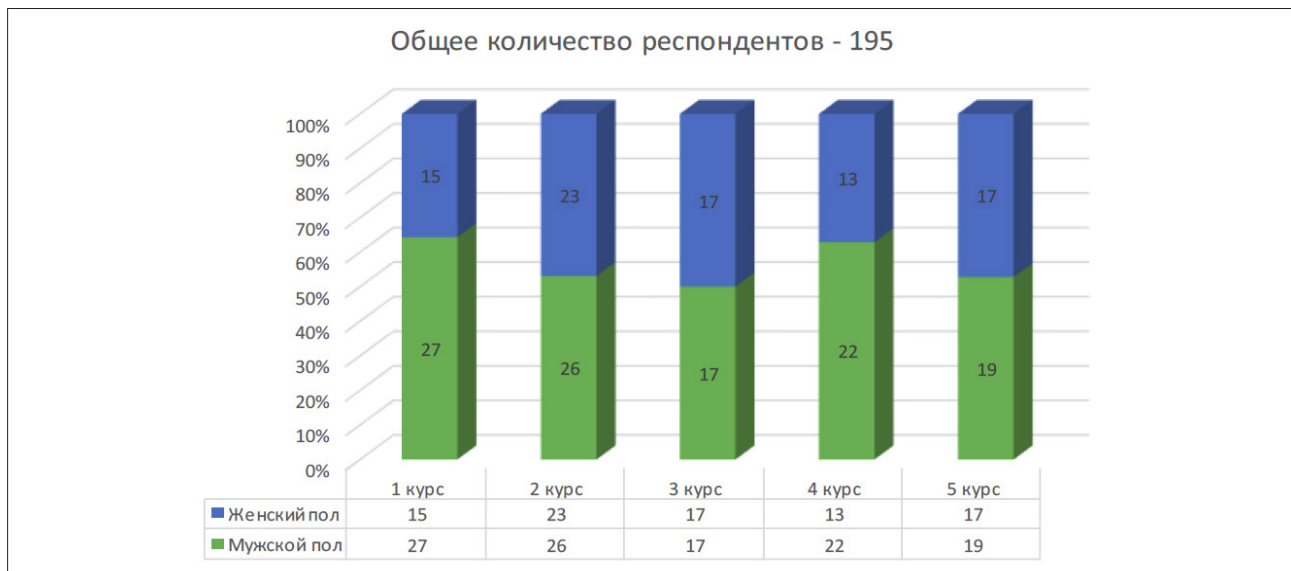

Рис. 1. Общее количество респондентов

Fig. 1. Total number of respondents

Рис. 2. Влияние современной киноиндустрии и медиасреды на морально-нравственные представления в обществе

Fig. 2. The influence of the modern film industry and media environment on moral and ethical perceptions in society

Можно заметить, что большая часть респондентов (42 %) диагностируют это влияние, наблюдая появление эмоционального притупления и равнодушия к людям, еще 15 % видит его проявления в избыточной агрессии. Каждый третий респондент (37 %) подобное влияние отрицает. Намного важнее для нас результаты, показанные второй и третьей группами респондентов. Уже 46 % респондентов второй группы и 58 % респондентов третьей категорично отрицают влияние частого просмотра медиаконтента, содержащего жестокие сцены, на взаимоотношения с окружающими людьми.

Второй блок вопросов в исследовании был посвящен содержательному анализу негативного медиаконтента, потребляемого обучающимися. Нам было важно установить, считают ли сами обучающиеся приемлемым наличие заведомо девиантных сцен и сюжетов в современной медиапродукции, и если да, то какими соображениями они это оправдывают.

При ответе на вопрос «Какие сцены в современных фильмах / сериалах вы считаете приемлемыми?» (рис. 4) респонденты могли сделать множественный выбор между следующими вариантами (или не выбирать ни один из них): курение / распитие героями спиртных напитков; эротические сцены; насилие мужчины по отношению к женщине, сексуальное или психологическое; реалистичное изображение преступлений; сцены глумления, издевательства над людьми, в том числе со стороны преступника.

Необходимо отметить, что респонденты из второй группы по каждой из предложенных для выбора негативно окрашенных сцен продемонстрировали большую лояльность к их демонстрации в современном кинематографе, нежели «среднестатистические» обучающиеся. Кроме того, если среди всех обучающихся нашлось значительное число лиц, не выбравших при

Рис. 3. Влияние увлеченности девиантогенной медиапродукцией на социальные отношения

Fig. 3. The influence of fascination with deviant media products on social relations

ответе ни один из предложенных вариантов, то в случае с «неблагоприятными» группами каждым обучающимся был выбран хотя бы один из вариантов.

Для получения более полных сведений о влиянии медиапродукции на профессионализацию обучающихся социологическая анкета была дополнена двумя открытыми вопросами: «Можете ли вы назвать героя телефильма / сериала, который кажется вам привлекательным, несмотря на то что он совершал / совершает преступления (в т. ч. в интересах службы)?» и «С каким героем телефильма / сериала вы могли бы себя отождествить?». Каждое поколение рождает своих киногероев: для поколения «восьмидесятых» таким героем выступал Глеб Жеглов, для поколения «девяностых» – герои телесериала «Улицы разбитых фонарей». Эти герои были привлекательны прежде всего своими человеческими чертами, обаянием, умением найти подход к любому человеку, в том числе преступившему закон. Результаты анкетирования обучающихся авторам исследования показали несколько обескураживающими: среди героев, кажущихся привлекательными нашим респондентам, лидирующую позицию занимает Родион Меглин, главный герой популярного сериала «Метод». Герой, привлекательный во многом благодаря сценическому мастерству сыгравшего его К. Хабенского, является по сути социопатом, к тому же страдающим параноидной шизофренией. Редкие преступники (маньяки), изобличенные героем, не погибали от его рук к концу серии. Второе место среди ответов обучающихся занял герой не менее популярного у молодежи «полицейского» (по сути карикатурного) сериала «Полицейский с Рублевки» Григорий Измайлов.

Наконец, последний блок вопросов в исследовании был посвящен непосредственно установлению влияния увлеченностью обучающихся девиантогенной медиа продукцией на процессы, связанные с профессионализацией. Нельзя исключать ни позитивного, ни негативно воздействия медиапродукции на становление у молодого человека профессионализации,

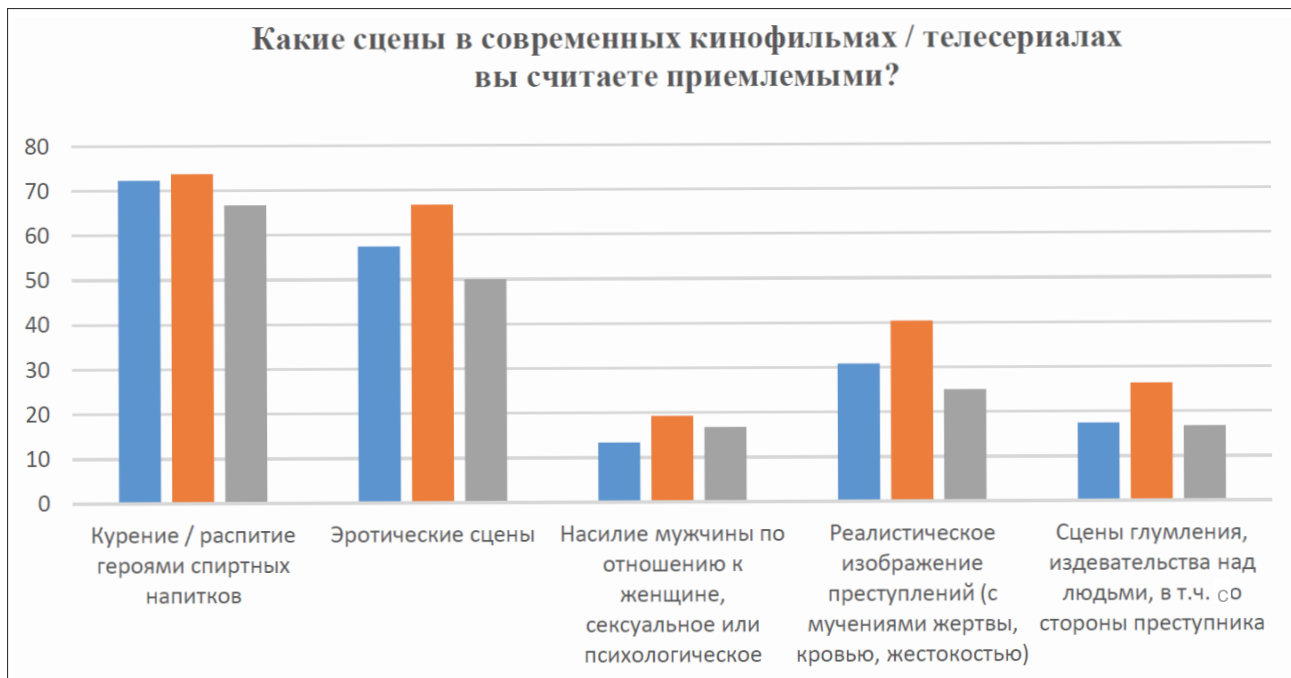

Рис. 4. Допустимость показа в современной медиапродукции негативно окрашенных сцен

Fig. 4. The acceptability of negatively portrayed scenes in contemporary media productions

особенно когда речь идет о сознательном намерении связать свою будущую жизнь с правоохранительной деятельностью.

На рисунке 5 отражено, что подавляющее большинство обучающихся образовательной организации МВД России действительно испытывают интерес к медиаконтенту, построенному на изображении различных аспектов их будущей профессиональной деятельности, однако доля интереса к профессиональной тематике у второй и третьей групп респондентов падает.

Мы также спрашивали у обучающихся, способствует ли, на их взгляд, просмотр «тематического» медиаконтента эффективному протеканию у них процессов профессионализации (рис. 6). При ответе на этот вопрос заметна все та же зависимость: чем больше деструктивных черт личности демонстрирует наш респондент, тем более увеличивается у него скепсис в отношении будущей профессиональной деятельности.

Последний вопрос в анкете был направлен на установление степени негативного воздействия (по мнению респондентов) девиантогенной медиапродукции на моделирование обучающимися будущей профессиональной деятельности (рис. 7). Большая часть наших респондентов отмечает, что просмотр жестоких сцен в фильмах / сериалах играет положительную роль для их будущей профессиональной деятельности (они учат жизни, показывают реальные ситуации, с которыми может столкнуться сотрудник полиции), на втором месте ответ – «положительное, так как они формируют непримиримое отношение к преступникам». Можно заключить, что, несмотря на провозглашаемое нашими респондентами отношение к девиантогенной медиапродукции, обучающиеся все равно проявляют интерес к подобной медиапродукции, если не признаваясь прямо в своей увлеченности ей, то оправдывая ее «интересами будущей профессиональной деятельности».

Рис. 5. Заинтересованность респондентов в просмотре медиапродукции, имеющей отношение к их будущей профессии

Fig. 5. Respondents' interest in viewing media products related to their future profession

Мантуров О. С., Нелюбин Р. В. / Manturov O. S., Nelyubin R. V.

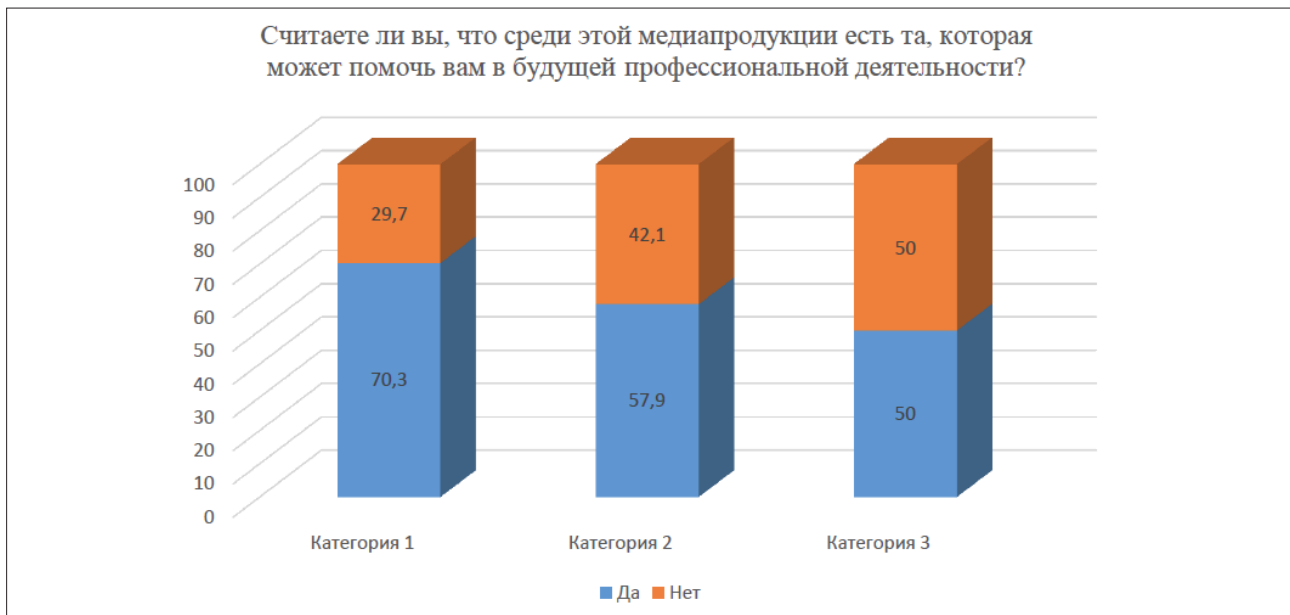

Рис. 6. Связь между просматриваемым профессионально ориентированным медиаконтентом и будущей профессиональной деятельностью респондентов

Fig. 6. The relationship between professionally oriented media content viewed and respondents' future professional activities

Рис. 7. Влияние девиантогенной медиапродукции на профессионализацию обучающихся

Fig. 7. The influence of deviant media products on the professionalisation of students

Заключение

В результате проведенного авторами эмпирического исследования было доказано, что современная медиапродукция действительно оказывает большое влияние на процессы социализации и профессионализации молодежи, формирование негативных личностных черт. Степень данного воздействия проявляется в формировании у молодого человека устойчивой медиазависимости – медиааддикции. Проведенное исследование позволило установить конкретные проявления медиааддикции: отрицание влияния медиапродукции на психику ее потребителя, отрицание проблем во взаимоотношениях с людьми, которые могут быть следствием медиазависимости, что проявилось в уходе респондентов от неудобных вопросов, касающихся пагубности просматриваемого ими медиаконтента.

Особый интерес представляет факт девиантогенного воздействия медиапродукции на процессы профессионализации обучающихся. В отношении респондентов представленного исследования данный факт можно фиксировать через оправдание заинтересованности подобной медиапродукцией интересом к отдельным аспектам противодействия преступности, необходимостью формирования профессионально важных черт характера (прежде всего стрессоустойчивости и непримиримости к преступлениям), указанием на адаптацию к возможным в будущем экстремальным ситуациям профессиональной деятельности. Тем не менее было установлено прямо противоположное влияние увлеченностью девиантогенной медиапродукцией на профессионализацию обучающихся: чем больше негативных черт личности демонстрировали наши респонденты в ходе психологического тестирования, тем в большей степени фиксировался у них скепсис в отношении будущей профессиональной деятельности, утрата интереса к ней, непонимание ее социальной значимости.

Учитывая реалии современной жизни, можно утверждать, что искоренить воздействие медиасреды на человека представляется маловероятным, поэтому стоит вести речь лишь о минимизации девиантогенного воздействия медиапродукции. Основные механизмы, ограничивающие девиантогенное воздействие медиапродукции на человека, заложены в самом медиaprостранстве. Одним из наилучших средств по противодействию девиантогенному воздействию медиапродукции на человека выступает медиаобразование. Результатом медиаобразования должно стать осознанное потребление человеком медиапродукции, направленное на становление, а не на разрушение его личности.

Авторами исследования в воспитательную работу с обучающимися успешно внедрен метод «кинолекторий». Применение данного метода в воспитательной работе с обучающимися способно раскрыть гуманистические смыслы и ценности образования, способствуя формированию высокой духовно-нравственной культуры личности, способности к анализу различных категорий философии и профессиональной этики (таких как добро и зло, свобода и ответственность, моральный выбор), сформировать умение делать собственный выбор в противовес складывающимся обстоятельствам. Данный метод воспитательной работы с обучающимися формирует эстетический вкус, креативность, восприимчивость, творческое мышление, способности нешаблонно мыслить. Правильное проведение мероприятий (с приглашенными спикерами, продуманным планом, управляемой дискуссией) будет способствовать получению обучающимися навыков социально-культурного анализа, пониманию специфики киноискусства в историко-культурном контексте, восприятию межкультурного разнообразия общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, а также научит обучающихся генерировать новые идеи при решении исследовательских и практических задач.

Список литературы

- Бакулев, Г. П. (2015). Проблема интернет-зависимости в свете классических теорий массовой коммуникации. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 1 (1), 21–29.
- Гребенкина, Ю. В. (2019). К вопросу о педагогической профилактике деструктивного влияния медиасреды на социальное развитие детей и молодежи. *Педагогика: вчера, сегодня, завтра*, 2 (1), 36–42.
- Дресвянников, В. Л., Чухрова, М. Г., Пронин, С. В. (2015). *Интернет-зависимость*: монография. Новосибирск: ООО «Немо Пресс».
- Жижина, М. В. (2020) Медиапсихология: новый контекст задач и направлений исследования. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 12, 49–52. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.12.13>
- Книжникова, С. В. (2014). Медианасилие: «бить или не бить»? *Народное образование*, 5 (1438), 193–199.
- Ковалев, А. А. (2010). Медиареальность как феномен современной культуры. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6 (38), 70–74.
- Коломиец, В. П. (2023). Медиасоциология: предметное и образовательное пространство. *Коммуникации. Медиа. Дизайн*, 8 (2), 33–51.
- Криворучко, М. В. (2019). Телевизионные предпочтения как предикторы девиантного поведения в подростковом возрасте. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 57–67. <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.1.57-67>
- Некрасов, А. С., Некрасов, С. И., Некрасова, Н. А., Клепацкий, В. В. (2019). От «человека информационного» к «человеку цифровому». *Вестник Университета Российской академии образования*, 3, 4–10.
- Савчук, В. В. (2012). *Медиафилософия. Приступ реальности*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Смирнов, А. А. (2012). Средства массовой информации в механизме детерминации противоправного поведения. *Научный портал МВД России*, 2, 26–34.
- Федоров, А. В. (2001). *Медиаобразование: история, теория и методика*: монография. Ростов-на-Дону: Издательство ЦВВР.
- Хисамутдинов, Ф. Р., Шалагин, А. Е. (2015). Криминальная субкультура и ее предупреждение. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 2 (20), 46–52.
- Черникова, В. Е. (2014). Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества. *Вестник Адыгейского государственного университета, Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 3 (144), 45–50.
- Шанин, С. В. (2015). Профилактика и диагностика медиазависимости обучающихся. *Вестник Белгородского института развития образования*, 2, 96–99.
- Bazalgette, C., Bevort, E., & Savino, J. (1992). *L'Education aux medias dans le monde: Nouvelles orientations*. Paris: BFI, CLEMI, UNESCO.
- Couldry, N., & Hepp, A. (2017). *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity.
- Hart, A. (1997). Textual Pleasures and Moral Dilemmas: Teaching Media Literacy in England. In R. Kubey (Ed.), *Media Literacy in the Information Age*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.
- Hartmann, F. (2000). *Medienphilosophie*. Wien: WUV-Universitätsverlag.
- Lee, C. S., & Ma, L. (2012). News Sharing in Social Media: The Effect of Gratifications and Prior Experience. *Computers in Human Behavior*. 28 (2), 331–339. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.10.002>

- Margreiter, R. (2003). *Medien/Philosophie: Ein Kippbild*. In *Medienphilosophie: Beiträge zur Klärung eines Begriffs*. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl.
- McQuail, D. (2010). *Mass Communication Theory* (6th ed.). London, Sage.
- Pronina, E. E. (2014). Media psychology: Modern man and nonlocality of psyche. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7 (4), 75–87. <https://doi.org/10.11621/pir.2014.0407>
- Winterhoff-Spurk, P. (2004). *Medienpsychologie: eine Einführung*. Stuttgart: Kohlhammer.

References

- Bakulev, G. P. (2015). Problema internet-zavisimosti v svete klassicheskikh teorij massovoy kommunikacii. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 1 (1), 21–29.
- Grebenkina, Yu. V. (2019). K voprosu o pedagogicheskoy profilaktike destruktivnogo vliyaniya mediasredy na social'noe razvitie detej i molodezhi. *Pedagogika: vchera, segodnya, zavtra*, 2 (1), 36–42.
- Dresvyannikov, V. L., Chuhrova, M. G., Pronin, S. V. (2015). *Internet-zavisimost': monografiya*. Novosibirsk: ООО «Nemo Press».
- Zhizhina, M. V. (2020) Mediapsihologiya: novyj kontekst zadach i napravlenij issledovaniya. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 12, 49–52. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.12.13>
- Knizhnikova, S. V. (2014). Medianasilie: «bit' ili ne bit'»? *Narodnoe obrazovanie*, 5 (1438), 193–199.
- Kovalev, A. A. (2010). Mediareal'nost' kak fenomen sovremennoj kul'tury. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 6 (38), 70–74.
- Kolomic, V. P. (2023). Mediasociologiya: predmetnoe i obrazovatel'noe prostranstvo. *Kommunikacii. Media. Dizajn*, 8 (2), 33–51.
- Krivoruchko, M. V. (2019). Televizionnye predpochteniya kak prediktory deviantnogo povedeniya v podrostkovom vozraste. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologiya»*, 1, 57–67. <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.1.57-67>
- Nekrasov, A. S., Nekrasov, S. I., Nekrasova, N. A., Klepackij, V. V. (2019). Ot «cheloveka informacionnogo» k «cheloveku cifrovomu». *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya*, 3, 4–10.
- Savchuk, V. V. (2012). *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RHGA.
- Smirnov, A. A. (2012). Sredstva massovoj informacii v mekhanizme determinacii protivopravnogo povedeniya. *Nauchnyj portal MVD Rossii*, 2, 26–34.
- Fedorov, A. V. (2001). *Mediaobrazovanie: istoriya, teoriya i metodika: monografiya*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo CVVR.
- Hisamutdinov, F. R., Shalagin, A. E. (2015). Kriminal'naya subkul'tura i ee preduprezhdenie. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2 (20), 46–52.
- Chernikova, V. E. (2014). Konflikt tradicionnyh moral'nyh cennostej i cennostej informacionnogo obshchestva. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 1: regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, 3 (144), 45–50.
- Shanin, S. V. (2015). Profilaktika i diagnostika mediazavisimosti obuchayushchihhsya. *Vestnik Belgorodskogo instituta razvitiya obrazovaniya*, 2, 96–99.
- Bazalgette, C., Bevort, E., & Savino, J. (1992). *L'Education aux medias dans le monde: Nouvelles orientations*. Paris: BFI, CLEMI, UNESCO.
- Couldry, N., & Hepp, A. (2017). *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity.
- Hart, A. (1997). Textual Pleasures and Moral Dilemmas: Teaching Media Literacy in England. In R. Kubey (Ed.), *Media Literacy in the Information Age*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.

- Hartmann, F. (2000). *Medienphilosophie*. Wien: WUV-Universitätsverlag.
- Lee, C. S., & Ma, L. (2012). News Sharing in Social Media: The Effect of Gratifications and Prior Experience. *Computers in Human Behavior*, 28 (2), 331–339. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.10.002>
- Margreiter, R. (2003). Medien/Philosophie: Ein Kippbild. In *Medienphilosophie: Beiträge zur Klärung eines Begriffs*. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl.
- McQuail, D. (2010). *Mass Communication Theory* (6th ed.). London, Sage.
- Pronina, E. E. (2014). Media psychology: Modern man and nonlocality of psyche. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7 (4), 75–87. <https://doi.org/10.11621/pir.2014.0407>
- Winterhoff-Spurk, P. (2004). *Medienpsychologie: eine Einführung*. Stuttgart: Kohlhammer.

Информация об авторе

Олег Сергеевич Мантуров – доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук.

Роман Владимирович Нелюбин – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Уральского юридического института МВД России.

About the authors

Oleg S. Manturov – Associate Professor at the Department of Philosophy, Psychology and Humanities, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Philos.).

Roman V. Nelyubin – Senior Lecturer at the Department of Tactical and Special Training, Ural Law Institute of the MIA of Russia.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 03.03.2025

Одобрена после рецензирования 15.09.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted March 03, 2025

Approved after reviewing September 15, 2025

Accepted October 28, 2025

УДК 159.9

Формы защиты учителей от агрессии со стороны учащихся

Роман Геннадьевич Кузьмин

Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
romquz@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8851-5313

Аннотация

Введение. Проблема агрессии учащихся, направленной на учителей, находится в фокусе современных исследований безопасности образовательной среды. Взаимозависимый контекст отношений акторов образовательного процесса осложняется негативным влиянием общества, создавая для учителя риски виктимизации. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение форм и практик защиты учителей, направленных на предотвращение и работу с последствиями агрессии учащихся в отношении учителей. **Материалы и методы.** В работе проанализированы широко распространенные практики и формы защиты учителей, тесно связанные с проблематикой агрессивного поведения учащихся. **Результаты исследования.** Проведенный анализ форм защиты, направленных как на работу с последствиями агрессивного поведения учащихся в отношении учителей, так и на его профилактику, показал, что они могут быть реализованы средствами правовой защиты, скрининговых и мониторинговых исследований, инфраструктурными решениями и организационно-менеджеральными практиками за счет организации программ обучения учителей, административно-коллегиальной поддержки, работы с учащимися и их родителями, с помощью средств массовой информации и социальных медиа, а также благодаря влиянию общества. **Заключение.** В ходе анализа обоснована необходимость внедрения комплексного системного подхода, направленного на защиту учителей от агрессии со стороны учащихся.

Ключевые слова

агрессия, протекция, профилактика, защита, учителя, педагоги, учащиеся

Для цитирования: Кузьмин, Р. Г. (2025). Формы защиты учителей от агрессии со стороны учащихся. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 503–518.

Original paper

Forms of protecting teachers from students' aggression

Roman G. Kuzmin

Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
romquz@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8851-5313

Abstract

Introduction. The problem of students' aggression against teachers represents a significant concern in contemporary researches on the educational environment's safety. The interdependent context of relations between actors in the educational process is complicated by the negative influence of society, creating risks of victimisation for teachers. In this regard, it is relevant to consider forms and practices

of teachers' protection aimed at preventing and dealing with the consequences of students' aggression against them. **Materials and methods.** The research provides an analysis of common practices and forms of teachers' protection deeply rooted in aggressive students' behavior issues. **Results.** The carried out analysis of protection forms aimed at both dealing with the consequences of aggressive behavior of students against teachers and its preventing revealed that they can be implemented through legal protection, screening and monitoring studies, infrastructure decisions and organisational and managerial practices by organising training programmes for teachers, administrative and collegial support, working with students and their parents, using the mass and social media, as well as building the community influence. **Conclusion.** The analysis substantiates the need for implementing a comprehensive systemic approach aimed at protecting teachers from students' aggression.

Keywords

aggression, protection, prevention, teachers, educators, students

For citation: Kuzmin, R. G. (2025). Forms of protecting teachers from students' aggression. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 503–518.

Введение

Акторы образовательного процесса, находящиеся в сложном взаимозависимом контексте осуществления деятельности в рамках школьной среды, могут проявлять агрессию по отношению к друг другу, и учитель как объект агрессивного поведения не является исключением и находится в мультипликационном поле рисков виктимизации (Martinez et al., 2015).

Проблема агрессии учащихся в отношении учителя является глобальной, и в фокус исследовательского интереса попадают разные формы ее проявления. Исследования подчеркивают масштабы и увеличение количества агрессивных инцидентов по отношению к учителям со стороны учащихся, их родителей, администрации образовательного учреждения и коллег, общества в целом. Интернационализация проблемы агрессивного поведения учащихся по отношению к педагогам свидетельствует о сходной повестке, стоящей перед всеми акторами образовательного процесса, вне зависимости от социокультурного контекста (Реан и др., 2022).

Можно отметить, например, трансформацию институциональной роли школы в российском обществе. За последние десятилетия существенно изменилось отношение к образовательному учреждению, связанное как с реформами, проводимыми государством, так и с общественным мнением, обусловленным социально-экономическими процессами. Исследователи отмечают ряд негативных последствий таких реформ: «Трансформация образования в услугу, коммерциализация образования, излишнее администрирование и регламентация деятельности педагогов, зависимость школ от результатов, которые они покажут в ходе проверок и аттестации, „среднего балла“ учащихся и результатов ЕГЭ, излишне сложная и ригидная система получения учителями категории и др.» (Темнова, Новикова, 2022, с. 207). Кроме того, следует отметить деформацию статусно-ролевой позиции учителя. С одной стороны, существенно снизился престиж педагогической профессии – социальный статус учителя сегодня несравненно ниже, чем его уровень, например, в советское время (Соловьева, 2018). Это обусловлено как социально-экономическими причинами (падением уровня зарплат, компрометацией профессии резонансными случаями), так и нормативно-правовой составляющей (снижением защищенности учителя, редукцией его возможностей по управлению образовательным и воспитательным процессом¹. С другой стороны, происходит деформация норм социально-ролевого взаимодействия «учитель – ученик», вызванная рядом вышеописанных факторов,

¹ Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey) в 2 частях. Часть 2: Учителя и директора школ как ценные профессионалы (2020). Москва. <https://fioco.ru/Talis-18-results-2>

которые в конечном счете ведут к «установке на допустимость насилия» со стороны подростков в отношении учителя и к тому, что учащиеся имеют статус неприкосновенности (происходит приоритизация прав ребенка над его «образовательными обязанностями»). Падение престижа профессии учителя также может быть обусловлено снижением количества позитивного контента в средствах массовой информации и продуктах массовой культуры (Маченин, 2016).

Таким образом, формируются социально-культурные предпосылки для агрессии учащихся в отношении учителей, меняется отношение к профессии учителя, что вносит свой вклад в этот феномен, поскольку подростки усваивают нормативно-ролевой комплекс от взрослых.

В научной литературе (Реан и др., 2022) отмечается, что каждый десятый российский учитель сталкивался с физическим насилием, уничтожением или порчей имущества, распусканьем слухов, которые портят репутацию. Так, 16 % учителей сталкиваются с оскорблениями и унижениями, высказыванием недовольства качеством преподавания и необоснованными жалобами в администрацию школы; 14 % педагогов – с демонстрацией презрения со стороны учеников. Чаше всего учителя сталкиваются с систематическим нарушением дисциплины во время образовательного процесса (57 %) и отказом выполнять требования (49 %), игнорированием (34 %), злыми шутками и насмешками (22 %), необоснованными жалобами родителям (25 %). Таким образом, учителя сталкиваются с различными формами агрессии со стороны учащихся, причем существующие формы профилактики агрессии в образовательной среде только косвенно касаются самих педагогов. Создаваемый виктимизационный контекст обуславливает необходимость исследования существующих и потенциальных форм защиты учителей от агрессии, особенно со стороны учащихся как одного из главных субъектов образовательного процесса.

Можно констатировать, что проблема агрессии учащихся, направленной на учителей, является комплексной, следовательно, и подход к ее решению также должен быть комплексным и затрагивающим разные сферы общественной жизни. Несмотря на то, что не всегда удается осуществить его на практике, отдельные формы защиты уже реализуются.

Возможные формы защиты учителей от агрессии учащихся, направленной на них

Формы защиты учителей могут быть классифицированы по разным основаниям. Например, это могут быть практики, нацеленные на работу с последствиями, и практики, реализуемые в качестве профилактических мер. Это могут быть институционально реализуемые практики или инструменты, которые может использовать учитель в частном, инициативном порядке в форме самозащиты. Или это могут быть практики, ориентированные на разные целевые группы (учащихся, учителей, родителей, администрацию) или на виды агрессивного поведения учащихся и т. д. Можно добавить и временной фактор – работу с краткосрочными / долгосрочными последствиями, или пространственный – национальные / локальные формы защиты. Это могут быть практики явной защиты учителей от агрессии учащихся или практики, являющиеся частью других программ (например, антибуллинговых), проектов и инициатив.

Рассматривая формы и практики защиты, необходимо иметь в виду контекст, который их окружает. Они могут значительно варьироваться в зависимости от аспектов нормативно-правового регулирования, финансового обеспечения, социокультурных особенностей и др., независимо от теоретико-праксеологической рамки, используемой в работе с проблемным поведением учащихся (например, «политики нулевой толерантности» (*zero-tolerance policy*), «процессуального правосудия» (*procedural justice*) или «восстановительного правосудия» (*restorative justice*) и др.).

На правовом уровне в абсолютном большинстве юрисдикций мира есть нормативно-правовые акты или их аналоги, устанавливающие ответственность за совершение

правонарушений и преступлений, и учитель ими в определенной степени защищен. Он может обратиться в правоохранительные, надзорные, судебные и другие органы, которые могут быть вовлечены в защиту его прав. В некоторых странах (например, во Франции, Италии, Испании) учителя приравнены к государственным служащим, и насилие по отношению к ним (или членам их семей) является отягчающим обстоятельством, ужесточает наказание.

Помимо нормативно-правовых актов в соответствии с их иерархией – от Конституции (например, ст. 23 Конституции РФ²) до федеральных, региональных и локальных (муниципальных) законов и подзаконных правовых актов – существует также ряд других документов (образовательные, воспитательные и молодежные политики, протоколы и стандарты безопасности, своды локальных правил и др.).

На учителя как на гражданина распространяются все «общие» гарантированные государством права, но также важно, чтобы на него распространялись права, связанные с его профессиональной деятельностью и должностью. Общественное признание статуса педагогического работника среди общей спецификации профессий с социально-психологической точки зрения укрепляет его социальное положение (как правило, такие права влекут за собой разработку привилегий / социальных гарантий, увеличение заработной платы или иные преференции, что повышает престиж и ценность профессии на бытовом, профориентационном и карьерном уровнях), а также повышает психоэмоциональную удовлетворенность. В первую очередь, важно, чтобы правовой статус педагогических работников был законодательно закреплен. Например, в России он зафиксирован Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³, ст. 47 которого гласит: «Правовой статус педагогических работников. Права и свободы педагогических работников, гарантии их реализации». Так, п. 12 ч. 3 гарантирует право на уважение человеческого достоинства, защиту от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, а пункт 13 – право на защиту профессиональной чести и достоинства, на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики педагогических работников.

С социально-психологической точки зрения наличие официально закрепленных инструментов и процедур по обеспечению защиты учителей является важным свидетельством интереса со стороны общества и государства к этой проблеме как для самих учителей, так и для абитуриентов, принимающих решение о поступлении в вуз, а также сдерживающим фактором как для агрессивных учащихся, так и для их родителей, а порой и администрации образовательной организации. Понимание, что существуют действенные (а не декларативные) механизмы защиты, основанные на опыте их практической реализации со стороны коллег, подвергающихся агрессии, может иметь значение и для учителей, которые агрессии не подвергаются. С этой позиции важен сам факт наличия таких механизмов, дополненных пониманием учителей о возможности обратиться в правоохранительные органы (в случае если агрессия учащегося является противоправным поведением и попадает под разные статьи КоАП РФ, УК РФ или ГК РФ) и суд.

С 19 декабря 2023 г. ст. 47 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дополнена частью 3.1, обобщающей механизмы защиты прав, которые могут использовать педагогические работники. Среди них отмечены права: 1) направлять в органы управления организацией, осуществляющей образовательную деятельность, обращения о применении

² Конституция РФ от 12.12.1993 с изм. от 01.07.2020 (2020). Москва. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения 23.04.2025)

³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ: ред. от 28.02.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025 (2025). Москва. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 23.04.2025)

к обучающимся указанной организации, нарушающим и (или) ущемляющим права педагогических работников, дисциплинарных взысканий. Такие обращения подлежат обязательному рассмотрению указанными органами; 2) обращаться в комиссию по урегулированию споров между участниками образовательных отношений; 3) использовать не запрещенные законодательством Российской Федерации иные способы защиты прав и законных интересов.

В России на институциональном уровне заложено функционирование комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Как правило, на таких комиссиях рассматриваются уже свершившиеся инциденты, что выступает в некотором роде формой реабилитации и официального установления справедливости, т. е. можно считать, что это механизмы, направленные на работу, в первую очередь, с последствиями, однако профилактирующий механизм здесь, безусловно, тоже присутствует. Например, крайняя мера дисциплинарного взыскания в форме отчисления (среди других мер – замечание и выговор) из образовательной организации защищает как минимум учителей этого учреждения, однако отчисление в России реализуется крайне редко, и данная мера, используемая значительно чаще в других странах, вызывает множество вопросов и имеет дискуссионный характер (Cuellar & Markowitz, 2015). Кроме того, стоит отметить постепенное распространение практик примирения, например, Министерством просвещения РФ были разработаны методические рекомендации по развитию сети служб медиации (школьных служб примирения)⁴.

В некоторых странах существуют нормативные правовые акты и их аналоги, которые предусматривают формы реабилитации, распространяющиеся и на учителей (Австралия, США, ЮАР и др.). Например, они могут включать бесплатную юридическую помощь, работу пострадавших учителей с психологами за счет государственных средств, или предоставление оплачиваемого больничного по причине травмы, стресса, выгорания и др. Существуют горячие линии психологической и юридической помощи, куда может обратиться учитель, в том числе с письменным сообщением.

Учет потенциальных последствий агрессии может предполагать курсы обучения, связанные с оказанием себе первой медицинской помощи, или изучение психологических экспресс-техник в случае экстремальных ситуаций. Также это могут быть курсы, повышающие цифровую компетентность педагогов, которые они могут пройти во время совершающихся кибербуллинговых инцидентов или после них. Существуют инициативы, направленные на обеспечение психологического благополучия школьных учителей (Berger et al., 2022; Nwoko et al., 2023).

Следует отметить, что формой защиты, ориентированной на последствия, может быть самостоятельное документирование и сбор доказательной базы учителем для последующих расследований. В качестве таких доказательств могут быть использованы скриншоты оскорбительных сообщений или записи голосовых сообщений, фотографии, записи с камер видеонаблюдения, установленных в помещениях или на территории образовательного учреждения, аудиозаписи с диктофона, выписки о звонках и сообщениях от мобильного оператора, а также рукописное ведение дневника инцидентов с указанием их базовых характеристик (даты, времени, содержания, свидетелей и др.) и т. п. Ущерб, причиненный агрессором здоровью учителя, последний может зафиксировать в медицинской организации, сохранив соответствующие документы: результаты анализов, акты медицинского освидетельствования, справки и экспертные заключения, чеки за покупку медицинских препаратов и т. д. Подтвердить имущественный ущерб учитель может также путем сбора документов: договоров об оказании услуг по ремонту, актов и экспертиз, счетов, заключений и т. п.

⁴ Письмо Министерства просвещения РФ от 28 апреля 2020 г. № ДГ-375/07 «О направлении методических рекомендаций» (2020). Москва. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73931992/> (дата обращения 14.02.2025)

В рамках правовой защиты стоит отметить и существование нормативных правовых актов и их аналогов, регламентирующих процедуры безопасности (например, закон о безопасных школах (*Safe Schools Act*) в Канаде). Это могут быть предписания и в рамках образовательных политик, протоколов и стандартов безопасности, и в рамках сводов локальных правил. Например, федеральное законодательство в России⁵ обязывает образовательные учреждения иметь школьный устав, устанавливающий внутренние правила и политику взаимоотношений между акторами образовательного процесса, в том числе их права и обязанности, меры дисциплинарного воздействия, которые не могут противоречить действующему законодательству.

Важным представляется упоминание необходимости внедрения свода школьных правил (кодекса школьной этики / кодекса чести / кодекса поведения родителей и учащихся / справочника для учащихся и т. д.) как формы протекции и учителя, и учащихся. Они должны быть в доступной для восприятия учащимися форме, никого не дискриминировать, иметь не противоречащие законодательству санкции. Часто рекомендуется составлять их совместно, привлекая к этому и учителей, и учащихся, и родителей⁶. Если невозможно закрепить их на уровне всего образовательного учреждения в официальном статусе, то можно установить их на неформальном уровне исполнения. Свод школьных правил может быть представлен в какой-либо инновационной форме, например, быть геймифицированным или использовать чат-боты / онлайн-тренажеры с ситуациями их применения, и обязательно включать аспекты виртуального взаимодействия.

Формы юридической защиты могут быть усилены за счет какой-либо обоснованной регламентации документооборота и бюрократических ограничений, усложняющих процесс эксплуатации механизма подачи необоснованных жалоб на работу учителя, предполагающих официальные ответы. Их подготовка может быть ресурсоемка, что в принципе соотносится с рекомендациями о положении учителей (1966), разработанными Международной организацией труда и ЮНЕСКО, в п. 85 которых подчеркивается необходимость организации труда и помощи, исключающих нерациональное использование сил и времени учителей, поскольку они являются ценными специалистами⁷.

Скрининговые и мониторинговые исследования, проводимые с разными исследовательскими стратегиями, представляются важным элементом практик защиты, так как поставляют фактический материал для разработки профилактических решений. Исследования и программы, поддерживаемые государством, преследуют и цели монетизации – через оптимизацию бюджета, превенцию увольнений учителей и следующим за ними дефицитом трудовых кадров, повышение академических показателей учащихся и в целом образовательных учреждений, популяризацию профессии педагога для абитуриентов, поддержание чувства безопасности. Мониторинг позволяет отслеживать динамику и проводить аналитическую работу, результатами которой могут стать конкретные меры противодействия какому-либо виду агрессивного поведения учащихся.

⁵ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ: ред. от 28.02.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025 (2025). Москва. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 23.04.2025)

⁶ Реан, А. А., Ставцев, А. А. Коновалов, И. А., Кошелева, Е. С. (2022). *Позитивная педагогика и психология: системный подход к улучшению школьной среды*: Учебно-методическое пособие. Московский педагогический государственный университет.

⁷ Рекомендация ЮНЕСКО/МОТ о положении учителей 1966 г. и Рекомендация ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений 1997 г. Руководство для пользователей (2008). МОТ, ООН. https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_dialogue/%40sector/documents/normativeinstrument/wcms_493319.pdf

С определенными оговорками в России к мониторингу можно отнести и учет детей, состоящих на внутреннем контроле (внутришкольном учете), и их учет в органах внутренних дел (учет в подразделении по делам несовершеннолетних; банк данных детей в социально опасном положении), а также отслеживание семей, родителей (законных представителей), которые привлекались к административной ответственности за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних.

Отдельного внимания заслуживают мониторинги профессиональных дефицитов. Например, в России в ходе опроса учителей в рамках проекта «Мониторинг экономики образования», реализованного НИУ ВШЭ в 2020–2021 учебном году, были получены данные, согласно которым каждый четвертый учитель (25,0 %) заявляет о нехватке профессиональных навыков работы с учащимися, имеющими проблемы в поведении (второе место из 17 предложенных для выбора навыков). При этом только 7,5 % учителей участвовали в мероприятиях по профессиональному развитию для восполнения навыка, которого не хватает⁸ (Реан, Коновалов, Кузьмин, 2025).

Заслуживают внимания и учеты профессиональных заболеваний, причины которых связаны с последствиями агрессивного поведения учащихся, и мониторинги общественного мнения по вопросам, связанным с проблемой агрессии в образовательных средах, или о статусе педагогических работников и т. д.

С точки зрения инфраструктуры образовательного учреждения важно отметить формы защиты, которые были внедрены на основе многолетнего опыта по борьбе с различными инцидентами и рисками. Широко распространенными формами выступают пропускная система, разветвленная система видеонаблюдения, привлечение сотрудников службы безопасности. В России для обеспечения безопасности могут привлекаться вооруженные охранники, частные охранные предприятия или сотрудники Росгвардии, нередко при проведении массовых мероприятий (например, 1 сентября, выпускной) приглашается сотрудник полиции. В целом в любом учреждении должен соблюдаться баланс между достаточными требованиями безопасности и усложнением жизни законопослушных членов / посетителей образовательного учреждения.

Кроме того, образовательное учреждение обязано иметь аптечки, укомплектованные современными препаратами и первичными медицинскими материалами, имеющими доказанную эффективность, с контролем срока годности, и находящиеся в разных кабинетах. В некоторых образовательных организациях существуют кабинеты психологической разгрузки для педагогических работников⁹ (комнаты тишины, рекреационные зоны и т. п. как для учителей и учащихся, так и только для учителей). Следует также отметить практику защиты, согласно которой были бы организованы безопасные места для хранения вещей учителей (McMahon et al., 2022a), в том числе в форме отдельных гардеробов для персонала и учащихся. Это защищает учителя от возможной порчи вещей.

Важно отметить наличие инклюзивной среды в образовательном учреждении – понимание пострадавшим учителем принципиальной возможности продолжать профессиональную деятельность, несмотря на потенциальные физические ограничения, что также является социально-психологическим механизмом защиты. То же касается возможных социальных гарантий, связанных с потенциальным лишением работоспособности.

С организационной точки зрения в качестве форм защиты можно рассматривать уменьшение численности класса в целях психологической разгрузки учителей (Vakili et al., 2024),

⁸ Мерцалова, Т. А., Косарецкий, С. Г., Анчиков, К. М. и др. (2022). *Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов: аналитический доклад*. Москва: НИУ ВШЭ.

⁹ В грозненской школе для учителей открыли кабинет психологической разгрузки (июнь, 2022). ИА «Грозный-информ». <https://www.grozny-inform.ru/news/culture/139368/> (дата обращения: 23.05.2025).

а также внедрение в свод школьных правил или аналогичный документ четкую регламентацию организации приема и консультаций учителей для родителей и других заинтересованных лиц по разным вопросам, возможный отказ от использования учреждением консультаций по телефону и в мессенджерах («родительских чатах»), особенно в нерабочее время. Например, в 2022 г. в Закон об образовании в Латвии внесены поправки о «защите личного времени учителей», согласно которым учитель не обязан в нерабочее время отвечать на звонки, сообщения и электронные письма¹⁰. Подобные практики защиты личного времени есть в Великобритании, Германии, Швеции, Австралии и др.

Следует отметить постепенно получающую распространение превентивную возможность защиты учителей с помощью страхового полиса, покрывающего профессионально обусловленные риски¹¹ как на уровне конкретного учителя (репетитора), так и на уровне образовательного учреждения в целом.

Безусловно, важной профилактической формой защиты учителей является повышение их профессиональных компетенций, просвещение в областях знаний, связанных с возрастной психологией, психологией агрессии, знаний о методах работы с агрессивным поведением (Реан и др., 2022а). Это могут быть разные образовательные активности – от целостных профессиональных образовательных программ высшего образования (например, в России существует образовательная программа по направлению «44.04.02 Психолого-педагогическое образование» с направленностью «Психология и педагогика деструктивного поведения детей и молодежи» и др.) до курсов повышения квалификации и самообразования учителей. Формы реализации таких образовательных активностей также разнообразны, могут включать и теоретические части, и практические (с разбором кейсов деструктивного поведения, проведением мастер-классов, инструктажей и тренингов и т. д.).

Тематическое содержание программ обучения должно быть разработано и корректироваться на основе верифицированных научных данных, полученных в ходе исследований. Требуется консолидация усилий, а также учет мнений самих учителей, практиков в области воспитания, сотрудников социальных служб, медицинских работников, психотерапевтов, юристов, сотрудников правоохранительных органов и др.

Исследователи отмечают (Stilwell et al., 2025), что программы обучения также должны учитывать социально-демографические факторы (дифференциация содержания, например, по полу и возрасту учителей), профессиональные компетенции (дифференциация содержания по стажу, ступени преподавания, опыту в сфере цифровых технологий и др.), специфику образовательного учреждения (место расположения, форма организации, работа со специфическим контингентом обучающихся и др.).

Исследованиями (Espelage et al., 2013; Martinez et al., 2015; McMahan et al., 2017; Реан и др., 2023 и др.) рекомендовано повышение знаний учителей о методах физической деэскалации (в том числе с помощью юмора), в области коммуникации и социально-перцептивных умений, об особенностях мотивации профессиональной деятельности, о преодолении стресса, конструктивных копинг-стратегиях и резильентности, психологии ответственности и диффузии ответственности, самообвинении, возрастной психологии, психологии агрессии и деструктивного поведения в целом, медиации конфликтов, само-рефлексии, цифровой безопасности и сетевого этикета, методах позитивной психологии и педагогики, эмпатии и эмоциональной уравновешенности и депривации, способах

¹⁰ Принят закон для защиты педагогов от насилия со стороны учеников и родителей (2023). *DELFI*.

¹¹ Например, полисы в рамках *Educators' Professional Liability Insurance* (Страхование профессиональной ответственности педагогов)

установления дисциплины в классе и нормализации эмоций учащихся, методах борьбы с выгоранием.

Еще одним элементом таких программ должна стать тема, связанная с редукцией педагогической агрессии как потенциальным источником возникновения феномена взаимной виктимизации учителей и учащихся. В то же время такие инциденты часто попадают в зону внимания СМИ¹² и формируют негативный дискурс и реноме, которые были отмечены ранее.

В целом следует подчеркнуть, что тематическое содержание программ должно быть контекстуально таргетировано на проблему агрессии учащихся в отношении учителей, избегать дублирования общеизвестных знаний, получаемых в рамках образовательных программ или знаний, которые учитель может легко получить в форме самообразования.

Учителя должны быть образованны, юридически грамотны в вопросах своих прав, обязанностей и ответственности, соответствующие документы должны быть доступны сотрудникам учреждения в любой момент в соответствии с политикой максимальной прозрачности, особенно если речь идет об учителях, которые впервые устраиваются на работу после окончания учебы. Некоторые образовательные учреждения подготавливают «приветственный» пакет документов, который передается новому сотруднику при трудоустройстве и в котором перечислены все действующие законы, регламентирующие деятельность учителя и все используемые политики и т. п. в учреждении. Необходимо отметить, что для защиты от агрессии учащихся обучение может проводиться и для остального персонала образовательного учреждения (сотрудников клининга, гардероба, столовой, ресепшена и т. д.).

Ряд исследований отмечает в качестве рекомендации по работе с агрессивным поведением учащихся в отношении учителей обращение последних за помощью к коллегам. Например, выборка итальянских учителей показала, что педагоги, несмотря на наличие агрессивного поведения в отношении них, могут испытывать профессиональное благополучие, и для его повышения могут быть использованы как административные ресурсы (поддерживающий стиль управления), так и социальные средства (позитивные отношения с коллегами), что особенно важно для учителей с небольшим стажем работы (De Cordova et al., 2019). Знания, которыми могут поделиться более опытные коллеги, будут особенно полезны для учителей начальной школы (McMahon et al., 2022a).

Важно указать на постепенное развитие института наставничества, причем в форме, когда наставником выступает другой учитель не по месту работы, а иногда – учитель, вышедшей на пенсию (McMahon et al., 2022a) или не практикующий по другим причинам. Наставник, исходя из собственного опыта, может консультировать учителя относительно ситуаций агрессивного поведения учащихся, и как с таким поведением эффективно справляться.

Кроме того, существует должность сотрудника по школьным ресурсам (*School resource officer*), например, в Канаде и США, которую занимает сотрудник правоохранительных органов. В сфере его компетенций находится обеспечение безопасности в образовательном учреждении, в том числе за счет предупреждения преступности (Weiler & Cray, 2011).

Безусловно, профилактическая работа с источником агрессии в виде самих учащихся представляется одной из важнейших форм защиты учителей (Рван и др., 2021). Классный коллектив уникален по составу, поэтому профилактическая работа обязательно должна включать предварительное исследование, помимо очевидных для учителя индикаторов агрессивного поведения в отношении него. Исследование касается и причин агрессивного поведения, и отношений, которые существуют в классе между учащимися.

¹² Василенко, Е. (март, 2025) В Брянске педагог ударил ребенка указкой и стал фигурантом дела. Газета.Ru. <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/03/01/25208486.shtml> (дата обращения: 20.03.2025).

Важно просвещение учащихся относительно правовых последствий агрессивного поведения как в отношении их сверстников, так и в отношении взрослых людей, а также социально-психологических причин агрессивного поведения людей. Просветительские мероприятия могут проводиться в сотрудничестве с представителями правоохранительных органов, прошедшими дополнительную подготовку в области психологии подросткового возраста и психологии агрессивного поведения.

Особое внимание в работе с учащимися должно быть уделено социально-эмоциональным навыкам, конструктивным техникам решения конфликтов, коммуникативным стратегиям, способам саморегуляции (Stilwell et al., 2025), механизмам реализации потребностей в признании, просоциальным видам активностей, обучению цифровому этикету, моделированию и вознаграждению позитивного поведения учащихся.

Для работы с причинами агрессивного поведения учащихся в отношении учителя представляется важным развитие системы обратной связи (Реан и др., 2023).

С социально-психологической точки зрения следует отметить еще один важный аспект, который связан с инструментами для учащихся возможности инициативно выразить сожаление о своем поведении, извиниться, искупить вину. С одной стороны, им может быть непонятно, как это правильно сделать, с другой стороны, они могут не догадываться, что это можно/нужно делать (учащегося можно принудить публично извиниться, но будет ли его извинение искренним – вопрос дискуссионный). И для первого, и для второго случая психологами или социальными педагогами, например, могут быть подготовлены инструкции или шаблоны для составления писем с извинениями как по отношению к учителю, так и по отношению к сверстникам. Рекомендации о «прощении» могут быть подготовлены и для учителей. А родителям могут быть адресованы рекомендации по составлению писем, записок и сообщений для учителей по текущим вопросам. Важность реабилитации и ресоциализации учащихся после случившихся инцидентов (и после возвращения в учреждение в связи с отстранением от учебы) подчеркнута рядом исследований, в одном из которых указывается на «привлечение самих учащихся в качестве агентов изменений» (Riley et al., 2006).

Учитывая комплексность рассматриваемой проблемы, следует отметить роль сообщества в возможности профилактики агрессивного поведения учащихся в отношении учителей. СМИ и социальные медиа могут формировать дискурс с преобладанием негативных тем, связанных с учителями, образовательными учреждениями, образовательной политикой и т. д. Для освещения инцидентов есть как правовые регуляции (например, о следственной тайне, об ограничениях на распространение определенного вида контента в частности, связанного с насилием или жестокостью, о публикации персональных данных или защите репутации), так и научные рекомендации (например, о том, как избегать возникновения эффекта подражания (Реан и др., 2021)). Однако стоит отметить роль этических стандартов в работе журналистов, которые могут включать практики ограниченного освещения, а также возможности повышения их квалификации в сфере психологии, и особенно психологии агрессии. Проблема освещения инцидентов и подачи информации связана не только с официальными журналистами, но и с блогерами, лидерами общественного мнения, в том числе покинувшими профессию учителя, которые могут обладать даже большей аудиторией, чем СМИ, и, соответственно, виральностью контента. Возможно, в качестве компенсаторной меры может выступить своевременная и юридически грамотная реакция пресс-служб образовательных учреждений, государственных органов и др. на особо резонансные случаи.

Защита учителей со стороны сообщества может реализовываться через профсоюзные организации или профессиональные федерации / ассоциации учителей или их аналоги, например, профсоюз «Учитель» (Россия). Можно отметить и некоммерческие организации,

в том числе благотворительные, например, *Education Support* (Великобритания). Как правило, в рамках этих «союзов» оказываются различные консультации юридического, профессионального, психологического характера с привлечением представителей разных специальностей (медиков, социальных работников и т. п.).

Семья учащегося как часть сообщества и как возможный источник появления причин агрессивного поведения учащихся в отношении учителя также требует внимания. Например, п. 3 ч. 4 ст. 44 Федерального закона «Об образовании в РФ» устанавливает обязанность родителей «уважать честь и достоинство обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность».

Учитель может предложить помощь семьям, которые демонстрируют признаки неблагополучия, рассказать о правовых и социально-психологических последствиях и эскалации агрессии самих родителей (как по отношению к учителям, так и по отношению к своему ребенку) и их ребенка, обратить внимание на возможность оказания психиатрической диагностики или помощи, способствовать увеличению различных возможностей для вовлечения родителей в школьные дела при их желании (McMahon et al., 2022a, 2023b). Профилактирующими мерами, как было указано ранее, является установление четкого времени консультаций для родителей, ограничение свободного доступа в аудитории, а также мониторинг мнения родителей о школьном климате (Aldridge & McChesney, 2021), просветительские мероприятия, информирование администрации о встречах с родителями, незамедлительный вызов правоохранительных органов в случае угрозы физической безопасности, установление адекватных каналов обратной связи, своевременное исполнение законов, регламентирующих ответы на жалобы родителей, апеллирование к нормативно-правовым и иным релевантным основаниям при спорах, касающихся академических показателей ребенка, привлечение третьей стороны как медиатора и как свидетеля, документирование любых возможных проявлений агрессивного поведения со стороны родителей. Могут быть разработаны специальные общие или персонализированные для конкретной семьи материалы, которые будут рассылаться родителям с помощью бумажной или электронной почты.

Положительно настроенные к учителю родители также могут сыграть роль в предотвращении агрессивных инцидентов или выступить в качестве поддерживающей силы, например, составляя индивидуальные или коллективные письма благодарности учителю (подобные документы могут учитываться при расследовании каких-либо споров или проблемных ситуаций) или оставляя письменные жалобы на ученика, который проявляет агрессию к их детям (возможны ситуации, что этот агрессор одновременно проявляет агрессию и к учителю), что обогащает доказательной базой «досье» агрессора, а также обращаться к администрации по этому поводу или к родителям агрессивного ученика напрямую. Положительно настроенные родители могут инициировать петицию в поддержку конкретного учителя или учреждения и собирать подписи в его защиту у членов местного сообщества или широкой общественности.

В одном из исследований общепринятые подходы к работе с вербальной, физической агрессией (в том числе порчей вещей) в отношении учителей в американских школах были оценены самими учителями (N = 4471) (Perry et al., 2024). Результаты показали, что учителя считают наиболее эффективными профилактические методы (например, улучшение школьного климата, социально-эмоциональное обучение, управление классом) (Perry et al., 2024).

Проблема агрессии учащихся в отношении учителей недавно попала в фокус исследовательского интереса. В ней остается много неизученных тем, аспектов и нюансов, и представляется важным продолжать изучение этой многомерной проблемы и на основе доказательного подхода и последних достижений науки и практики оказывать содействие и помощь учителям, а также остальным акторам образовательного процесса.

Кроме того, требуется апробация новых опросников и батарей тестов, разработка оценок эффективности реализуемых практик, решений и форм защиты, а также разработка комплексной программы по предотвращению и защите учителей от агрессивного поведения учащихся, к сопровождению которой постепенно появляются соответствующие концептуальные основы (Stilwell et al., 2024). Представляется важным учитывать контекст и в связи с этим конструировать программу, реализуемую по модульному формату, позволяющему учесть имеющуюся на данный момент специфику (тип населенного пункта, степень образования, тип образовательного учреждения (например, в России они плюралистичны, существуют образовательные учреждения обычные, специализированные, интернатные, религиозные, нетиповые, организации со специальными наименованиями, а также при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы и иные виды и практики (в том числе с практиками раздельного обучения, «элитные школы», «домашнее обучение», вечерние, коррекционные школы, для одаренных детей, обеспечение безопасности на территории и вне территории образовательного учреждения, при сопровождении учащихся, занятий «под открытым небом» или в определенном месте (в рамках профориентационных уроков в каких-либо организациях или на экскурсиях / при зарубежных поездках и т. д.)), а также многие другие, уже упомянутые и будущие факторы, которые будут дифференцированно влиять на потребность в отдельных модулях этой комплексной программы.

Формы защиты не могут быть ригидными, потому что высокая динамичность общественной жизни актуализирует постоянное совершенствование (порой через отказ и ревизию) эффективности применяемых мер. Показано, например, что пандемия COVID-19 повлияла на специфику агрессивного поведения учащихся в отношении учителей¹³. Продолжающаяся цифровая модернизация влечет за собой новые риски и новые возможности – технологии искусственного интеллекта уже сейчас позволяют генерацию дипфейков, направленных на дискредитацию учителей и т. п. Стихийные бедствия, военные конфликты, ценностно-нормативные трансформации и др. факторы требуют стратегического планирования, оптимизации ресурсов (финансирования, законодательства, обучения и др.), комплексной, системной и консолидированной формы работы с этой проблемой.

Заключение

Проведенный анализ форм защиты, направленных как на работу с последствиями агрессивного поведения учащихся в отношении учителей, так и на его профилактику, показал, что они могут быть реализованы средствами нормативно-правового регулирования, мониторинга, инфраструктурными решениями и организационно-менеджерскими практиками, за счет организации дополнительного образования, административно-коллегиальной поддержки, работы с учащимися, средствами массовой информации и социальными медиа, а также благодаря влиянию общества. Широкая дифференцированность форм защиты по содержанию, ресурсоемкости и способам их имплементации подчеркивает комплексный характер проблемы, работа с которой представляется эффективной через системный и консолидированный подход, целью которого будет снижение рисков агрессии и формирование безопасной образовательной среды для учителя и других задействованных в ней акторов.

В связи с изложенным считаем целесообразным разработку комплексной программы по защите учителей от агрессивного поведения учащихся, составленной на основе доказательного подхода с учетом проведения оценок эффективности ее элементов и контекста, в котором она будет применяться, обеспечивая ее ревизию и модернизацию в свете вызовов, с которыми сталкивается общество, и открытия новых возможностей, которые позволят ее улучшать и оптимизировать.

¹³ McMahon, S. D., Anderman, E. M., & Astor, R. A. et al. (2022b). *Violence Against Educators and School Personnel: Crisis During COVID*. Technical Report. American Psychological Association.

Список литературы

- Маченин, А. А. (2016). Собираемый образ школьного учителя в отражении теле/кино/интернет медиапространства. *Медиаобразование*, 3, 23–48.
- Реан, А. А., Егорова, А. В., Коновалов, И. А., Кузьмин, Р. Г. (2022). Подростковая агрессия в отношении учителя: опыт столкновения и связь с личностными факторами. *Сибирский психологический журнал*, 85, 118–143. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/6>
- Реан, А. А., Егорова, А. В., Кузьмин, Р. Г., Шевченко, А. О. (2023). Взаимосвязь локуса контроля учителя и непрямой агрессии учащихся по отношению к нему. *Мир психологии*, 3, 231–250. https://doi.org/10.51944/20738528_2023_3_231
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Кузьмин, Р. Г. (2025). Последствия для подростков – жертв агрессии: представления учителей с разным уровнем агрессивности. *Национальный психологический журнал*, 20 (4), 210–222. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0416>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Новикова, М. А., Молчанова, Д. В. (2021). *Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: Анализ мирового опыта*: монография. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА».
- Соловьева, Т. С. (2018). Статус учителя в современном российском обществе. *Социальное пространство*, 1 (13), 1–17. <https://doi.org/10.15838/sa/2018.1.13.3>
- Темнова, Л. В., Новикова, В. С. (2022). Моббинг школьного учителя в современной образовательной среде. *Вестник Югорского государственного университета*, 4 (67), 206–216. <https://doi.org/10.18822/byusu202204206-216>
- Aldridge, J. M., & McChesney, K. (2021). Parents' and caregivers' perceptions of the school climate: development and validation of the Parent and Caregiver Survey (PaCS). *Learning Environments Research*, 24, 23–41. <https://doi.org/10.1007/s10984-020-09308-z>
- Berger, E., Reupert, A., & Campbell, T. C. et al. (2022). A Systematic Review of Evidence-Based Well-being Initiatives for Schoolteachers and Early Childhood Educators. *Educational Psychology Review*, 34 (4), 2919–2969. <https://doi.org/10.1007/s10648-022-09690-5>
- Cuellar, A. E., & Markowitz, S. (2015). School suspension and the school-to-prison pipeline. *International Review of Law and Economics*, 43, 98–106. <https://doi.org/10.1016/j.irle.2015.06.001>
- De Cordova, F., Berlanda, S., Pedrazza, M., & Fraizzoli, M. (2019). Violence at School and the Well-Being of Teachers. The Importance of Positive Relationships. *Frontiers in psychology*, 10, 1807. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01807>
- Espelage, D., Anderman, E. M., & Brown, V. E. et al. (2013). Understanding and preventing violence directed against teachers: Recommendations for a national research, practice, and policy agenda. *American Psychologist*, 68 (2), 75–87. <https://doi.org/10.1037/a0031307>
- Martinez, A., McMahan, S. D., Espelage, D., Anderman, E. M., Reddy, L. A., & Sanchez, B. (2015). Teachers' Experiences With Multiple Victimization: Identifying Demographic, Cognitive, and Contextual Correlates. *Journal of School Violence*, 15 (4), 387–405. <https://doi.org/10.1080/15388220.2015.1056879>
- McMahon, S. D., Bare, K. M., & Cafaro et al. (2023b). Understanding parent aggression directed against teachers: A school climate framework. *Learning environments research*, 26 (3), 915–931. <https://doi.org/10.1007/s10984-023-09460-2>
- McMahon, S. D., Cafaro, C. L., Bare, K., Zinter, K. E., Murillo, Y. G., & Lynch, G. et al. (2022a). Rates and Types of Student Aggression against Teachers: A Comparative Analysis of U.S. Elementary, Middle, and High School. *Social Psychology of Education*, 25 (4), 767–792. <https://doi.org/10.1007/s11218-022-09706-6>
- McMahon, S. D., Martinez, A., Reddy, L. A., Espelage, D. L., & Anderman, E. M. (2017). Predicting and reducing aggression and violence toward teachers: Extent of the problem and why it mat-

- ters. In P. Sturmei (Ed.), *The Wiley handbook of violence and aggression* (Volume 3. Societal interventions, pp. 1335–1350). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Nwoko, J. C., Emeto, T. I., Malau-Aduli, A. E., & Malau-Aduli, B. S. (2023). A Systematic Review of the Factors That Influence Teachers' Occupational Wellbeing. *International journal of environmental research and public health*, 20 (12), 6070. <https://doi.org/10.3390/ijerph20126070>
- Perry, A. H., Martinez, A., & Reddy, L. A. et al. (2024). Addressing violence against educators: What do teachers say works? *School Psychology*, 39 (5), 488–498. <https://doi.org/10.1037/spq0000576>
- Riley, K., Ellis, S., Weinstock, W., Tarrant, J., & Hallmond, S. (2006). Re-engaging disaffected pupils in learning: insights for policy and practice(R). *Improving Schools*, 9 (1), 17–31. <https://doi.org/10.1177/1365480206061994>
- Stilwell, S. M., Guzmán, P., Varela, J., McMahon, S. D., Bare, K., Heinze, J., & Zimmerman, M. (2025). Protecting Educators: A Scoping Review of Interventions That Address Teacher Victimization. *Behavioral Sciences*, 15 (2), 214. <https://doi.org/10.3390/bs15020214>
- Stilwell, S. M., Heinze, J. E., Hsieh, H. F., Torres, E., Grodzinski, A., & Zimmerman, M. (2024). Positive youth development approach to school safety: a comprehensive conceptual framework. *Journal of school health*, 94 (9), 848–857. <https://doi.org/10.1111/josh.13485>
- Vakili, R., Vakili, S., Ajilian Abbasi, M., & Masoudi, S. (2024). Overcrowded Classrooms: Challenges, Consequences, and Collaborative Solutions for Educators: A Literature Review. *Medical Education Bulletin*, 5 (2), 961–972.
- Weiler, S. C., & Cray, M. (2011). Police at school: A brief history and current status of school resource officers. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*, 84 (4), 160–163.

References

- Machenin, A. A. (2016). Sobiratel'nyj obraz shkol'nogo uchitelya v otrazhenii tele/kino/internet mediaprostranstva. *Mediaobrazovanie*, 3, 23–48.
- Rean, A. A., Egorova, A. V., Konovalov, I. A., Kuz'min, R. G. (2022). Podrozkovaya agressiya v otnoshenii uchitelya: opyt stolknoveniya i svyaz' s lichnostnymi faktorami. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 85, 118–143. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/6>
- Rean, A. A., Egorova, A. V., Kuz'min, R. G., Shevchenko, A. O. (2023). Vzaimosvyaz' lokusa kontrolya uchitelya i nepriamoj agressii uchashchihsya po otnosheniyu k nemu. *Mir psihologii*, 3, 231–250. https://doi.org/10.51944/20738528_2023_3_231
- Rean, A. A., Konovalov, I. A., Kuz'min, R. G. (2025). Posledstviya dlya podrozkov – zhertv agressii: predstavleniya uchitelej s raznym urovnem agressivnosti. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* 20 (4), 210–222. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0416>
- Rean, A. A., Konovalov, I. A., Novikova, M. A., Molchanova, D. V. (2021). *Profilaktika agressii i destruktivnogo povedeniya molodezhi: Analiz mirovogo opyta: monografiya*. Saint-Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «KOSTA».
- Solov'eva, T. S. (2018). Status uchitelya v sovremennom rossijskom obshchestve. *Social'noe prostranstvo*, 1 (13), 1–17. <https://doi.org/10.15838/sa/2018.1.13.3>
- Temnova, L. V., Novikova, V. S. (2022). Mobbing shkol'nogo uchitelya v sovremennoj obrazovatel'noj srede. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (67), 206–216. <https://doi.org/10.18822/byusu202204206-216>
- Aldridge, J. M., & McChesney, K. (2021). Parents' and caregivers' perceptions of the school climate: development and validation of the Parent and Caregiver Survey (PaCS). *Learning Environments Research*, 24, 23–41. <https://doi.org/10.1007/s10984-020-09308-z>

- Berger, E., Reupert, A., & Campbell, T. C. et al. (2022). A Systematic Review of Evidence-Based Well-being Initiatives for Schoolteachers and Early Childhood Educators. *Educational Psychology Review*, 34 (4), 2919–2969. <https://doi.org/10.1007/s10648-022-09690-5>
- Cuellar, A. E., & Markowitz, S. (2015). School suspension and the school-to-prison pipeline. *International Review of Law and Economics*, 43, 98–106. <https://doi.org/10.1016/j.irle.2015.06.001>
- De Cordova, F., Berlanda, S., Pedrazza, M., & Fraizzoli, M. (2019). Violence at School and the Well-Being of Teachers. The Importance of Positive Relationships. *Frontiers in psychology*, 10, 1807. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01807>
- Espelage, D., Anderman, E. M., & Brown, V. E. et al. (2013). Understanding and preventing violence directed against teachers: Recommendations for a national research, practice, and policy agenda. *American Psychologist*, 68 (2), 75–87. <https://doi.org/10.1037/a0031307>
- Martinez, A., McMahon, S. D., Espelage, D., Anderman, E. M., Reddy, L. A., & Sanchez, B. (2015). Teachers' Experiences With Multiple Victimization: Identifying Demographic, Cognitive, and Contextual Correlates. *Journal of School Violence*, 15 (4), 387–405. <https://doi.org/10.1080/15388220.2015.1056879>
- McMahon, S. D., Bare, K. M., & Cafaro et al. (2023b). Understanding parent aggression directed against teachers: A school climate framework. *Learning environments research*, 26 (3), 915–931. <https://doi.org/10.1007/s10984-023-09460-2>
- McMahon, S. D., Cafaro, C. L., Bare, K., Zinter, K. E., Murillo, Y. G., & Lynch, G. et al. (2022a). Rates and Types of Student Aggression against Teachers: A Comparative Analysis of U.S. Elementary, Middle, and High School. *Social Psychology of Education*, 25 (4), 767–792. <https://doi.org/10.1007/s11218-022-09706-6>
- McMahon, S. D., Martinez, A., Reddy, L. A., Espelage, D. L., & Anderman, E. M. (2017). Predicting and reducing aggression and violence toward teachers: Extent of the problem and why it matters. In P. Sturmey (Ed.), *The Wiley handbook of violence and aggression* (Volume 3. Societal interventions, pp. 1335–1350). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Nwoko, J. C., Emeto, T. I., Malau-Aduli, A. E., & Malau-Aduli, B. S. (2023). A Systematic Review of the Factors That Influence Teachers' Occupational Wellbeing. *International journal of environmental research and public health*, 20 (12), 6070. <https://doi.org/10.3390/ijerph20126070>
- Perry, A. H., Martinez, A., & Reddy, L. A. et al. (2024). Addressing violence against educators: What do teachers say works? *School Psychology*, 39 (5), 488–498. <https://doi.org/10.1037/spq0000576>
- Riley, K., Ellis, S., Weinstock, W., Tarrant, J., & Hallmond, S. (2006). Re-engaging disaffected pupils in learning: insights for policy and practice(R). *Improving Schools*, 9 (1), 17–31. <https://doi.org/10.1177/1365480206061994>
- Stilwell, S. M., Guzmán, P., Varela, J., McMahon, S. D., Bare, K., Heinze, J., & Zimmerman, M. (2025). Protecting Educators: A Scoping Review of Interventions That Address Teacher Victimization. *Behavioral Sciences*, 15 (2), 214. <https://doi.org/10.3390/bs15020214>
- Stilwell, S. M., Heinze, J. E., Hsieh, H. F., Torres, E., Grodzinski, A., & Zimmerman, M. (2024). Positive youth development approach to school safety: a comprehensive conceptual framework. *Journal of school health*, 94 (9), 848–857. <https://doi.org/10.1111/josh.13485>
- Vakili, R., Vakili, S., Ajilian Abbasi, M., & Masoudi, S. (2024). Overcrowded Classrooms: Challenges, Consequences, and Collaborative Solutions for Educators: A Literature Review. *Medical Education Bulletin*, 5 (2), 961–972.
- Weiler, S. C., & Cray, M. (2011). Police at school: A brief history and current status of school resource officers. *The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas*, 84 (4), 160–163.

Информация об авторе

Роман Геннадьевич Кузьмин – аналитик центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета.

About the author

Roman G. Kuzmin – Research Analyst of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research, Moscow Pedagogical State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 05.08.2025

Одобрена после рецензирования 20.09.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted August 5, 2025

Approved after reviewing September 20, 2025

Accepted October 28, 2025

Оригинальная статья

УДК 343.9.01

Традиционные и современные криминологические теории и криминологическая безопасность в XX веке

Екатерина Николаевна Рахманова

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
(Санкт-Петербург, Россия)
ekaterina.rachmanova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4602-4676

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются не утратившие своей актуальности классические, а также современные криминологические теории и их влияние на решение проблем противодействия преступности и обеспечение безопасности в обществе. Но если классические криминологические теории в основном акцентировали внимание на объяснении причин преступного поведения, то современные теории, например, теории развития и жизненного цикла, пространственного распределения преступности и др., опираются на междисциплинарные исследования с учетом современных социальных контекстов и связанных с ними проблем безопасности. **Методы исследования.** В работе применялись общенаучные методы, такие как сравнение, анализ, синтез, и дедуктивный методы, позволившие сформулировать некоторые общие выводы. **Заключение.** За многие десятилетия изучение преступности и ее причин серьезно эволюционировало, выйдя за рамки уголовного права и изучения факторов, способствующих преступному поведению. Результаты исследования показывают, что синергетический подход, объединяющий идеи традиционных и современных криминологических теорий, имеет большое значение для разработки эффективных мер безопасности в быстро меняющемся мире. Междисциплинарное взаимодействие с иными науками становится краеугольным камнем современной криминологии, что является необходимым условием создания эффективных программ обеспечения безопасности в обществе и государстве.

Ключевые слова

безопасность, девиантное поведение, классические теории, криминология, междисциплинарность, преступность, современные технологии

Для цитирования: Рахманова, Е. Н. (2025). Традиционные и современные криминологические теории и криминологическая безопасность в XX веке. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 519–530.

Original paper

Traditional and contemporary criminological theories and criminological security in the 20th century

Ekaterina N. Rakhmanova

North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
(Saint Petersburg, Russia)
ekaterina.rachmanova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8851-5313

© Рахманова Е. Н., 2025

Abstract

Introduction. The article deals with classical and contemporary criminological theories considered to be still relevant, as well as their influence on solving problems of crime prevention and ensuring security in society. However, while classical criminological theories mainly focused on explaining the causes of criminal behavior, contemporary theories, such as theories of development and life cycle, spatial distribution of crime, etc., are based on interdisciplinary research taking into account present-day social contexts and their related security issues. **Research methods.** The research is based on general scientific methods, such as comparison, analysis, synthesis, as well as deductive methods, making it possible to formulate some general conclusions. **Conclusion.** Over many decades, the study of crime and its causes has significantly evolved, extending beyond criminal law and the examination of factors contributing to criminal behavior. The research findings reveal that a synergistic approach, integrating ideas of both traditional and contemporary criminological theories, is crucial for developing effective security measures in a fast changing world. Interdisciplinary interaction with other sciences is becoming the cornerstone of contemporary criminology, being essential for developing effective programmes for providing the state and community safety.

Keywords

safety, deviant behavior, classical theories, criminology, interdisciplinarity, crime, modern technologies

For citation: Rakhmanova, E. N. (2025). Traditional and contemporary criminological theories and criminological security in the 20th century. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 519–530.

Введение

В течение длительного времени криминологическая наука сосредоточивалась преимущественно на анализе причин преступности, характеристик личности правонарушителей и разработке стратегий предупреждения преступности. Однако усложнение современной жизни, проявляющееся в росте киберпреступности, транснациональной организованной преступности и терроризма, предъявляет новые вызовы к теоретическим и эмпирическим исследованиям в данной области. Традиционные криминологические подходы, основанные на узкоспециализированных дисциплинарных знаниях, уже не способны обеспечить всестороннее понимание современных форм преступности и разработку адекватных мер реагирования. В связи с этим возникает необходимость перехода к междисциплинарному подходу, который интегрирует уголовное право и криминологию с социологией, психологией, а также с такими областями знания, как информатика, экономика, политология, кибербезопасность и др. Такой комплексный подход позволяет сформировать более целостное и многомерное представление о сложной природе современной преступности, а также об угрозах безопасности как для личности, так и для общества и государства в целом.

Описание исследования

Криминология XIX и XX столетий, в значительной степени сформированная под воздействием позитивизма, рассматривала проблемы безопасности личности, общества и государства через призму изучения личности преступника, причин преступности и разработки мер ее предупреждения. Этот подход, доминирующий на протяжении многих десятилетий, в значительной степени был направлен на понимание преступного поведения как продукта индивидуальной патологии, социальной дезорганизации и структурного неравенства.

В числе первых криминологических исследований следует вспомнить работы Чезаре Ломброзо и его последователей, которые пытались определить физические, психологические и биологические характеристики личности, отличающие преступников от не преступников.

Теория Ч. Ломброзо утверждала, что преступность – это наследуемая атавистическая черта, проявляющаяся в определенных физических характеристиках, «стигматах». В работе «Преступный человек», впервые опубликованной в 1876 г., он предположил, что существует особый биологический класс людей, проявляющих атавистические, или примитивные, черты, и потому склонных к преступности (Ломброзо, 2005). Ломброзо применял метод антропометрических измерений, согласно которому по внешнему виду человека – форме лица, черепа, расположению глаз и т. д. – можно было определить его преступные помыслы. Сопоставляя физические особенности организма преступников и законопослушных граждан, он выработал критерии для определения преступника, а также пришел к выводу, что индивиды со сходным типом внешних характеристик совершают одинаковые преступления.

Работы Ч. Ломброзо актуальны до сих пор. Они положены в основу многих криминологических биосоциальных теорий. Достаточно вспомнить морфологическую теорию темперамента Э. Кречмера, согласно которой тип темперамента зависит от конституциональных особенностей телосложения человека. Кроме того, теория Ломброзо спровоцировала интерес к систематическим методам идентификации, что способствовало развитию дактилоскопии, фотографии и других криминалистических методов, используемых сегодня правоохранительными органами. Что же касается проблем безопасности, основное значение теории заключалось в предположении, что идентификация внешних характеристик личности может помочь предсказать преступное поведение.

Очевидно, что подход Ломброзо к изучению преступников был прост по сравнению с современными методами изучения личности преступника, но именно он заложил основу концепции профилирования, получившую столь широкое распространение, особенно в последние годы (Карпов, 2017).

Недавние исследования в области поведенческой генетики и нейронауки вновь вызвали интерес ученых к идеям Ч. Ломброзо. Все больше специалистов привлекает такая область исследований, как нейроправо, изучающая влияние нейронауки на уголовную ответственность (Алферова, 2023). Ее представители пытаются количественно оценить биологические, психологические и социологические факторы, формирующие людей, и на их основе разрабатывать программы ранней профилактики, а также подходы к лечению преступников и поддержке жертв преступлений (Bedoya & Portnoy, 2022).

Это направление тесно связано с развитием искусственного интеллекта (ИИ) и его применением в сфере уголовного правосудия. Предиктивные алгоритмы используются, в частности, для прогнозирования того, где и кто с наибольшей вероятностью может совершить насильственное преступление или совершит повторное преступление в будущем. Например, в США с этой целью разработана программа COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions – профилирование правонарушителей для применения альтернативных исправительных мер). Однако позже исследования установили, что программа оказалась предвзятой по отношению к обвиняемым-афроамериканцам, отнеся их к лицам, более склонным к повторному совершению преступлений, в то время как это не всегда соответствовало действительности. Анализ других девяти различных алгоритмических подходов к прогнозированию рецидивизма также показал, что восемь из девяти (включая COMPAS) не смогли дать точные прогнозы (Angwin et al., 2022). В результате было признано, что «широко используемое коммерческое программное обеспечение для оценки рисков COMPAS не более точное или справедливое, чем прогнозы, сделанные людьми с небольшим или нулевым опытом в области уголовного правосудия» (Dressel & Farid, 2018).

Криминальная антропология Ч. Ломброзо является историческим примером того, как несовершенные криминологические теории продолжают оказывать влияние на развитие

современной науки и практики предупреждения преступности. Несмотря на общепринятое отрицание идеи «преступной личности», ее воздействие можно увидеть в современных дискуссиях об алгоритмической предвзятости, криминальном профилировании и в применяемых правоохранительными органами технологиях для обеспечения безопасности.

В отличие от последователей идей Ломброзо Чикагская школа криминологии, возникшая в начале XX столетия, сконцентрировала внимание на влиянии факторов окружающей среды на формирование преступного поведения. Выйдя за рамки детерминистских теорий, Чикагская школа изучала взаимосвязь городской экологии и преступности (Гилинский, 2009). Хотя теория социальной дезорганизации касалась в основном объяснения уровня преступности в отдельных районах, она также применялась и для объяснения виктимизации, подростковой делинквентности и т. п. Спорная в своей первоначальной формулировке, теория социальной дезорганизации постепенно превратилась в одну из наиболее популярных криминологических теорий, воздействуя на формирование современного понимания предупреждения преступности и разработку стратегий безопасности общества (Николаев, 2003).

Теория социального напряжения социолога Роберта Мертон также входит в число наиболее популярных в криминологии, несмотря на то что была разработана в контексте «американской мечты» в конце 1930-х–начале 1940-х гг. В одной из наиболее часто цитируемых работ XX века «Социальная структура и аномия» (1938) Р. Мертон писал, что некоторые социальные структуры оказывают определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, соответствующего с общепринятыми правилами (Мертон, 2006). Он полагал, что основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на которые общество нацеливает людей, и возможностями их достижения, придерживаясь установленных правил. Это противоречие приводит к тому, что человек, не сумевший, соблюдая правила, получить ожидаемые ценности, начинает их отрицать и стремится достичь желаемого любой ценой.

В результате это приводит к тому, что люди, особенно из низших социально-экономических слоев, не имеющие доступа к образованию, занятости и т. п., испытывают напряжение, которое может привести к конформизму, инновациям (принятие незаконных средств), ритуализму (отказ от целей, но следование средствам), ретритизму (отказ от целей и средств) и мятежу (замена существующих целей и средств) (Мертон, 2006). Но если конформизм является нормой, то последние четыре представляют собой девиантные ответы на аномические условия. Именно инновация, ретритизм как отказ от законных средств особенно важны сегодня для понимания, например, таких явлений, как терроризм. Отдельные лица или группы лиц могут воспринимать существующие пути достижения общественных целей, таких как политическое участие или экономическое развитие, как заблокированные или неэффективные, что приводит к тому, что они прибегают к нетрадиционным и порой насильственным методам, рассматривая терроризм как стратегию достижения желаемых ими результатов.

Социальная девиация, о которой пишет Мертон, является маркером современного общества. Не случайно в криминологической литературе термины «борьба», «предупреждение», «противодействие» и т. п. используются применительно к преступности и другим формам социальной девиации. Более того, законодатель постоянно сталкивается с необходимостью решить сложную дилемму: криминализовать или декриминализовать те или иные деяния. На конкретном уровне это имеет еще более прагматическое измерение, поскольку само по себе уголовное законодательство не может ограничить социальную девиацию, не говоря о том, что в ряде случаев уголовный закон является ее источником. В таких случаях, по мнению Р. Мертона, право не может предотвратить более крупный конфликт, который становится вторичным источником изменений, а это, в свою очередь, порождает новые отношения и необходимость

нового правового регулирования. Но законодатель может повлиять на процесс предупреждения преступности, либо установив правильный баланс между криминализацией и декриминализацией, либо разумно определив санкции за преступления.

Теория напряжения не утрачивает своей актуальности и сегодня, чему способствуют несколько факторов: во-первых, в отличие от теорий, которые фокусируются исключительно на индивидуальных характеристиках личности преступников, она признает социальные причины преступности, подчеркивая их значение в формировании девиантного поведения. Во-вторых, первоначально сосредоточенная на экономической преступности, теория объясняет и другие формы девиации, включая насильственные и даже политические преступления, утверждая, что разочарование и гнев, возникающие из-за депривации, могут в зависимости от индивидуальных и ситуативных факторов проявляться по-разному; в-третьих, теория напряжения постоянно развивается, реагируя таким образом на происходящие изменения в обществе.

Так, Роберт Агню расширил понимание напряжения, указав, что «три основных типа напряжения (негативных отношений с другими) возникают, когда другие (1) мешают или угрожают мешать индивиду достичь позитивно оцениваемых целей, (2) устраняют или угрожают устранить позитивно оцениваемые стимулы индивида (например – утрата близкого человека), (3) предоставляют или угрожают предоставить индивиду вредные или негативно оцениваемые стимулы (случаи виктимизации, стрессовые события)» (Гилинский, 2009). Иначе говоря, Р. Агню вместо того чтобы определить напряжение как разницу между финансовыми целями и законными средствами для достижения этих целей, признал, что напряжение вызвано разницей между стремлениями человека к любой цели и средствами достижения этой цели (Agnew, 1992).

В настоящее время, исследуя разнообразные формы напряжений и учитывая роль закона и социального контроля, теория напряжения позволяет разрабатывать в том числе стратегии безопасности общества (Расторгуев, 2018). С позиций теории напряжения криминологи изучают кибербуллинг (Yildiz & Saritepeci, 2020), экстремизм (Skoczylis & Andrews, 2022), виктимизацию несовершеннолетних (Grubb & Posick, 2018) и др.

Теория социального сдерживания, или теория связей, разработанная Трэвисом Хирши в 1969 г., остается актуальной для понимания и решения проблем общественной безопасности и сегодня. По его мнению, преступления совершаются в силу ослабления социальных связей. Противостоять этому могут помочь привязанность, обязательства, вовлеченность, вера (или убеждения) или то, что определяется как социальное сдерживание, которое связывает индивида как в начале, так и на протяжении всей его жизни с социальными группами и институтами и, наконец, с общепринятым общественным порядком. Иначе говоря, именно привязанность к людям, придерживающимся общепринятых социальных норм, является препятствием на пути делинквентного поведения.

Важно упомянуть, что некоторые ученые считают, что Хирши упрощает сложные факторы, способствующие преступности, и пренебрегает ролью структурного неравенства и динамики власти. Тем не менее сохраняющаяся актуальность заключается в акценте на важности социальных связей и совместного участия в содействии безопасному обществу.

Впервые термин «социальный контроль» использован Э. Россом (1866–1951). Теория контроля рассматривает девиантное поведение как результат нарушения социального контроля. Ее значение обусловлено предпосылкой, что конформизм, а не девиация, является состоянием человека по умолчанию, и что преступность возникает из-за ослабления или разрыва социальных связей, к которым относятся привязанность, приверженность, вовлеченность и убеждение, удерживающие людей от участия в противоправном поведении (Готтфредсон,

Хирши, 2014). В отличие от Р. Мертона представители теории социального контроля полагают, что приверженность долгосрочным образовательным или профессиональным целям действует как сдерживающий фактор, поскольку успешное достижение этих целей ставится под угрозу из-за нарушения социальных правил.

Теория социального контроля в полной мере совместима с другими теориями причин преступности, такими как теория рационального выбора, теория дифференциальной ассоциации и теория социального научения¹. С точки зрения современной безопасности теории социального контроля и сдерживания предоставляют основу для разработки проактивных и превентивных стратегий снижения преступности. Вместо того чтобы сосредоточиться исключительно на наказании за совершение преступления, они подчеркивают важность укрепления социальных связей, которые в первую очередь сдерживают преступность. Это особенно актуально при решении таких проблем, как молодежная преступность, радикализация в интернете и даже преступления «белых воротничков».

Как видно из краткого анализа традиционной криминологии XX века, нужно признать ее продолжающееся влияние на изучение проблем безопасности общества и создание основ для понимания причин преступности и разработки мер по ее предупреждению. Но классические криминологические теории обычно возникали в рамках одной дисциплины, например, социологии (теория социальной дезорганизации) или психологии (психодинамическая теория), часто игнорируя изучение факторов, находящихся за пределами их предметных границ. При этом социологическая точка зрения упускала из виду роль индивидуальных психологических черт, в то время как исключительно психологический подход мог не учитывать влияние структурного неравенства.

Например, социология при изучении причин насильственной преступности может фокусироваться на бедности, отсутствии образовательных возможностей и неблагоприятной ситуации в конкретном регионе. В свою очередь, психология акцентирует внимание на индивидуальных расстройствах личности, проблемах с самоконтролем и т. д. Но ни социология, ни психология сами по себе не дают полной картины понимания насильственного преступления, поскольку для этого необходим комплексный анализ взаимодействия индивидуальных и социальных факторов, не говоря о том, что данные, полученные в ходе нейробиологических исследований, могут пролить свет на биологические механизмы, лежащие в основе агрессии насильственного преступника. Не случайно поэтому в криминологии сформировались новые подходы к изучению и предупреждению преступности и проблемам безопасности в обществе.

Современная криминология все больше становится междисциплинарной. Причем, междисциплинарность – это не модная тенденция, а фундаментальная необходимость понимания сложного феномена преступности и разработки эффективных стратегий ее предупреждения. Решение современных сложных проблем безопасности невозможно без сотрудничества криминологов со специалистами самых разных областей знаний, таких как компьютерные науки, инженерия, социология, политология, международные отношения и т. д. Междисциплинарный подход позволяет, в частности, понять, как возникают и развиваются угрозы безопасности.

Как показал опрос, проведенный институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, «именно междисциплинарность лидирует в рейтинге значимости трендов развития науки в перспективе до 2030 г. (71 % респондентов), опережая даже цифровизацию исследований и разработок (ИР), оказавшуюся в силу стремительного развития в последние годы в центре внимания ведущих стран, научного сообщества и экспертов

¹ Rakhmanova, E. N. (2020). Zarubezhnye kriminologicheskie teorii i shkoly. V *Sbornike izbrannykh lekcij po kriminologii: uchebnoe posobie* (str. 18–38). Izdatel'stvo «Yurlitinform».

(62 % ответивших)»², причем наиболее высокие ожидания от междисциплинарности показывают представители гуманитарных наук.

В этом смысле интерес представляют криминологические теории развития и жизненного цикла (Laub, Sampson, 2020), объединяющие концепции, стремящиеся объяснить антисоциальное поведение и преступления. Криминология жизненного цикла исследует, как накопленный человеком опыт на протяжении всей его жизни формирует преступные траектории. При этом следует отличать время жизни, или временной интервал от рождения до смерти, от жизненного пути и жизненного цикла. Жизненный цикл – это усвоенная личностью последовательность этапов, представляющих определенный цикл, движение по кругу, в то время как жизненный путь означает структурированную последовательность фаз жизни и событий, характеризующих переходы между фазами (смена статусов). По сути, жизненный цикл представляет собой единство множества автономных линий развития, которые сходятся, расходятся, пересекаются, но не мыслятся отдельно друг от друга. Жизненный путь так же, как и жизненный цикл, состоит из этапов, но это уже не последовательность привязанных к определенным возрастам ролей, а цепочка фаз жизни, которые вместе с опытом приобретают в процессе социализации индивида различное значение и в которых могут содержаться ключевые глубинные причины антисоциального поведения и преступлений (Farrington, Kazemian, & Piquero, 2018).

Жизненный путь в первую очередь касается периодов детства и юности, в частности, исследуются ранние факторы риска, которые создают цепную реакцию, отрицательно влияя на более поздние стадии развития человека (например, ранняя агрессия, приводящая к отвержению сверстниками, затем девиантное общение со сверстниками и в конечном итоге преступность). Раннее выявление проблем позволяет разрабатывать вмешательства для определенной стадии развития и определять ключевые факторы риска.

Жизненный цикл охватывает всю жизнь человека. И для того чтобы понять, как как ранний опыт, биологическая предрасположенность и социальный контекст формируют преступную траекторию индивида на всем протяжении его жизни, исследуются биологические факторы (генетика, нейробиология, гормональные влияния), социально-экономические факторы (бедность), социальные связи (семейные отношения), жизненные события (работа, тюремное заключение), черты личности (психопатия), расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, проблемы с психическим здоровьем, значимые или поворотные моменты в жизни, которые либо способствовали отказу от преступной траектории либо, напротив, усугубляли антисоциальные тенденции.

Понимание этих различий имеет решающее значение для разработки целевых вмешательств и превентивных стратегий. Например, вмешательства, направленные на снижение рецидивизма среди бывших заключенных, часто включают помощь с решением жилищных проблем, профессиональное обучение, лечение от наркомании и т. п.

В то же время необходимо признать наличие некоторых проблем, связанных с применением теорий развития и жизненного цикла. Во-первых, они сложны и ресурсоемки, что затрудняет установление причинно-следственных связей между факторами риска и защиты и преступным поведением. Во-вторых, эффективность вмешательств может варьироваться в зависимости от конкретных характеристик целевой группы населения и контекста, в котором они реализуются. В-третьих, при планировании вмешательств на определенных этапах развития жизни человека, особенно в детстве, могут возникнуть проблемы этического характера, поскольку такие вмешательства порой способствуют стигматизации людей, находящихся в группе риска.

² Китова, Г. А. (2025). *Будущее науки: междисциплинарность*. Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/1013764486.html>

Но в любом случае теории развития и жизненного цикла играют важную роль в понимании этиологии преступного поведения и разработки эффективных стратегий профилактики преступности. Предпринимая вмешательство на определенных стадиях развития человека и обращаясь к факторам риска, которые способствуют совершению преступлений, они предлагают пути для снижения преступности и улучшения жизненных траекторий лиц, находящихся в группе риска.

Иным направлением современной криминологии является пространственное распределение преступности. Представители данного направления признают, что преступность распределяется неравномерно, она группируется в определенных местах и демонстрирует предсказуемые пространственные связи с другими социальными, экологическими и экономическими факторами.

В основе данного направления лежат следующие положения: а) преступность не является случайным явлением, поскольку на нее влияют базовые факторы, формирующие ее вероятность в определенных местах, называемых «горячими точками». Они могут быть сконцентрированы в разных кварталах городов, на разных улицах и даже в отдельных регионах; б) склонность к совершению преступлений в одном месте часто связана с уровнем преступности в соседних местах. Пространственная корреляция может быть положительной (районы с высоким уровнем преступности, как правило, находятся рядом с районами с высоким уровнем преступности) или отрицательной (районы с высоким уровнем преступности находятся рядом с районом, в котором благодаря эффективной работе полиции низкий уровень преступности); в) пространственное распределение преступности зависит от характеристик окружающей среды (например, плотность застройки, бедность, плотность населения, социальная дезорганизация, присутствие полиции, общественные организации); г) пространственное распределение преступности не статично; оно меняется в ответ на изменения окружающей среды, деятельность полиции и т. п. (Lu, Lee, & Williams, 2019).

Исследования пространственного распределения преступности можно условно разделить на два вида: макроуровень – анализ характеристик пространственного распределения преступности с точки зрения всего региона и установление населенных пунктов с высоким уровнем преступности в регионе; микроуровень – анализ характеристик пространственного распределения преступности в конкретном населенном пункте.

Результаты исследований пространственного распределения преступности используются при картографировании преступности и географического профилирования. Они позволяют полиции выявлять районы с высоким уровнем преступности и более эффективно распределять патрулирование в них, а архитекторам учитывать особенности уличного освещения, возможности естественного наблюдения и т. д. (Разогреева, 2017). Знания о пространственном распределении преступности в населенном пункте могут приниматься во внимание застройщиками и даже лицами, принимающими решения, где им жить или работать.

За последние несколько десятилетий интернет, компьютеры, мобильные телефоны и другие виды современных технологий произвели революцию в нашей жизни. Информационно-коммуникационные технологии используются практически во всех сферах жизни: электронное правительство, электронная коммерция, электронное образование, электронное здравоохранение и электронная среда и т. п. Но интенсивное развитие современного информационного общества сопровождается новыми серьезными угрозами. В научный обиход вошли такие понятия, как «компьютерная преступность», «киберпреступность», «цифровая преступность», «кибербезопасность» и «киберпространство», которые трудно разделить.

Так, серьезные криминологические проблемы порождает технология блокчейна, которая является удобной платформой для совершения преступлений. При этом она же может сыграть

важную роль в профилактике преступности, так как правильное использование присущих технологии характеристик, таких как прозрачность и неизменность, содержит потенциальную возможность отследить собственника криптовалюты с момента ее создания, поскольку технология предполагает регистрацию каждой подобной сделки с последующим внесением отметок в транзакционный блок (цепочку) при помощи последовательного шифрования данных о каждой очередной транзакции. Иначе говоря, активно развивающаяся технология блокчейна обладает особыми свойствами, обеспечивающими безопасность информационной инфраструктуры.

То же можно отнести и к кибербезопасности, которая оказывает влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств, на международное, информационное, уголовное и другие отрасли права, состояние критической информационной инфраструктуры, информационно-коммуникационных технологий, компьютерных сетей и т. п. При этом специалисты в области кибербезопасности сосредоточены на технических средствах защиты компьютерных систем, сетей и данных от несанкционированного доступа, повреждения или кражи, включая разработку и внедрение таких мер, как протоколы безопасности, брандмауэры, системы обнаружения вторжений и другие технологические средства. С криминологической точки зрения исследование проблем кибербезопасности предполагает комплексный подход, включающий разработку и реализацию как технических, так и нетехнических мероприятий, направленных на предотвращение и расследование киберпреступлений. Этот подход охватывает защиту не только аппаратных и программных средств, но и информационных ресурсов, содержащихся в них, включая программное обеспечение и данные, а также учитывает влияние киберпреступлений на личность, общество и государство. Таким образом, криминологический анализ расширяет рамки технических мер, фокусируясь на профилактике, выявлении и пресечении преступных действий в киберпространстве.

На современном академическом рынке исследований киберпреступности по-прежнему наблюдается недостаточное внимание к данной проблеме по сравнению с более развитым направлением – исследованиями в области кибербезопасности. Последние объединяют более сорока пяти различных дисциплин, охватывающих широкий спектр областей знаний – от философии и экономики до гуманитарных наук, здравоохранения, права и технологий (Carley, 2020). Такой междисциплинарный подход подтверждает сложность и многогранность феномена киберпреступности, который не может быть сведен к одной области знания.

В связи с этим в криминологии возникло новое междисциплинарное направление – киберкриминология, объединяющее исследования киберпреступности на стыке компьютерных наук и криминологических теорий (Jaishankar, 2007). Этот подход важен, поскольку киберпреступность – это не просто проявление технологической уязвимости, а сложный социально-криминологический феномен, требующий переосмысления существующих теорий с учетом новых условий цифровой эпохи. Адаптация традиционных криминологических концепций к современным вызовам является ключевым аспектом развития теоретической базы в данной области.

Заключение

Завершая анализ развития современной криминологии, необходимо отметить, что классическая, или традиционная, криминология, сформировавшаяся в прошлые столетия, хотя и вносит значительный вклад в наше понимание преступности, исторически отдавала приоритет уголовно-правовым, социологическим, биологическим или психологическим направлениям. Этот редуционистский подход, хотя и допускает целенаправленный анализ в названных сферах, но ограничивает нашу способность справляться со сложной и многогранной

природой современной преступности, которая не поддается простой категоризации и нуждается в привлечении экспертов из разных областей знаний.

Вызовы XXI века требуют перехода от традиционных, изолированных подходов к междисциплинарным криминологическим исследованиям. Интеграция идей из различных сфер знаний позволит разработать более эффективные и современные стратегии предупреждения преступности и обеспечения безопасности общества. Будущее криминологии видится в ее способности выйти за рамки дисциплинарных границ и сформировать новые виды сотрудничества, которые смогут учесть сложные реалии преступности и безопасности общества в быстро меняющемся мире.

Список литературы

- Алферова, Е. В. (2023). Нейроправо: достижения в области нейронауки и их применение в криминологии, криминалистике и правосудии. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право*, 2, 206–216.
- Гилинский, Я. И. (2009). *Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль*: монография. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс».
- Готтфредсон, М. Р., Хирши, Т. (2014). Общая теория преступности. Глава 1. Классическая теория и понятие преступления. В Э. Л. Панеях, А. М. Кадникова (ред.), *Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов* (стр. 283–294). Москва: Статут.
- Карпов, В. О. (2017). Криминологический анализ современного профилирования и его направлений. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 1 (127), 94–97.
- Ломброзо, Ч. (2005). *Преступный человек*: монография (пер. с итал.). Москва: Эксмо.
- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура* (пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.). Москва: АСТ; Хранитель.
- Николаев, В. Г. (2003). Чикагская школа социологии о преступности (вступительная статья В. Г. Николаева). *Личность. Культура. Общество*, 5 (3-4 (17-18)), 189–196.
- Разогреева, А. М. (2017). Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство. *Всероссийский криминологический журнал*, 11 (4), 706–716.
- Расторгуев, С. В. (2018). Экстремизм в молодежной среде современной России: виды, факторы распространения, мягкие технологии. *Политическая наука*, 4, 124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07>
- Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30 (1), 47–87. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x>
- Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., & Kirchner, L. (2022). Machine bias. In K. Martin (Ed.), *Ethics of Data and Analytics* (pp. 254–264). New York: Auerbach Publications.
- Bedoya, A., & Portnoy, J. (2022). Biosocial Criminology: History, Theory, Research Evidence, and Policy. *Victims & Offenders*, 18 (8), 1599–1629. <https://doi.org/10.1080/15564886.2022.2133035>
- Carley, K. (2020). Social Cybersecurity: An Emerging Science. *Computational and Mathematical Organizational Theory*, 26 (4), 365–381.
- Dressel, J., & Farid, H. (2018). The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism. *Science Advances*, 4 (1). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580>
- Farmer, J. F. (2018). Polemics on the Etiology of Juvenile Delinquency: A Review of Some Multiple-Perspective Attacks on Travis Hirschi's Social Bonding Theory. *Issues in Social Science*, 6 (2), 69–89. <https://doi.org/10.5296/iss.v6i2.13746>

- Farrington, D. P., Kazemian, L., & Piquero, A. R. (Eds.) (2018). *The oxford handbook of developmental and life-course criminology*. Oxford University Press, USA. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190201371.001.0001>
- Grubb, J., & Posick, Ch. (2018). Applying Agnew's Integrated Theory of Crime and Delinquency to Victimization Risk: A Contemporaneous and Longitudinal Examination. *Criminal Justice Review*, 43 (3), 289–308. <https://doi.org/10.1177/0734016818756487>
- Jaishankar, K. (2007). Cyber Criminology: Evolving a novel discipline with a new journal. *International Journal of Cyber Criminology*. 1 (1), 1–6. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18276>.
- Laub, J. H., & Sampson, R. J. (2020). Life-Course and Developmental Criminology: Looking Back, Moving Forward—ASC Division of Developmental and Life-Course Criminology Inaugural David P. Farrington Lecture, 2017. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 6 (2), 158–171. <https://doi.org/10.1007/s40865-019-00110-x>
- Lu, W., Lee, G., & Williams, I. (2019). The Spatial and Social Patterning of Property and Violent Crime in Toronto Neighborhoods: A Spatial-Quantitative Approach. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 8 (1), 51. <https://doi.org/10.3390/ijgi8010051>
- Skoczylis, J., & Andrews, S. (2022). Strain theory, resilience, and far-right extremism: the impact of gender, life experiences and the internet. *Critical Studies on Terrorism*, 15 (1), 143–168. <https://doi.org/10.1080/17539153.2022.2031137>
- Yildiz Durak, Y., & Saritepeci, M. (2020). Examination of the Relationship between Cyberbullying and Cyber Victimization. *Journal of Child and Family Studies*, 29 (10), 2905–2915. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01768-4>

References

- Alferova, E. V. (2023). Nejropravo: dostizheniya v oblasti nejronauki i ih primeneniye v kriminologii, kriminalistike i pravosudii. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo*, 2, 206–216.
- Gilinskij, Ya. I. (2009). *Kriminologiya. Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol'*: monografiya. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Yuridicheskij centr Press».
- Gottfredson, M. R., Hirshi, T. (2014). Obshchaya teoriya prestupnosti. Glava 1. Klassicheskaya teoriya i ponyatie prestupleniya. V E. L. Paneyah, A. M. Kadnikova (red.), *Pravo i pravoprimeneniye v zerkale social'nyh nauk: hrestomatiya sovremennyh tekstov* (str. 283–294). Moscow: Statut.
- Karpov, V. O. (2017). Kriminologicheskij analiz sovremennogo profilirovaniya i ego napravlenij. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (127), 94–97.
- Lombrozo, Ch. (2005). *Prestupnyj chelovek*: monografiya (per. s ital.). Moscow: Eksmo.
- Merton, R. (2006). *Social'naya teoriya i social'naya struktura* (per. s angl. E. N. Egorovoj i dr.). Moscow: AST; Hranitel'.
- Nikolaev, V. G. (2003). Chikagskaya shkola sociologii o prestupnosti (vstupitel'naya stat'ya V. G. Nikolaeva). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 5 (3-4 (17-18)), 189–196.
- Razogreeva, A. M. (2017). Preduprezhdeniye prestuplenij pri pomoshchi sredovogo proektirovaniya: zashchishchayushchee prostranstvo i zashchishchennoe prostranstvo. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 11 (4), 706–716.
- Rastorguev, S. V. (2018). Ekstremizm v molodezhnoj srede sovremennoj Rossii: vidy, faktory rasprostraneniya, myagkie tekhnologii. *Politicheskaya nauka*, 4, 124–145. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.07>
- Agnew, R. (1992). Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 30 (1), 47–87. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x>
- Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., & Kirchner, L. (2022). Machine bias. In K. Martin (Ed.), *Ethics of Data and Analytics* (pp. 254–264). New York: Auerbach Publications.

- Bedoya, A., & Portnoy, J. (2022). Biosocial Criminology: History, Theory, Research Evidence, and Policy. *Victims & Offenders*, 18 (8), 1599–1629. <https://doi.org/10.1080/15564886.2022.2133035>
- Carley, K. (2020). Social Cybersecurity: An Emerging Science. *Computational and Mathematical Organizational Theory*, 26 (4), 365–381.
- Dressel, J., & Farid, H. (2018). The Accuracy, Fairness, and Limits of Predicting Recidivism. *Science Advances*, 4 (1). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580>
- Farmer, J. F. (2018). Polemics on the Etiology of Juvenile Delinquency: A Review of Some Multiple-Perspective Attacks on Travis Hirschi's Social Bonding Theory. *Issues in Social Science*, 6 (2), 69–89. <https://doi.org/10.5296/iss.v6i2.13746>
- Farrington, D. P., Kazemian, L., & Piquero, A. R. (Eds.) (2018). *The oxford handbook of developmental and life-course criminology*. Oxford University Press, USA. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190201371.001.0001>
- Grubb, J., & Posick, Ch. (2018). Applying Agnew's Integrated Theory of Crime and Delinquency to Victimization Risk: A Contemporaneous and Longitudinal Examination. *Criminal Justice Review*, 43 (3), 289–308. <https://doi.org/10.1177/0734016818756487>
- Jaishankar, K. (2007). Cyber Criminology: Evolving a novel discipline with a new journal. *International Journal of Cyber Criminology*. 1 (1), 1–6. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18276>
- Laub, J. H., & Sampson, R. J. (2020). Life-Course and Developmental Criminology: Looking Back, Moving Forward—ASC Division of Developmental and Life-Course Criminology Inaugural David P. Farrington Lecture, 2017. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 6 (2), 158–171. <https://doi.org/10.1007/s40865-019-00110-x>
- Lu, W., Lee, G., & Williams, I. (2019). The Spatial and Social Patterning of Property and Violent Crime in Toronto Neighborhoods: A Spatial-Quantitative Approach. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 8 (1), 51. <https://doi.org/10.3390/ijgi8010051>
- Skoczylis, J., & Andrews, S. (2022). Strain theory, resilience, and far-right extremism: the impact of gender, life experiences and the internet. *Critical Studies on Terrorism*, 15 (1), 143–168. <https://doi.org/10.1080/17539153.2022.2031137>
- Yildiz Durak, Y., & Saritepeci, M. (2020). Examination of the Relationship between Cyberbullying and Cyber Victimization. *Journal of Child and Family Studies*, 29 (10), 2905–2915. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01768-4>

Информация об авторе

Екатерина Николаевна Рахманова – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент.

About the autor

Ekaterina N. Rakhmanova – Head of the Department of Criminal Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Одобрена после рецензирования 28.08.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted June 03, 2025

Approved after reviewing August 28, 2025

Accepted October 28, 2025